

ISSN 2225-5346
e-ISSN 2686-8989

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BAL TIC ACCENT

2021

Том 12
Vol.

№ 1

Издательство Immanuel Kant Baltic Federal
Балтийского федерального University Press
университета им. Иммануила Канта
2021

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ
АКЦЕНТ
2021
Том 12
№ 1

Калининград :
Изд-во БФУ
им. И. Канта, 2021.
115 с.

Учредитель
Балтийский
федеральный
университет
им. Иммануила Канта

Редакция
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Чернышевского, 56

Издатель
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Типография
Адрес: 236022, Россия,
Калининград,
ул. Гайдара, 6

Издание
зарегистрировано
в Федеральной службе
по надзору
в сфере связи,
информационных
технологий и массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
СМИ ПИ
№ ФС77-46308
от 26 августа 2011 г.

Редакционная коллегия

Владимир Александрович Плунгян, доктор филологических наук, академик РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия) — и.о. главного редактора; *Сурен Тигранович Золян*, доктор филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — главный научный редактор; *Алексей Николаевич Черняков*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия) — ответственный редактор; *Наталья Сергеевна Автономова*, доктор философских наук, Институт философии РАН (Россия); *Наталья Михайловна Азарова*, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН (Россия); *Томас Венцлова*, профессор, Йельский университет (США); *Димитр Веселинов*, доктор филологических наук, профессор, Софийский университет им. Святого Климента Охридского (Болгария); *Ив Гамбье*, доктор лингвистики, профессор, Университет Турку (Финляндия); *Игорь Николаевич Данилевский*, доктор исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Вера Ивановна Заботкина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (Россия); *Михаил Васильевич Ильин*, доктор политических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Максим Анисимович Кронгауз*, доктор филологических наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Александр Васильевич Лавров*, академик РАН, доктор филологических наук, Институт русской литературы РАН (Россия); *Михаил Юрьевич Лотман*, профессор, Таллинский университет, Тартуский университет (Эстония); *Иван Борисович Микиртумов*, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия); *Михаил Андреевич Осадчий*, доктор филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия); *Джеймс Расселл*, профессор, Гарвардский университет (США), Иерусалимский университет (Израиль); *Игорь Витальевич Силантьев*, доктор филологических наук, Институт филологии СО РАН (Россия); *Игорь Павлович Смирнов*, профессор, Констанцский университет (Германия); *Питер Стайнер*, профессор, Университет Пенсильвании (США); *Григорий Львович Тульчинский*, доктор философских наук, НИУ «Высшая школа экономики» (Россия); *Татьяна Валентиновна Цвигун*, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Вадим Александрович Чалый*, доктор философских наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта (Россия); *Татьяна Владимировна Черниговская*, доктор биологических наук, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Россия)

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук, распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р, а также в список журналов, индексируемых в Russian Science Citation Index на платформе Web of Science, и ядро РИНЦ.

Подписной индекс 36836
Тираж 120 экз.
Дата выхода в свет 16.03.2021 г.

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT
2021
Vol. 12
№ 1

Kaliningrad :
I. Kant Baltic Federal
University Press, 2021.
115 p.

Founders

Immanuel Kant Baltic
Federal University

Address

14 A. Nevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236016

Editorial office

56 Chernyshevskogo St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

Publishing house

6 Gaidara St.,
Kaliningrad, Russia,
236022

The opinions expressed
in the articles are private
opinions of the authors
and do not necessarily
reflect the views
of the founders
of the journal

Mass Media
Registration Certificate
PI № FS77-46308,
on 26 August, 2011

Editorial board

Prof. *Vladimir A. Plungyan*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, V. V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences (Russia) – Acting Editor-in-Chief;
Prof. *Suren T. Zolyan*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Scientific Editor; Dr *Alexey N. Chernyakov*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia) – Executive Editor-in-chief; Prof. *Natalia S. Avtonomova*, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Nataliya M. Azarova*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia);
Prof. *Tomas Venclova*, Yale University (USA); Prof. *Dimitar Vesselinov*, Sofia University ‘St. Kliment Ohridski’ (Bulgaria);
Prof. *Yves Gambier*, University of Turku (Finland);
Prof. *Igor N. Danilevskii*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Vera I. Zabolotkina*, Russian State University for the Humanities (Russia); Prof. *Mikhail V. Ilyin*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Maxim A. Krongauz*, National Research University Higher School of Economics (Russia); Prof. *Alexander V. Lavrov*, Full Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences (Russia); Prof. *Mikhail Yu. Lotman*, Tallinn University, University of Tartu (Estonia); Prof. *Ivan B. Mikirtumov*, Saint-Petersburg State University (Russia);
Prof. *Mikhail A. Osadchy*, Pushkin State Russian Language Institute (Russia); Prof. *James R. Russell*, Harvard University (USA), the Hebrew University of Jerusalem (Israel);
Prof. *Igor V. Silantyev*, Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Russia);
Prof. *Igor P. Smirnov*, University of Konstanz (Germany);
Prof. *Peter Steiner*, University of Pennsylvania (United States);
Prof. *Grigorii L. Tulchinskii*, St. Petersburg School of Social Sciences and the Humanities, National Research University Higher School of Economics (Russia); Dr *Tatyana V. Tsvigun*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia); Prof. *Vadim A. Chaly*, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia);
Prof. *Tatiana V. Chernigovskaya*, Saint-Petersburg State University (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора (С. Золян).....	6
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	
<i>Фещенко В. В.</i> Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории.....	7
ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	
Перевод философских текстов (<i>И. Гамбье</i>).....	32
<i>Бойко Л. Б., Чугуева К. С., Гулина А. К.</i> Особенности переводческого перитекста (на основе перевода на русский язык труда по философской эстетике «Анализ красоты» Уильяма Хогарта)	34
<i>Белей М. А., Фонова Е. Г.</i> Особенности перевода постмодернистской терминологии в философских работах М. Фуко, Ж. Бодрийяра и Ж. Деррида	50
<i>Черненко И. Г., Гордеева Е. М.</i> Сравнительный анализ эпистемологического языка в переводе.....	63
СЛОВА И СМЫСЛЫ	
<i>Волкова Т. Ф., Забродина Д. А.</i> Печорские списки «Чуда святого Августина об обретенном старце».....	71
<i>Руссу К. Р., Мельник Ю. А.</i> Существительное «высылка»: семантический портрет и система многозначности (на материале розыскных деловых документов второй половины XIX века).....	86
<i>Северская О. И., Селезнева Л. В.</i> Рефрейминг идиом и паремий в коронавирусном дискурсе.....	96

CONTENTS

From the editor (<i>S. Zolyan</i>)	6
--	---

CURRENT TRENDS IN LINGUISTICS

<i>Feshchenko V. V.</i> Literary communication: from semiotic models to a theory of linguistic aesthetics	7
---	---

TRANSLATING PHILOSOPHY AND SOCIAL SCIENCES

Translating Philosophy (<i>Y. Gambier</i>)	32
--	----

<i>Boyko L. B., Chugueva K. S., Gulina A. K.</i> Peritext of the Russian translation of William Hogarth's <i>Analysis of Beauty</i> : a case study	34
--	----

<i>Beley M. A., Fonova E. G.</i> Translation of postmodern terminology in the philosophical works by M. Foucault, J. Baudrillard, and J. Derrida	50
--	----

<i>Chernenok I. G., Gordeeva E. M.</i> Comparative analysis of the epistemological language in translation	63
--	----

WORDS AND SENSES

<i>Volkova T. F., Zabrodina D. A.</i> Pechora scrolls: <i>St. Augustine's miracle of the revelation of the Elder</i>	71
--	----

<i>Russu K. R., Melnik Yu. A.</i> The noun <i>visilka</i> : a semantic portrait and a system of multiple meanings (based on police search documentation of the second half of the 19th century)	86
---	----

<i>Severskaya O. I., Selezneva L. V.</i> Reframing paroemias of the coronavirus discourse	96
---	----

ОТ РЕДАКТОРА

В 2020 году журнал «Слово.ру: балтийский акцент» отметил десятилетний юбилей. Уже устоявшимися можно считать проблематику и подходы, углублению и развитию сделанного будет посвящена дальнейшая деятельность журнала.

Продолжая уже сложившуюся практику дискуссий по актуальным проблемам лингвистики, мы публикуем статью В.В. Фещенко в надежде, что поднятые в ней вопросы могут стать темой научного обсуждения.

Благодаря усилиям признанного авторитета в области теории и практики перевода, члена редакционной коллегии журнала профессора Ива Гамбье в Балтийском федеральном университете им. Иммануила Канта уже не один год действует семинар, на котором обсуждаются различные грани перевода. Приоритет отдается актуальной и малоисследованной тематике, при этом работа семинара организована так, что участниками проекта становятся также и ведущие европейские специалисты. Результаты предыдущего этапа были опубликованы в нашем журнале (2019, том 10, №1, 3).

В прошлом году проходящий под кураторством профессора Ива Гамбье семинар был посвящен вопросам перевода в области социальных и гуманитарных наук. В этом номере будут опубликованы исследования участников семинара, представляющих БФУ им. И. Канта. В последующих номерах мы планируем разместить статьи зарубежных коллег. Предваряет проект вступительное слово его куратора. Учитывая международный характер проекта, статьи публикуются на английском языке

История и современность — как они отражены в семантике слова: этому аспекту посвящены статьи в рубрике «Слова и смыслы».

*Сурен Золян,
главный научный редактор*

УДК 81'22

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОТ СЕМИОТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ К ЛИНГВОЭСТЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В. В. Фещенко¹

¹ Институт языкознания РАН
125009, Россия, Москва, Бол. Кисловский пер., 1, стр. 1
Поступила в редакцию 25.10.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-1

Статья посвящена художественной коммуникации как одной из разновидностей языковой коммуникации. Цель – выработка лингвоэстетической модели художественной коммуникации на основе существующих в семиотике, лингвистике и поэтике моделей знака, семиозиса и коммуникации. Применяется семиотическая методология построения моделей знака и коммуникативного акта, разработанная в трудах Г. Фреге, Ч.С. Пирса, Г.Г. Шпета, Я. Мукаржовского, Р.О. Якобсона, Ю.М. Лотмана, У. Эко, Л.А. Новикова, С.Т. Золяна. Рассмотрены модели знаков и соответствующие им модели семиозиса применительно к художественным системам. Уточнено понятие художественной коммуникации, под которой в данном исследовании понимается взаимодействие автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства как сообщения или высказывания. Установлена корреляция между структурой художественного знака и структурой акта художественной коммуникации. Модель художественной коммуникации представлена в виде соответствий между уровнями художественного знака и звеньями в коммуникативной цепи.

Ключевые слова: знак, семиозис, коммуникация, модель, эстетическая функция, лингвоэстетика

1. Коммуникативно-дискурсивный подход к художественному языку

Отдельные «проблески» коммуникативной концепции языка искусства возникали еще у немецких и английских романтиков, пытавшихся выяснить природу отношений между творцом и творением. Романтическая парадигма породила и теорию В. фон Гумбольдта, размышлявшего о роли языка в человеческом общении, и впоследствии — уже на психологической основе — концепцию языка как искусства А.А. Потебни

и его школы¹. Так, Потебню интересовал процесс понимания в передаче мысли посредством языка, а его последователя А.Г. Горнфельда — процесс восприятия и толкования вербального произведения искусства. Однако эти концепции вряд ли еще можно признать коммуникативно-ориентированными, так как они не учитывают все стороны коммуникативного процесса.

Одним из первых о коммуникативной природе слова и языка заговорил Г.Г. Шпет, убежденный в социальной природе слова как средства общения. В «Эстетических фрагментах» он писал: «Слово есть чувственный комплекс, выполняющий в общении людей специфические функции: основным образом — семантические и синсемантические и производным — экспрессивные и дейктические (указание, призыв, приказание, жалоба, мольба и т.д.). Слово есть *prima facie* сообщение. Слово, следовательно, средство общения; сообщение — условие общения» (Шпет, 2007, с. 207). Примечательно, что Г.Г. Шпет выделяет уже триаду языковых функций, скорее всего, с опорой на лингвистическое учение А. Марти: семантическую (и синсемантическую), экспрессивную и дейктическую. Австрийский философ языка одним из первых предложил концепцию языка как намеренного социального действия и функциональную модель описания языка.

Язык, по Шпету, — и основа культуры, и средство коммуникации: «...язык, как такой, есть условие всякого культурного бытия, а следовательно, и его исторического осуществления в формах человеческого общения. Но раз осуществляемый в человеческом общении, он неизбежно для этого последнего должен представляться так же, как средство, как средство самого общения, среди других средств общения» (Шпет, 2007, с. 353). Таким образом, первые наброски коммуникативного подхода к языку в русской традиции формируются в философии раньше, чем в лингвистике. У Г.Г. Шпета такие наброски не случайно сопряжены с философией поэтической внутренней формы, а значит, с художественным дискурсом по преимуществу.

У другого философа языка — В.Н. Волошинова — также возникает социально-ориентированная концепция языка, в том числе языка художественного: «Слово, взятое шире, как явление культурного общения, перестает быть самодовлеющей вещью и уже не может быть понято независимо от породившей его социальной ситуации» (Волошинов, 1926, с. 247). Художественная коммуникация (в терминах того времени — «общение») выделяется наряду с другими типами общения: производственного, делового, бытового, идеологического. Художественное общение — «особый тип общения, обладающий собственной, только ему свойственной формой. Понять эту особую форму социального общения, реализованного и закрепленного в материале художественного

¹ Л.А. Новиков называет эти воззрения «деятельно-коммуникативной концепцией словесного искусства». Они подходят к искусству как «не только художественному познанию и моделированию мира, но и особого рода эстетической коммуникации» (Новиков, 2001, с. 22).

произведения, и является задачей социологической поэтики» (Волошинов, 1926, с. 248). Художественное произведение, согласно В.Н. Волошинову, становится таковым только «в процессе взаимодействия творца и созерцателя как существенный момент в событии этого взаимодействия» (Там же, с. 248). Своеобразие эстетической коммуникации видится в художественных задачах, отличных, например, от задач коммуникации политической или рекламной. Приводится пример различия этих дискурсов: 1) бытовая фраза, употребленная в беседе: «Я хочу быть похожим на Ленина, на Владимира Ильича»; 2) агитационная фраза, сказанная на митинге: «Товарищи, чтобы оказаться достойными чести заменить умершего вождя в наступившую полосу великих работ, в эпоху напряженного строительства, каждый из вас должен сказать себе: "Я хочу быть похожим на Ленина, на Владимира Ильича"»; 3) поэтическая фраза из стихотворения комсомольского поэта: «Наша жизнь океаном вспенена, / Наша жизнь как вулкан горяча! / Я хочу быть похожим на Ленина, / На Владимира Ильича» (Волошинов, 1930, с. 238). В каждом из случаев интонация этих фраз и их, как сказали бы мы, дискурсивные особенности, обуславливают их «ценностную разнородность», функциональную дифференциацию. Как известно, этот подход был раскритикован современной ему официальной советской лингвистикой в лице марризма и проигнорирован в прочих советских учениях о языке (см. об этом: Алпатов, 2005, с. 231–238); оценен он был по достоинству только французской школой анализа дискурса 1960-х годов, в поздних статьях Р.О. Якобсона и московско-гартуской школой в 1970-е годы.

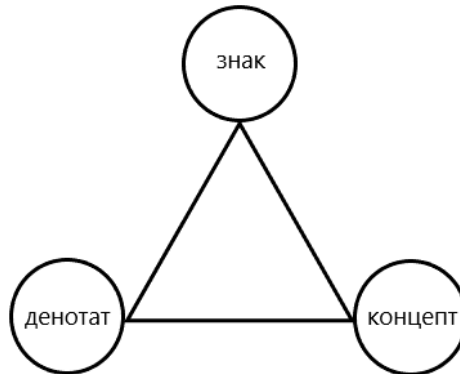
Коммуникативно-дискурсивный подход (Николаева, 1984) стал доминирующим в русском и зарубежном языкознании к 1980–1990-м годам. Под коммуникацией в узком смысле стало пониматься «сообщение или передача при помощи языка некоторого мысленного содержания» (Ахманова, 1966, с. 200–201), а в широком – любое социальное взаимодействие посредством языка или невербальных инструментов. Широкой трактовки этого понятия придерживались Р.О. Якобсон и Ю.М. Лотман, к коммуникативным моделям которых мы обратимся ниже. Пока остановимся на моделях, предшествовавших им, и установим их отношение к интересующим нас категориям художественной коммуникации и художественного дискурса. С точки зрения семиотических теорий коммуникация осуществляется посредством *семиозиса* как процесса порождения и интерпретации *знаков*. Рассмотрим модели знаков и соответствующие им модели семиозиса применительно к художественным системам.

2. Модель знака Г. Фреге и модель художественного знака Г.Г. Шпета

Одна из первых моделей знака была предложена немецким логиком Г. Фреге, и она еще не учитывала коммуникативную специфику семиозиса. Тем не менее рассмотрим ее как одну из ступеней к последующим, уже коммуникативным схемам.

Концепцию Фреге традиционно представляют в виде наглядной схемы, изображающей простейшую тернарную *структуру знака*²:

Знак, согласно Фреге, строится из 1) собственно знака, или тела знака, — в лингвистике это, например, написанное или произнесенное слово; 2) значения (в терминах Б. Рассела — денотата) — вещи или явления действительности, к которому отсылает знак; 3) смысла — понятия о предмете или вещи (в терминах Б. Рассела — концепта)³. В реальном процессе означивания отношения между этими тремя элементами могут осуществляться в разном направлении: от знака к предмету, от предмета к знаку, от знака к понятию. Ю.С. Степанов именует это обстоятельство «обобщением треугольника Фреге путем вращения». На схеме «мы как бы вращаем треугольник с закрепленными в вершинах сущностями, оставляя неподвижными семиотические названия вершин (язык — предмет — сигнификат)» (Степанов, 1998, с. 95).

² Строго говоря, данная схематизация в виде треугольника выведена уже интерпретаторами Фреге. У самого немецкого логика в работе «Смысл и значение» речь идет о «значении» и «смысле» как двух модусах отсылки от знака к содержанию, «различиях в способах данности обозначаемого». Треугольник упоминается у него лишь в контексте пересечения прямых смысла в одной точке значения: «Пусть a , b , c — прямые, соединяющие вершины треугольника с серединами противоположащих сторон; тогда справедливо (1)*: (1). Точка пересечения a и b совпадает с точкой пересечения b и c . Таким образом, одной точке соответствуют два разных обозначения, или и м е н и. Эти имена (точка пересечения прямых a и b , точка пересечения прямых b и c) указывают и на разные способы представления обозначаемого; поэтому в предложении (1) заключено подлинное знание. Таким образом, становится ясно, что знак как таковой (будь то слово, словосочетание или графический символ) может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть с тем, что можно было бы назвать д е н о т а т о м знака [Bedeutung]**, но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать с м ы с л о м знака [Sinn]; смысл знака — это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком. В нашем примере денотат выражений *точка пересечения прямых a и b* и *точка пересечения прямых b и c* одинаков, но смысл этих выражений разный. Точно так же денотат выражений *Утренняя звезда* и *Вечерняя звезда* одинаков, но смысл разный» (Фреге, 1997, с. 353–354).

³ В треугольнике Огдена — Ричардса этим понятиям соответствуют «символ», «референт» и «мысль».

Если попробовать применить эту схему к *знаку художественному как эстетическому объекту*, сразу возникает проблема с определением того, каков «предмет» или «денотат» (то есть значение, по Фреге) такого знака. Художественный знак в отличие от знака естественного языка устроен иначе по отношению как к самому «телу» знака, так и к «понятиям» (концептам), сигнифицируемым знаком, и к предметам реального мира (здесь особое расхождение с обыденным семиозисом).

Возьмем известный пример А. А. Реформатского, приводящего схему Фреге, о слове «шарик», которое в своем прямом значении имеет четкую связь знака, предмета и понятия, а в роли нарицательного имени (клички собаки) — лишь знака и объекта (уже без четкой связи с понятием «округлости»). На данной схеме С означает «слово», В — «вещь», П — «понятие» (Реформатский, 1996, с. 37):

В обоих случаях осуществляется нормальное связывание имени и объекта. Но каковым становится этот объект, попадая в художественный дискурс?

Новелла Д. Хармса «Смерть старичка» начинается со следующего предложения: «У одного старичка из носа выскочил маленький шарик и упал на землю» (Хармс, 1999, с. 725). Можем ли мы с уверенностью сказать, что идентифицируем слово «шарик» в этом высказывании либо с каким-то объектом, либо с каким-то четким понятием? Какого рода «шарик» может «выскочить» из «носа»? Для обыденной коммуникации это высказывание по меньшей мере абсурдно: мы вряд ли можем представить себе физические свойства этого «шарика» в столь нелепой пропозиции, равно как вряд ли можем ассоциировать его однозначно с понятием «округлости», ведь далее в тексте речь идет и о «выскочившем из ротика квадратике», и о «выскочившей из глаза палочке». Стало быть, слово «шарик» отрывается здесь от своих референциальных и сигнификативных значений, выступая в роли особого знака в особом, аномальном художественном мире, в котором возможны подобные трансформации предметов и слов⁴.

⁴ Ср. с индивидуально-авторским концептом шара во всем творчестве Хармса, в частности в стихотворении «Мне все противно»: <...> Тогда возми вот этот *шарик* / научную модель вселенной. / Но никогда не обольщай себя надеждой, / что форма *шара* / истинная форма мира. / Действительно / мы к *шару* чувствуем почтенье / и даже перед *шаром* снимаем шляпу / Лишь только то высокий смысл имеет, / что узнает в своей природе бесконечность / *Шар* бесконечная фигура <...>.

Другой, не столь аномальный, пример особого функционирования слова «шарик» в художественном дискурсе — повесть М. Булгакова «Собачье сердце». Изначально употребляемое как собачья кличка, оно трансформируется по сюжету в свою модифицированную форму — фамилию Шариков. Референтом фамилии Шариков становится новый, преображенный персонаж, сменивший родовую принадлежность, а сигнификатом — не смысл «шарообразности», а порождающее его в самом художественном тексте имя «Шарик». Таким образом, возникает двойственная единица «Шарик-Шариков» с раздвоенной референцией взаимозаменяемых существ (человек и собака) и внутритекстовой двойственной сигнификацией (смыслы человеческого и собачьего). См. развертывание этого знака в последовательности фраз из повести:

— Куть, куть, куть! Шарик, а Шарик? Чего ты скулишь бедняжка? А? Кто тебя обидел?.. Ух...
<...>

«Шарик» — она назвала его! Какой он к черту Шарик! Шарик — это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын счастливых родителей, а он лохматый, долговязый и рваный, шляпка поджарая, бездомный пес...
<...>

Опять Шарик. Окрестили! Да называйте, как хотите. За такой исключительный ваш поступок...
<...>

Этот знаменитый момент и следует считать началом шариковского образования.
<...>

Дробно защелкали кривые иглы в зажимах, семенные железы вшили на место шариковых.
<...>

Тогда обнажился купол Шарикового мозга — серый с синеватыми прожилками и красноватыми пятнами.
<...>

— Фамилию позвольте узнать.
— Фамилию я согласен наследственную принять.
— Как-с? Наследственную? Именно?
— Шариков.
<...>

Подпись заведующего подотделом очистки П. П. Шарикова удостоверяю.
<...>

Это еще не значит быть человеком. Впрочем, это не важно. Шарик и сейчас существует, и никто его решительно не убивал.
<...>

Высшее существо, важный песий благотворитель сидел в кресле, а пес Шарик, привалившись, лежал на ковре у кожаного дивана.

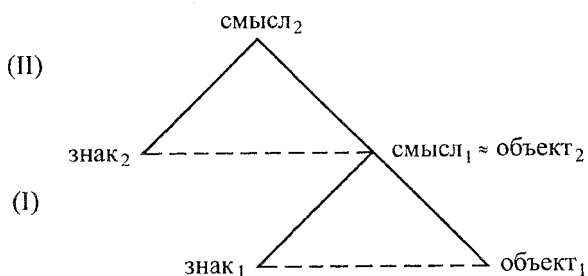

Природе *эстетического знака* и *эстетического значения* в словесном искусстве посвящены работы Л. А. Новикова. Согласно его концепции, значение как эстетическая категория⁵ имеет в своей структуре два компонента:

«Модальный — 'М' и семантический 'С'. Соотношение этих компонентов представлено в формуле 'М' · 'С', где 'М' символизирует модальность, понимаемую как выражение в языке оценочного отношения говорящего (в литературном произведении — автора в его различных ипостасях: рассказчика, персонажей и т.п.) к обозначаемому факту (то есть предмету, явлению художественно изображаемой действительности), а 'С' — само содержание факта» (Новиков, 2001, с. 45).

Иначе говоря, художественное значение отличается от общеязыкового сильным модальным (эстетически оценочным) компонентом, который «создается в тексте за счет взаимодействия с семантикой других слов и присущ данному слову именно как результат такого взаимодействия: 'М' · 'С'» (Там же, с. 49). Модальная составляющая значения служит эстетическим центром языковой единицы в художественном дискурсе.

Схема эстетического знака, по Л. А. Новикову, представляет собой двухъярусную структуру, «в которой узуальный смысл объекта первичной моделирующей системы предстает как художественно, эстетически воссоздаваемый объект вторичной моделирующей системы, наделенный поэтической внутренней формой. Значение первичного знака как бы "переводится" в значение вторичного, эстетически отмеченного знака» (Там же, с. 58):

В результате наложения этих двух ярусов друг на друга возникает, согласно схеме, художественно моделируемый предмет (объект). Исследователь приводит пример слова «тройка», которое в языке означает «упряжка в три лошади», но, будучи помещенным в художественный контекст произведений Н. Гоголя в виде образования *птица-тройка-Русь*, наделяется иным эстетическим смыслом⁶.

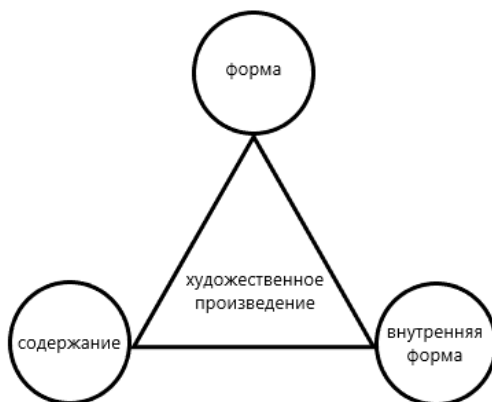
⁵ Проблема эстетического значения в лингвопоэтике впервые поставлена в работе (Ларин, 1974), см. также (Григорьев, 1979, с. 80–82).

⁶ Концепция эстетического значения Л. А. Новикова представляет собой проекцию на лингвистический анализ модели вторичных знаковых систем Ю. М. Лотмана, а также, по-видимому, теории Р. Барта о коннотации в тексте. В свою очередь, теория коннотации восходит к учению Л. Ельмслева и его последователей (см., например, теорию «эстетических коннотаторов», описанную еще в работе: Johansen, 1949).

Попробуем теперь соотнести фрегевский треугольник знака (и модифицированный Новиковым треугольник эстетического знака) с тем, что мы можем назвать треугольником «поэзиса»⁷. В этом нам поможет теория глубинной семиотики внутренних форм Г.Г. Шпета, описанная в первой части.

Представим в форме минимальной триады процесс *поэзиса*, выраженный в произведении искусства:

Любое художественное произведение обладает, во-первых, некоторой *формой* (она может быть статичной или динамичной, законченной или незаконченной, последовательной или фрагментарной, абстрактной или фигуративной и т.д.). Форма — самый ощутимый, самый опознаваемый и самый дискретный момент творческого процесса. Форма может сама состоять из некоторого множества форм, однако мы всегда способны выделить в произведении искусства некую его, так сказать, «корневую» форму.

Далее, художественная форма в той или иной количественной мере отсылает к некоторому *содержанию*, которое может находиться как во внешнем, так и во внутреннем мире самого художника, а в некоторых случаях даже внутри самой формы (случай так называемой автореференции). В зависимости от формы искусства содержание — более или менее абстрактно (наиболее абстрактно, или беспредметно, — в музыке, наиболее конкретно, или предметно, — в фотографии).

Наконец, необходимым элементом художественного процесса является *форма внутренняя*. Часто — это канал, соединяющий форму и содержание, иногда — отдельный «слой» произведения искусства, но в обобщенном виде внутренняя форма — всегда «проводник» между замыслом художника (миром автора) и воплощением этого замысла в форме произведения (мире произведения). Во внутренней форме мы имеем некий закон-алгоритм построения произведения, правило его образования, формования. Будучи формой осуществления, внутренняя форма произведения раскрывает соответствующую организацию смысла в живом творческом процессе.

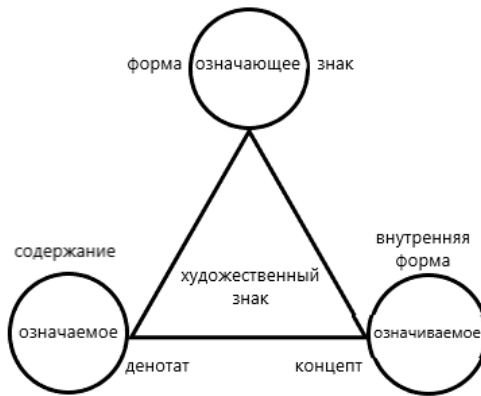
⁷ Под «поэзисом» будем понимать процесс порождения художественной формы (как предмет «поэтики»), по аналогии с «семиозисом» как процессом порождения знака (как предмета «семиотики»).

Приведем еще раз определение внутренней формы, по Г. Г. Шпету: «Внутренние формы лежат между внешними и предметными. Само собою также этим подсказывается, что это “между” есть не что иное, как своего рода отношение между указанными пределами, составляющими меняющиеся, живые термины этого отношения. <...> Оно заявляет о себе, что оно и в самом существе своем есть отношение динамическое» (Шпет, 1927, с. 93). Заметим, что «предметной формой» Шпет называет то, что в нашей схеме фигурирует как «содержание». В другом месте внутреннюю форму он отождествляет с «внутренней идеей» творчества: «Произведение есть продукт некоторого целемерного созидания, т. е. словесного творчества, руководимого не прагматической задачей, а внутренней идеей самого творчества <...>» (Там же, с. 142). Внутренняя форма является элементом, свойственным только произведениям искусства, в отличие от внешней формы и плана содержания, существующих во многих других видах человеческой деятельности.

Если треугольник поэзиса характеризует творческий процесс, выраженный в художественной форме, то треугольник Фреге описывает семиотический процесс, представленный в знаковой системе, или семиозис. По определению Ч. Морриса, семиозис — это процесс, в котором нечто функционирует как знак (Моррис, 2001, с. 47). Соответственно, можно представить себе *художественный семиозис* как процесс, в котором произведение искусства или какая-либо его часть функционирует как знак.

Теперь спроецируем эту схему поэзиса на фрегевскую схему знака, получая в итоге схему художественного семиозиса:

Мир художественных знаков, формирующийся в произведении искусства, может быть в таком виде представлен как соотношение между *означающей* художественной формой (например, в литературе — слово), *означаемым* художественным содержанием (в литературе — общеязыковое значение слова) и *означиваемой* внутренней формой (в литературе — внутритекстовые смыслы). Важно отметить в текущем контексте, что позиции в этом треугольнике могут часто меняться местами. Как форма может становиться содержанием (в приведенном примере из Булгакова содержанием имени Шариков выступает другое имя — Шарик),

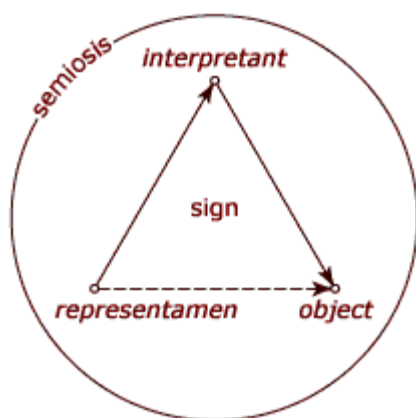

так и означающее — означаемым, или означиваемым (в примере из Хармса слово «шарик» оказывается членом ряда «квадратик», «палочка», «прутик», задаваемого автором как модель трансформаций, происходящих с персонажем-старичком). В треугольнике Фреге самым субъективным компонентом знака является «смысл», так как он располагается в сознании и порождается им. «Внутренняя форма», по Шпету, — также результат авторского целемерного создания художественной формы⁸.

В нашей результирующей схеме в качестве субъективной инстанции выступает *означиваемое* (производное от процесса «означивания» автором). Процесс *означивания* в художественном знаке всегда включает компонент внутренней формы (без чего может обходиться обыденный семиозис) как особого, авторского связывания формы и содержания знака. Но это только схема семиозиса, требующая детализации с позиции художественной коммуникации. Семиозис, как было указано выше, выступает предпосылкой коммуникации как передачи знака, значения и смысла от одного субъекта к другому.

3. Коммуникативные модели художественного семиозиса на основе теорий Ч. С. Пирса и К. Бюлера

Другая известная модель семиозиса — американского философа Ч. С. Пирса — вводит более субъективированный аспект в схему Фреге. То, что во фрегевском треугольнике называлось смыслом (концептом), получает у Пирса наименование интерпретанты. Интерпретанта — это способ употребления знака субъектом или воздействия знака на субъект. Семиозис, согласно этой концепции, осуществляется в сообществе производителей и интерпретаторов знаков. В данной схеме при этом акцент ставится на интерпретаторе, то есть человеке, получающем и воспринимающем знак:

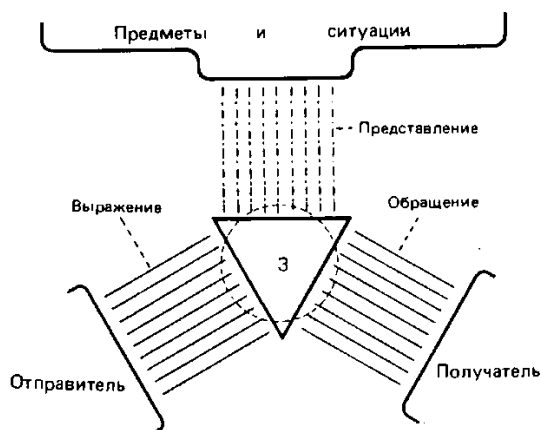

⁸ По Л. А. Новикову, внутренняя форма слова «образует основу изобразительных средств как особая эстетическая “сетка”, художественно моделирующая действительность» (Новиков, 2001, с. 33).

Пирсовская модель оказалась весьма востребованной в англо-американской традиции семиотики, в том числе семиотики искусства, в которой наибольшее внимание уделяется восприятию знака, а не его порождению. С нашей точки зрения, художественный семиозис объемлет в равной мере обе инстанции — и порождающую, и воспринимающую, а точнее — строится на сложном взаимодействии между этими инстанциями и самой структурой знака⁹. Пирсовская модель нуждалась в учете всех сторон коммуникативного процесса, чтобы семиозис моделировался как компонент коммуникации.

Первой лингвистической моделью коммуникативного акта стала концепция К. Бюлера. Немецкий лингвист одним из первых поставил вопрос о «речевом событии» как исходном моменте языковой деятельности, участниками которого являются отправитель как субъект речевого акта, получатель как адресат речевого акта и сам предмет или ситуация, о которой идет речь (Бюлер, 1993, с. 34):

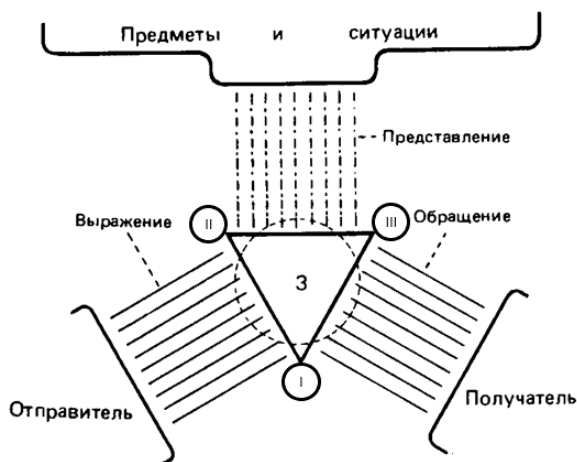
Из этой схемы языка как органа выделились три функции языка, которые в дальнейшем будут уточняться. Нас интересует в данном случае та функция, которую Бюлер назвал «экспрессивной», связанной с выражением говорящим своих чувств, мыслей и эмоций. Соответственно, языковой знак в экспрессивной функции представляет собой симптом (примету, индекс), так как связан с отправителем и экспрессией (Ausdruck) (по-видимому, сам термин «экспрессивная функция» так же, как и у Г. Г. Шпета, возник из чтения трудов А. Марти). Хотя Бюлер еще не связывает эту функцию с художественным процессом, он намечает важное различие по крайней мере трех видов речи: экспрессивной (наиболее близкой к художественной), репрезентативной (наиболее близкой к научной) и апеллятивной (наиболее близкой к бытовой или политической).

Если продолжить достраивание нашей собственной схемы художественной коммуникации, можно представить себе треугольник художественного семиозиса помещенным в центр схемы Бюлера — как раз туда, где он оставил пустой треугольник. В результате этого шага струк-

⁹ О соотношении концепций знака Соссюра, Пирса и Фреге см.: (Золян, 2014).

тура художественного знака оказывается вписанной в структуру коммуникативного акта. Отправителем сообщения является автор художественного высказывания, получателем — читатель, слушатель или зритель. Пунктирный круг, обозначенный в схеме органа, будет означать возможность актуализации разных сторон художественного знака в динамичном взаимодействии автора и читателя. Чтобы создать художественное высказывание, знак или текст, автор может обращаться в разных направлениях то к форме, то к содержанию, то к внутренней форме текста или знака, то к адресату. Читатель также будет иметь доступ к разным сторонам художественного знака и в зависимости от способа создания знака автором воспринимать и интерпретировать художественный знак наиболее адекватным, но всегда сохраняющим свободу выбора образом. В этом круговороте сторон (составляющих) художественного знака и состоит сущность художественного речевого (или внеречевого) высказывания:

Вершины вращаемого треугольника:

I — форма (по Г.Г. Шпету) — знак (по Г. Фреге) — означающее (по Ф. де Соссюру);

II — содержание (по Г.Г. Шпету) — значение (по Г. Фреге) — означаемое (по Ф. де Соссюру);

III — внутренняя форма (по Г.Г. Шпету) — смысл (по Г. Фреге) — означиваемое.

Приведем на данном этапе простой пример. Представим себе первую строфу известного стихотворения Ф. Тютчева «Silentium!» как речевое высказывание:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пусть в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Казалось бы, судя по грамматическим формам, этот текст явно апеллятивен. Императивами он пытается воздействовать на адресата. Однако есть ли конкретный адресат в данном событии? Нет, мы имеем иную коммуникативную ситуацию. Зная, что у этого текста есть автор, который является поэтом, мы распознаем текст как поэтический и художественный, а значит, обладающий структурой художественных знаков. Эта структура включает не просто форму и содержание, но форму внутреннюю — ту связь между автором, формой и содержанием, которая реализуется в конкретном художественном тексте. Мы не знаем, что для Тютчева как автора было в данном случае первично, однако как читатели имеем свободу восприятия. Прочитав первую строчку, мы сразу можем обратить внимание и на форму (размер и ритм фразы, звукопись), и на содержание (три глагола, означающие почти одно и то же действие умолчания), а прочитав более крупный отрезок текста, уже разглядеть формы внутренние: уподобление звездам чувствам, а ночи — душевной глубине. В процессе чтения и толкования этого стихотворения в действие вступают все три указанные инстанции художественного знака, и мы понимаем, что речевое высказывание здесь многокомпонентно и многомерно, так как принадлежит художественному дискурсу, а императив «молчи, скрывайся и тай» может относиться как к любому читателю, так и к самому автору, призывающему себя выполнить эти действия, или к какому-либо другому лицу, отличному от автора и читателя. Художественный знак «прокручивается» разными сторонами относительно разных участников коммуникативного акта.

Двигаясь далее, обратимся к развитию бюлеровской модели теоретиками поэтического языка. Здесь мы уже вступаем на почву исключительно художественной коммуникации и тех попыток, которые стремились моделировать ее структуру.

4. Эстетическая функция языка в коммуникативной модели

Важным теоретическим шагом вперед стала модификация бюлеровской коммуникативной модели языка в Пражском лингвистическом кружке. Я. Мукаржовский в 1930-х годах предложил ввести в бюлеровскую модель еще одну функцию, отдельную от трех остальных, — *эстетическую* (которую так назвал Р. Якобсон в 1921 году, отказавшись от этого названия впоследствии в пользу «поэтической функции»; Г.О. Винокур позднее назвал ее *художественной функцией*). Эта функция отвечает за внимание к знаку как таковому — тому самому центральному треугольнику в органоне. Произведение искусства понимается чешским лингвистом как комплексный знак, состоящий из чувственного символа (соответствует форме, или означающему, в нашей схематизации вслед за Г.Г. Шпетом), из значения (соответствует содержанию, или означаемому) и из отношения к обозначаемой вещи (в нашей терминологии — *внутренняя форма*, или *означиваемое*). При этом именно отношение субъекта (в частности, автора) к знаку и выступает главным семиотическим механизмом коммуникативного семиозиса в искусстве, а сам знак в своей комплексности (а не только на уровне формы, как считали русские формалисты) центрирует эстетическую функцию на самом себе.

Ключевая черта эстетической функции — ее способность изолировать знак и сосредоточивать на нем внимание в семиотическом процессе. Описывая эстетическую функцию, Я. Мукаржовский расширяет ее действие за пределы исключительно художественного объекта: «Эстетическое в языке следует искать во всех видах языковых высказываний, а не только там, где оно преобладает...» (Мукаржовский, 1996, с. 37). В пример приводятся некоторые рекламные высказывания: эвфонические звуко сочетания (*dokonalá dámská polobotka* — «безукоризненный дамский полуботинок») или броские синтаксические схемы (*když olej, tedy Mogul* — «если уж масло, то “Могул”»). В них языковая экспрессия помещается в центр внимания, а значит, согласно Мукаржовскому, задействуется эстетическая функция. Впрочем, по мнению Мукаржовского, эстетическая функция противостоит прочим, «коммуникативным». На деле, как показали дальнейшие исследования, было подтверждено, что эстетическая функция также является компонентом коммуникации, а именно — коммуникации художественной.

Еще на заре русской формальной поэтики, в 1923 году, Г.О. Винокур рассуждал об особой *поэтической функции* языка: «Поэтическая функция через слово рассказывает нам, что такое само слово, тогда как через посредство остальных функций слова мы распознаем всегда другие предметы, бытием своим от слова отличные: остальные функции нам рассказывают через слово о чем-то другом». При этом он предостерегал от чрезмерной идеализации поэтической функции и ее абсолютной привязки к поэзии: «Следует лишь не упускать из виду, что, приобретая функцию поэтическую, слово тем самым не теряет остальных своих функций, в том числе и коммуникативной; последние лишь обрастают новым конструктивным моментом» (Винокур, 1990, с. 28). Именно эта мысль была пронесена сквозь многие десятилетия, будучи снова подхвачена соратником Винокура по Московскому лингвистическому кружку Р.О. Якобсоном в статье «Лингвистика и поэтика». Выделим моменты статьи, касающиеся *коммуникативности* художественного (поэтического) дискурса и релевантные для лингвоэстетической теории¹⁰.

Р.О. Якобсон, как и в своих ранних статьях, в этом тексте защищает обособленный статус поэтического языка и художественного объекта. Любопытно при этом, что в своем тезисе «Поэзия — это особый язык» он ссылается на американского литературоведа, основателя направления *new criticism* Дж. Рэнсома. Отталкиваясь от основного, по его мнению, вопроса лингвистической поэтики «Благодаря чему речевое сообщение становится произведением искусства?», Якобсон пытается решить две задачи: выделить *differentia specifica* искусства слова по отношению к другим видам искусства и отделить словесное искусство от прочих типов речевого поведения. Однако решение этих задач ему видится не в анализе собственно эстетических качеств художественного произведения (как поступали до него Шпет, Мукаржовский, Ларин и другие), а в спецификации устройства информационного канала, которым служит художественная коммуникация. Из кибернетики транс-

¹⁰ Подступам к концепции лингвоэстетики как комплексного подхода к изучению эстетических аспектов языка и к лингвистическому анализу художественного дискурса посвящена работа (Фещенко, Коваль, 2014).

ферируются термины «код», «сообщение», «канал связи» и т.п. Соответственно, модель коммуникации, по Якобсону, ставится на техническую основу¹¹. Отсюда и главный вывод ученого, касающийся поэтической коммуникации: «Направленность (Einstellung) на сообщение как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого — это поэтическая функция языка» (Якобсон, 1975, с. 202). Поэтическая функция, подчеркивает Якобсон, не единственная функция словесного искусства, но она является доминантной и определяющей. Она может проявляться и в иных разновидностях коммуникации, но только как дополнительная по отношению к ним. Поэтическая функция языка связывается с художественным дискурсом как субкодом всеобщего кода языка.

Определяя специфику поэтической функции, Якобсон формулирует далее свой основной постулат о «принципе эквивалентности»: «Поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации» (Там же). Из этого постулата развиваются его бинарные оппозиции «сходство — смежность», «метафора — метонимия». В целом для якобсоновской теории характерен бинаризм, то есть описание явлений в терминах оппозиций, в отличие, например, от тернарных моделей Пирса, Бюлера, Шпета. Отчасти это влияние бинарных кодов в информатике, отчасти — наследие Ф. де Соссюра. При этом в концепции Якобсона не проясняется, как устроено само сообщение в поэтической функции, как оно связано с отправителем и получателем и как собственно художественная коммуникация работает. К этим вопросам обратились другие ученые, развивающие модель Якобсона. Отметим основные из этих концепций.

5. Модель художественной коммуникации с точки зрения семиотики

Модель Р.О. Якобсона нашла одно из первых применений в семиотике литературы. Ю.М. Лотман, принявший ее как наиболее адекватную коммуникативную модель, уточнил некоторые составляющие этой схемы относительно «литературной коммуникации» и «искусства как коммуникационной системы». В частности, он разграничил синтетический «код отправителя» и аналитический «код получателя»: «Для того чтобы акт художественной коммуникации вообще произошел, необходимо, чтобы код автора и код читателя образовывали пересекающиеся множества структурных элементов, — например, чтобы читателю был понятен естественный язык, на котором написан текст. Непересекающиеся части кода и составляют ту область, которая деформируется, креолизуется или любым другим способом перестраивается при переходе от писателя к читателю» (Лотман, 1998, с. 37–38).

Соответственно, если общего кода в принципе существовать не может в силу как минимум многозначности художественного знака, то коммуникация в литературе строится как постоянная динамичная пе-

¹¹ Предшественниками якобсоновской модели были, с одной стороны, линейная модель массовой коммуникации Г. Ласуэлла, с другой — математическая модель К. Шеннона — У. Уивера.

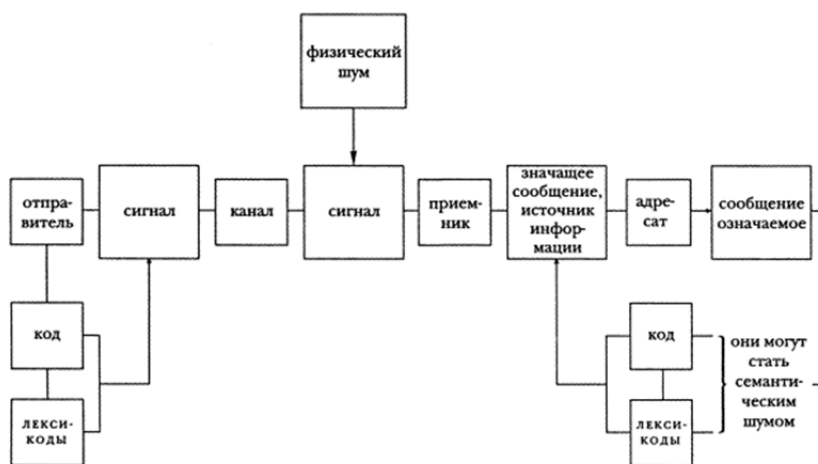

рекодировка эстетического сообщения между отправителем и получателем. Кроме того, сообщение в художественной коммуникации — всегда результат построения индивидуальной модели мира, в отличие от говорящих на обыденном языке, разделяющих, как правило (в нормальном общении) одну модель мира на основе повседневного языка: «Сейчас уместно сказать о другом: художественное сообщение создает художественную модель какого-либо конкретного явления — художественный язык моделирует универсум в его наиболее общих категориях, которые, будучи наиболее общим содержанием мира, являются для конкретных вещей и явлений формой существования. Таким образом, изучение художественного языка произведений искусства не только дает нам некую индивидуальную норму эстетического общения, но и воспроизводит модель мира в ее самых общих очертаниях» (Там же)¹².

По сравнению с Якобсоном Лотман уделяет больше внимания эстетически активным факторам художественной коммуникации. Кроме того, в его коммуникативной модели допускается такая важная ступень развертывания художественного дискурса, как *автокоммуникация*, то есть адресация сообщения отправителем самому отправителю.

Детализация якобсоновской модели осуществляется в 1960-х годах итальянским семиотиком У. Эко. В его схему человеческого коммуникативного акта вводятся новые элементы (значащее сообщение, означаемое сообщение, лексикоды) и новые связи между элементами:

Схема 2. КОММУНИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС МЕЖДУ ДВУМЯ УЧАСТНИКАМИ (ЛЮДЬМИ)

¹² Эту особенность литературной коммуникации подчеркивал и А. М. Пятигорский в терминах пространства и времени коммуникативной связи: «Текст создается в определенной, единственной ситуации связи — *субъективной ситуации*, а воспринимается в зависимости от времени и места в бесчисленном множестве объективных ситуаций. <...> Понятие субъективной ситуации гораздо сложнее и конкретнее понятия функции. Оно предполагает не только живую действительность, в которой создавался текст, но и изменяющееся внутреннее состояние автора, его внутреннее отношение к этой действительности» (Пятигорский, 2004, с. 357).

Исходя из этой схемы Эко выводит параметры *эстетического сообщения* в художественной коммуникации. Прежде всего сообщение с эстетической функцией в отличие от иных характеризуется неоднозначностью и авторефлексивностью (к таким выводам приходит и Лотман). Неоднозначным оно является по отношению к коду как регулярной системе. Помимо этих характеристик эстетическое сообщение зачастую избыточно на уровне означающих, что приводит к информационному напряжению. Эко приводит в пример известную поэтическую фразу Г. Стайн «A rose is a rose is a rose is a rose», в которой избыточный повтор нарушает ожидание языка. Избыточно эстетическое сообщение и на семантическом уровне — каждый раз под «розой» можно иметь в виду разные объекты, ведь денотативной определенности эта фраза не создает в силу своей поэтичности. Эко вводит понятие лексикокода как дополнительного коммуникативного кода, подключающегося к интерпретации эстетического сообщения из иных дискурсов (например, философского, мистического, идеологического и т.д.). Взаимоналожение кодов с целью задания неоднозначности — также отличительная черта поэтического сообщения, по Эко.

По мере усложнения сообщения «авторрефлексивность (направленность на самое себя) находит свое выражение в изоморфизме всех уровней сообщения» (Эко, 2006, с. 105). Сеть таких изоморфных соответствий на уровнях формы и содержания составляет «специфический код данного произведения». Этот особенный, уникальный код Эко называет «эстетическим идиолектом». Данное понятие предполагает, что в эстетическом сообщении внутренний код произведения, заданный автором, выстраивает изоморфизм всей формально-содержательной структуры текста. У. Эко не использует понятие внутренней формы знака, но, по сути, эстетический идиолект как внутренний код означает у него то же самое, только в терминах лингвистики и теории информации. Автор кодирует сообщение на своем уникальном идиолекте, отправляет его по каналу связи получателю, который раскодирует его исходя из собственных ожиданий и нарушений ожиданий от кода отправителя: «Понимание эстетического сообщения базируется на диалектике приятия и неприятия кодов и лексикокодов отправителя, с одной стороны, и введения и отклонения первоначальных кодов и лексикокодов адресата — с другой. Такова диалектика свободы и постоянства интерпретации, при которой, с одной стороны, адресат старается должным образом ответить на вызов неоднозначного сообщения и прояснить его смутные очертания, вложив в него собственный код, с другой — все контекстуальные связи вынуждают его видеть сообщение таким, каким оно задумано автором, когда он его составлял» (Эко, 2006, с. 121).

У. Эко оперирует также понятием эстетической информации, передаваемой в сообщении с поэтической функцией дополнительно к семантической информации, которая передается во всяком коммуникативном процессе.

Одним из расширений яacobсоновской модели функций языка стала концепция С. Т. Золяна. Отмечая эвристическую ценность для лингвистики этой модели, исследователь предлагает рассматривать ее как порождающую модель для описания разнообразных конкретных актов дискурса. Вводится «классификация функций, при которой сама поэтическая функция предстает как модальное и формальное расширение языка» (Золян, 1999, с. 642). Рассмотрение функций в модальной перспективе позволяет выявить новые типы семантических и прагматических отношений внутри сообщений и дискурсов: «Так, сама схема коммуникации сразу же дополняется такими весьма существенными и для описания поэтической функции модальными конструктами, как референция к возможным и даже невозможным мирам/контекстам, семантическая зависимость от возможных/невозможных контекстов, описание адресата, который долженствовует быть, или же установка на канал, который еще не существует, и сообщение, отсылающее к возможному контексту» (Там же, с. 642).

Поэтическая функция при таком взгляде предстает не как направленность на поддержание определенного звена коммуникативного акта (само сообщение), а как трансформирующая весь коммуникативный процесс и его составляющие (адресат, адресант, канал связи, код и т. д.). К примеру, расщеплению референции (возникновению двойственной референции) в поэтической коммуникации может сопутствовать расщепление адресата/адресанта (двойной адресат-адресант) или самого канала связи (удвоение канала связи, как в случае звучащего поэтического текста по отношению к его письменной форме). «В поэзии реализуются допускаемые возможные состояния языковой системы, при которых максимально актуализируются внутренние ресурсы языка. Коммуникация и референция в поэзии также приобретают модальный характер, связывая языковые выражения со множеством возможных миров и контекстов» (Золян, 1999, с. 643).

Актуализация разных функций в дополнение к поэтической позволяет рассматривать художественное (в частности, поэтическое) высказывание как преобразующее сам схематизм коммуникации, динамизирующее связи между различными звеньями коммуникации¹³. В частности, направленность не только на сообщение, но и на код в художественном дискурсе актуализирует также метапоэтическую функцию (что мы увидим на примерах из экспериментальной литературы далее), а опреде-

¹³ Понятие «поэтической коммуникации» используется еще Э. Бенвенистом (см. об этом статью: Фещенко, 2018a) и А. Греймасом (см. его соображение из «Структурной семантики» 1960-х годов: «Возможно, что по ту сторону различий сознательного и бессознательного поэтическая коммуникация главным образом является коммуникацией, в известном смысле осуществляемой как адресатом, так и адресантом» (Греймас, 2004, с. 141)). См. также определение поэтической коммуникации в книге (Познер, 2015), изданной впервые в 1980-е годы и посвященной различным аспектам поэтического дискурса в ее отличие от иных типов дискурса: «Поэтическая коммуникация... это тип языковой коммуникации, обладающий эстетической функцией. Следовательно, поэтика — это часть эстетики, а именно наука, изучающая эстетические возможности языковой коммуникации (Там же, с. 154).

ленные типы сообщений (не только поэтических, но и, скажем, политических) нередко подключают «магическую функцию» (которую Якобсон не выделял в своей схеме, но допустил ее наличие в качестве «съемной функции языка»¹⁴). Таким образом, введение модально-прагматического критерия в схему художественной коммуникации дает возможность более динамического моделирования художественного дискурса.

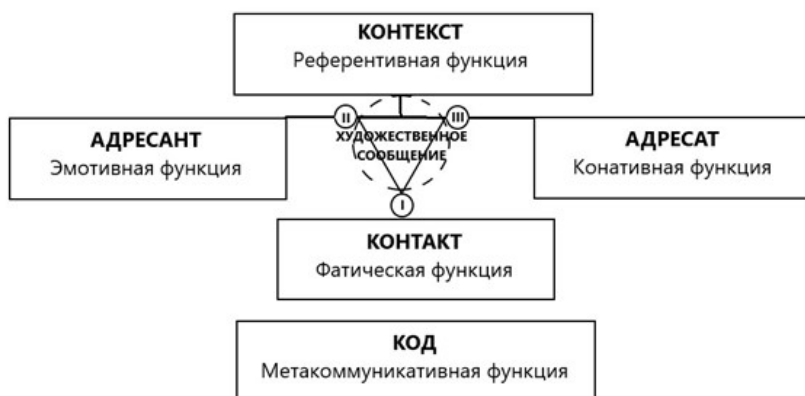
6. Лингвоэстетическая модель художественной коммуникации

Подведем теперь некоторые итоги анализа существующих моделей художественной коммуникации, чтобы представить нашу собственную, синтетическую модель с учетом как лингвистических и семиотических, так и эстетических параметров художественного акта. Под *художественной коммуникацией* мы понимаем взаимодействие автора-художника и читателя (зрителя, слушателя) посредством произведения искусства как сообщения, или высказывания.

Выше в данной статье мы предприняли попытку совмещения в рамках одной модели психологической схемы коммуникации К. Бюлера и схемы структуры эстетического знака Г. Г. Шпета (с учетом моделей Г. Фреге и Ч. С. Пирса). Информационная модель Р. О. Якобсона детализирует бюлеровскую и вводит некоторые дополнительные звенья в коммуникативный акт. Важнейшим из них для художественной коммуникации оказывается *сообщение*. Но, как поясняют и уточняют вслед за Р. О. Якобсоном У. Эко, Ю. М. Лотман и С. Т. Золян, сообщение не работает изолированно даже в поэтическом дискурсе; оно специфическим образом связывается с другими инстанциями коммуникативного процесса: контекстом (особая поэтическая референция), кодом (особый способ трансформации языка), каналом связи (как правило, удаленный в пространстве и времени от адресанта и адресата способ передачи сообщения) и участниками коммуникации (адресатом, медиатором или адресантом, по-разному субъективирующимися в художественной коммуникации).

Если соотнести эту семиотическую схему с выведенной нами ранее, то можно рассматривать шпетовский треугольник *художественного знака как собственно сообщение*. Точнее, *структура самого знака* будет соответствовать *структуре коммуникативного акта*, а именно: форма знака — самому сообщению, содержание знака — контексту сообщения, а внутренняя форма знака — коду. Учитывая, что, согласно У. Эко, кодом в художественной коммуникации выступает внутренний код («эстетический идиолект»), то шпетовская идея внутренней поэтической формы как порождающего алгоритма художественного произведения проецируется на процесс формирования *художественного сообщения* из преобразующего контекст (референциальный мир) авторского художественного кода:

¹⁴ Идею об этой функции Якобсон эксплицитно почерпнул из книги Ч. Огдена, И. Ричардса «Значение значения» и из статьи Б. Малиновского, включенной как приложение к книге. Впрочем, о вербальной магии много писалось в современном Якобсону русском контексте, см. об этом в главе книги (Феценко, 2018б, с. 74–92).

Вершины вращаемого треугольника «Художественное сообщение»:

I – форма (по Шпету) – знак (по Фреге) – означающее (по Соссюру);

II – содержание (по Шпету) – денотат (по Фреге) – означаемое (по Соссюру);

III – внутренняя форма (по Шпету) – концепт (по Фреге) – означиваемое.

В одной из статей о природе поэзии Р.О. Якобсон высказывает мысль о том, что сообщением в поэтической речи выступает не просто слово как таковое, а слово как совокупность своих поэтических составляющих, включающих и «внутреннюю форму» («когда слова и их композиция, их значение, их внешняя и внутренняя форма приобретают вес и ценность сами по себе вместо того, чтобы безразлично относиться к реальности» (Якобсон, 1996, с. 118)). Как демонстрирует наша модель, объединяющая все рассмотренные, художественное сообщение отличается от других тем, что может актуализировать разные моменты своей структуры (внешней или внутренней), сосредоточивая коммуникативную связь на том или ином моменте, чтобы в итоге охватить всю целостность знака или текста как сообщения. При этом способ передачи художественного сообщения нелинеен – оно не передается раз и навсегда готовым упакованным продуктом для точной интерпретации. Художественное сообщение может циркулировать между адресантом и адресатом по разным кругам, при его порождении могут актуализироваться разные цепочки обратной связи: либо связь «адресант – сообщение», либо «сообщение – адресат», либо «адресат – адресант» (когда речь идет об автокоммуникации), либо связь между компонентами структуры самого сообщения (при автореференции). При восприятии сообщения эти связи могут актуализироваться иначе, чем при порождении, но адресат может пользоваться теми же циклами связи, формируя для себя сообщение как осмысленное. При этом в поэзии не может быть конечного адресата, в силу чего художественное сообщение потенциально никогда не интерпретируется окончательно.

Итак, мы установили корреляцию между структурой художественного знака и структурой акта художественной коммуникации. Художественная коммуникация представляет собой, таким образом, внутренне многослойный (уровни формы, содержания, внутренней формы), внешне

многовекторный (передача сообщения может происходить не по линейной цепочке «адресант — канал связи — контекст — код — сообщение — адресат», а актуализируя в разные моменты коммуникативного процесса обратные связи между разными звеньями в коммуникативных цепочках) и прагматически многополюсный (установка на адресанта, адресата, канал связи, код, само сообщение) процесс.

Представим *модель художественной коммуникации* в виде соответствий между уровнями художественного знака и звеньями в коммуникативной цепи:

Сторона знака, по Фреге	Сторона знака, по Пирсу	Тип языкового знака, по Бюлеру	Функция языкового знака по Бюлеру	Уровень художественного знака (сообщения)	Компонент художественной коммуникации по Якобсону
Значение	Объект	Символ	Репрезентация	Содержание (означаемое)	Контекст
Знак	Репрезентант	—	—	Форма (означающее)	Код
Смысл	Интерпретант	Симптом, сигнал	Экспрессия, апелляция	Внутренняя форма (означиваемое)	Адресат, адресант, канал связи (контакт)

Такая схематизация позволяет рассматривать художественное произведение как часть актуального коммуникативного процесса. При этом структурные эстетические качества знака (текста, объекта) оказываются соотносимыми с коммуникативными звеньями в «петлях» художественной коммуникации. Обобщая в таком виде модель художественного дискурса в действии, мы получаем доступ к его глубинной семиотике. Общая схема соотношения лингвоэстетических категорий такова: художественный знак, образующийся в результате художественного семиозиса, выступает в виде художественного сообщения в художественной коммуникации, вербальный план которой наряду с экстралингвистическими факторами составляет художественный дискурс.

Описанная модель может быть применена, по нашему мнению, к любому акту художественного сообщения, как вербальному, так и невербальному. До настоящего времени не было предложено подобной модели, способной описать в единых лингвоэстетических терминах как произведение изобразительного искусства, так и словесного творчества. Художественные практики последнего столетия зачастую совмещают вербальные и невербальные компоненты в синтетических формах репрезентации и исполнительства (например, концептуальное искусство, инсталляция, инвайронмент, перформанс, песенно-музыкальный концерт, уличное искусство). Наша модель художественной коммуникации может быть применена к подобным новым разновидностям художественной коммуникации в различных средах. Эта модель предоставляет дополнительный семиотический и лингвистический инструментарий при анализе различных видов художественного дискурса, в том

числе литературного. Она служит более формализованным инструментом анализа художественного, в частности поэтического, дискурса в его эстетической и коммуникативной специфике.

Благодарю С. Т. Золяна за высказанные соображения по статье, которые я постарался учесть.

Список литературы

- Алпатов В. М. Волошинов, Бахтин и лингвистика. М., 2005.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
- Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Винокур Г. О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990.
- Волошинов В. Н. Слово в жизни и слово в поэзии. К вопросам социологической поэтики // Звезда. 1926. №6. С. 244–267.
- Волошинов В. Н. О границах поэтики и лингвистики // В борьбе за марксизм в литературной науке. Л., 1930. С. 203–240.
- Греймас А. Структурная семантика. Поиск метода. М., 2004.
- Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.
- Золян С. Т. Языковые функции: возможные расширения модели Р. Якобсона // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999. С. 638–648.
- Золян С. Т. О модальном измерении языкового знака: семантическая теория Г. Фреге и ее возможное расширение // Вопросы языкознания. 2014. №3. С. 96–111.
- Ларин Б. А. Эстетика слова и язык писателя. Л., 1974.
- Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.
- Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. М., 1996.
- Николаева Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // Вопросы языкознания. 1984. №3. С. 111–119.
- Новиков Л. А. Избранные труды. Т. 2. Эстетические аспекты языка. Miscellanea. М., 2001.
- Познер Р. Рациональный дискурс и поэтическая коммуникация: методы лингвистического, литературного и философского анализа. Томск, 2015.
- Пятигорский А. М. Некоторые общие замечания относительно текста как разновидности сигнала // Пятигорский А. М. Непрерываемый разговор. СПб., 2004. С. 354–372.
- Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1996.
- Степанов Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка. М., 1998.
- Фещенко В. В. Эмиль Бенвенист – теоретик поэтического дискурса // Критика и семиотика. 2018а. №2. С. 226–237.
- Фещенко В. В. Литературный авангард на лингвистических поворотах. СПб., 2018б.
- Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака. Очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М., 2014.
- Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. М., 1997. Вып. 35. С. 351–379.
- Шпет Г. Внутренняя форма слова (Этюды и вариации на темы Гумбольдта). М., 1927.
- Шпет Г. Г. Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры. М., 2007.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2006.
- Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. М., 1975. С. 193–230. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-75.htm>

Якобсон Р. О. Язык и бессознательное. М., 1996.

Johansen S. La notion de signe dans la glossématique et dans l'esthétique // Recherches structurales = Travaux du cercle linguistique de Copenhague 5. Copenhagen, 1949.

Об авторе

Владимир Валентинович Фещенко, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института языкознания РАН, Россия.

E-mail: takovich2@gmail.com

Для цитирования:

Фещенко В. В. Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №1. С. 7–31. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-1.

LITERARY COMMUNICATION: FROM SEMIOTIC MODELS TO A THEORY OF LINGUISTIC AESTHETICS

V. V. Feshchenko¹

¹ Institute of Linguistics, RAS

Bol. Kislovsky per., 1, p. 1, 125009, Moscow, Russia

Submitted on October 25, 2020

doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-1

The article explores literary communication as one of the types of linguistic communication. The main objective is to develop a linguo-aesthetic model of literary communication based on the models of the sign, semiosis and communication adopted in linguistics, semiotics and poetics. The author employs semiotic methods of modelling the sign and communication, developed in the works of Frege, Peirce, Shpet, Mukařovský, Jakobson, Lotman, Eco, Novikov, and Zolyan. The emphasis is laid on the models of the sign and the corresponding models of semiosis in relation to literary systems. The concept of literary communication is given a new definition; it refers to the interaction of the author as an artist and the reader (viewer, listener) through a message or an utterance as a work of art. A correlation is established between the structure of the literary sign and the structure of the act of literary communication. The linguo-aesthetic model of artistic communication reflects the correspondence between types of literary signs and elements of communication.

Keywords: sign, semiosis, communication, model, aesthetic function, linguistic aesthetics

References

Ahmanova, O.S., 1966. *Slovar' lingvističeskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow (in Russ.).

Alpatov, V.M., 2005. *Voloshinov, Bahtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow (in Russ.).

Bühler, K., 1993. *Teorija jazyka. Repräsentativnaja funkcija jazyka* [Theory of language. Representative function of language]. Moscow (in Russ.).

Eco, U., 2006. *Otsutstvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju* [Absent structure. Introduction to Semiology]. St. Petersburg (in Russ.).

Feshchenko, V. V. and Koval' O. V., 2014. *Sotvorenije znaka. Oчерki o lingvojestetike i semiotike iskusstva* [Creation of the sign. Essays on linguo-aesthetics and semiotics of art]. Moscow (in Russ.).

Feshchenko, V. V., 2018. Emile Benveniste – theorist of poetic discourse. *Kritika i semiotika* [Criticism and semiotics], 2, pp. 226–237 (in Russ.).

Feshchenko, V. V., 2018. *Literaturnyj avangard na lingvističeskix povorotax* [The linguistic turns of the literary avant-garde]. St. Petersburg (in Russ.).

Frege, G., 1997. Sense and meaning. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics], 35, pp. 351–379 (in Russ.).

Greimas, A., 2004. *Strukturnaja semantika. Poisk metoda* [Structural semantics. Search for a method]. Moscow (in Russ.).

Grigor'ev, V. P., 1979. *Pojetika slova* [Poetics of the word]. Moscow (in Russ.).

Jakobson, R. O., 1975. Linguistics and poetics. In: E. Ya. Basin and M. Ya. Polyakov, eds. *Strukturalizm: «za» i «protiv» : sb. st.* [Structuralism: "for" and "against": collection of articles]. Moscow. pp. 193–230 (in Russ.).

Jakobson, R. O., 1996. *Jazyk i bessoznatel'noe* [Language and the unconscious]. Moscow (in Russ.).

Johansen, S., 1949. La notion de signe dans la glossématique et dans l'esthétique. *Recherches structurales = Travaux du cercle linguistique de Copenhague* 5. Copenhagen.

Larin, B. A., 1974. *Jestetika slova i jazyk pisatelja* [Aesthetics of the word and the language of the writer]. Leningrad (in Russ.).

Lotman, Ju. M., 1998. *Ob iskusstve* [On art]. Saint-Petersburg (in Russ.).

Mukařovskij, J., 1996. *Struktural'naja pojetika* [Structural poetics]. Moscow (in Russ.).

Nikolaeva, T. M., 1984. Communicative-discursive approach and interpretation of linguistic evolution. *Voprosy jazykoznanija* [Linguistic issues], 3, pp. 111–119 (in Russ.).

Novikov, L. A., 2001. *Izbrannye raboty. Tom II. Jestetičeskije aspekty jazyka. Miscellanea* [Selected works. Vol. II. Aesthetic aspects of the language. Miscellanea]. Moscow (in Russ.).

Pjatigorskij, A. M., 2004. Some general remarks about text as a kind of signal. In: A. M. Pjatigorskij, ed. *Neprekrashhaemij razgovor* [Incessant conversation]. St. Petersburg. pp. 354–372 (in Russ.).

Posner, R., 2015. *Racional'nyj diskurs i pojetičeskaja kommunikacija: metody lingvističeskogo, literaturnogo i filosofskogo analiza* [Rational discourse and poetic communication: methods of linguistic, literary and philosophical analysis]. Tomsk (in Russ.).

Reformatskij, A. A., 1996. *Vvedenie v jazykovedenie* [Introduction to linguistics]. Moscow (in Russ.).

Shpet, G. G., 2007. *Iskusstvo kak vid znanija. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a kind of knowledge. Selected works on the philosophy of culture]. Moscow (in Russ.).

Shpet, G., 1927. *Vnutrennjaja forma slova (Jetjudy i variacii na temy Gumbol'dta)* [Inner Form of the Word (Studies and Variations on Themes of Humboldt)]. Moscow (in Russ.).

Stepanov, Yu. S., 1998. *Jazyk i metod. K sovremennoj filosofii jazyka* [Language and method. Towards modern philosophy of language]. Moscow (in Russ.).

Vinokur, G. O., 1990. *Filologičeskije issledovanija: Lingvistika i pojetika* [Philological Research: Linguistics and Poetics]. Moscow (in Russ.).

Voloshinov, V. N., 1926. Word in life and word in poetry. On the issues of sociological poetics. *Zvezda* [Star], 6, pp. 244–267 (in Russ.).

Voloshinov, V. N., 1930. On the boundaries of poetics and linguistics. In: *V bor'bu za marksizm v literaturnoj nauke* [In the struggle for Marxism in literary science]. Leningrad. pp. 203–240 (in Russ.).

Zolyan, S.T., 1999. Language functions: possible extensions of R. Jakobson's model. In: H. Baran and S. I. Gindin, eds. *Roman Jakobson: Teksty, dokumenty, issledovaniya* [Roman Jakobson: Texts, Documents, Research]. Moscow. pp. 638–648 (in Russ.).

Zolyan, S.T., 2014. On the modal measurement of the linguistic sign: the semantic theory of G. Frege and its possible extension. *Voprosy jazykoznanija* [Linguistic issues], 3, pp. 96–111 (in Russ.).

The author

Dr Vladimir V. Feshchenko, Senior Researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: takovich2@gmail.com

To cite this article:

Feshchenko, V. V. 2021, Literary communication: from semiotic models to a theory of linguistic aesthetics, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 1, p. 7–31. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-1.

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ФИЛОСОФСКИХ И СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

TRANSLATING PHILOSOPHY

In the history of Western culture, the relationship between philosophy and translation has not drawn too much attention, even though, since Cicero (106–43 BC) translating into Latin, orally and from memory, Hellenistic philosophy, were connected. However, this relationship began to be more dynamic a few decades ago when philosophers questioned more systematically language and meaning, logic and truth.

For a long time, the belief that form and content, or language and thought, are independent from one another was widespread. The idea of translation relying on the possibility of univocal meaning was compatible with that basic assumption of Western metaphysics and the Judeo-Christian tradition. Language was viewed as a mere instrument for the expression or communication of stable meaning and translation as a transportation of meaning from one language to another, safely taken or delivered elsewhere, across linguistic borders. Such a conception in which meanings can be separated from words and translation is an impersonal transference of essential meaning has dominated in the West for more than two millennia, from the essentialism of the Platonic tradition to almost the present. This refusal to consider the translators' agency, to accept the productive character of the translator's activity disregarded the impact of translations on the construction of identity and cultural relations, on the dissemination of knowledge, and reinforced the prejudices about translation as a secondary, derivative form of writing, about translators' invisibility.

The critique of Western metaphysics, including Platonic thought, was undertaken by Frederic Nietzsche in the 1870s, connecting "the philosophical task with a radical reflection on language" (Foucault, 1966; Foucault, 1971), and was continued by Jacques Derrida in the 1960s–1970s. One can say that their critique was pivotal in the development of different trends in contemporary philosophy such as postmodern, poststructuralist thinking, deconstruction¹.

Concepts and meanings are constructed, and not to be discovered, uncovered. Because the historical, epistemological and ideological circumstances of their construction are never the same, they can never be fully reproduced, transferred as such. In other words, translation is an interpretation, a transformation, taking into account the asymmetries in the relationship between the domestic and the foreign, the power struggle between languages, cultures. Translators cannot avoid making decisions in their interpretations and the production of their translated texts. The new possibilities, opened up by the interface of contemporary philosophy and the study of translation, empower the role of the translators.

¹ Just to name a few thinkers, in an alphabetical order: Jean Baudrillard, Judith Butler, Gilles Deleuze, Michel Foucault, Félix Guattari, Fredric Jameson, Duncan Kennedy, Douglas Kellner, Julia Kristeva, Jean-François Lyotard, Alun Muslow, Richard Rorty, thinkers of the Yale school (Paul de Man), etc.

In our project entitled “Translating Philosophy and Social Sciences” (2017–2019), we have emphasized studies on texts because philosophical texts can be considered halfway between expressive, literary texts and specialised, informative, operative texts. A philosophical text (or any cultural theoretical discourse) is both structuring an “object” and a structured content by way of saying, a rhetorical tradition (with discursive conventions, citations, references to genres such as essay, commentaries, points of view, etc.) and a given terminology (network of concepts, moving concepts across time and continents (see Cassin, 2004; Cassin, 2014). Textual norms and traditions, phraseology, keywords... help to a certain extent readers to comprehend, contextualize “new” texts. The five articles, submitted to *Slovo*, reflect some of our concerns and issues raised during the project (two articles will be published in the next issue). But we are aware that translating philosophy demands much more research – Who decides what must be translated? What are the functions of the publisher, the series editor, the copyeditor, the proofreader, etc. in the process of importing, distributing certain philosophical texts, in the selection and accessibility of new philosophers? What are the steps between identifying a text as relevant, innovative, publishing excerpts in a specialised journal and/or an anthology, acquiring the rights for an international readership... and the integration of a translated book in the intellectual local field of reception? What does retranslation of a philosophical text mean? What are the implications when a philosopher opts for self-translating his/her own production, or his/her texts in a foreign language are the results of an indirect translation? Do translators of philosophical texts need specific competences, specific knowledge and/or a particular empathy with the source texts? Are paratexts (notes, preface, introduction, blurb, book reviews, interviews, etc.) quite significant in the reception of a translation, in the legitimation and canonisation of a philosopher in a foreign background? What are the translation units, the translation strategies when translating a philosophical text? Is there a link between untranslatability and self-censorship? Of course, the focus could be on a type of philosophy (metaphysics, philosophy of sciences, ethics, logic, etc.), on a school or a trend (analytical philosophy, French Theory, phenomenology, etc.), on an author (Descartes, Kant, Sartre, Levinas, Habermas, etc.), on a period of time (existentialism between 1945 and 1970, etc.). All these questions are asked within Western tradition in which philosophy remains always problematic but no one should forget the exchanges between this tradition and the Chinese, Japanese, Islamic traditions: is there a universal definition of philosophy?

References

1. Cassin, B. and Apter, E.S., eds., 2004. *Vocabulaire européen des philosophies: dictionnaire des intraduisibles*. Paris.
2. Cassin, B. and Apter, E.S., eds., 2014. *Dictionary of Untranslatables. A Philosophical Lexicon*. Princeton UP.
3. Foucault, M., 1966. *Les mots et les choses. Une archéologie des sciences humaines*. Paris.
4. Foucault, M., 1971. *The Order of Things – An Archaeology of the Human Sciences*. New York.

PERITEXT OF THE RUSSIAN TRANSLATION
OF WILLIAM HOGARTH'S *ANALYSIS OF BEAUTY*: A CASE STUDY

L. B. Boyko¹, K. S. Chugueva¹, A. K. Gulina¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
236016, Russia, Kaliningrad, 14 A. Nevsky St.
Submitted on September 26, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-2

*Translation of philosophical texts is a special challenge because of specific philosophical idiom and conceptual complexity of the narrative. It is not surprising that such translations are often accompanied by commentaries where the translator steps out of the shadows to justify the translational decisions. This kind of supplementary text called the "translational peritext" is under study in this paper aiming to reveal the cognitive effort the translation process involves, and to explore the author-translator-reader relationship. The purpose of the article is to analyze paratextual elements in the translation of an essay on philosophical aesthetics in search of answers to three main questions: What does the translator choose to comment on, and why? What is specific about the role and function of translational peritext in philosophical artistic discourse? How do the commented translational decisions affect, if at all, the reader's understanding of the author's stance? The problem of revealing the translator's agency, his/her motivations and decision-making is investigated on the basis of the essay *Analysis of Beauty* by the celebrated 18th century English artist William Hogarth – an influential philosophical treatise whose ideas have never lost their relevance. The paper starts with the brief account of the concept of paratext, its types and functions; it will then proceed to specificities of philosophical translation. In the main part of the article, the background information on the material under study precedes the analysis of the identified commented translational issues.*

Keywords: *peritext, translation, translator, commentator, philosophical, syntax, quotes, proper names*

...translators need to develop an ability to stand back and reflect on what they do and how they do it.

...they have to prove to themselves as well as others that they are in control of what they do;

[that]... like other professionals, they have made a conscious effort to understand various aspects of their work.

Mona Baker. In Other Words: A Coursebook on Translation

1. Introduction

The epigraph to this paper was chosen to inspire the discussion about the explicit means making the translator visible. The translated text as the end-product of the translation process is only the tip of the iceberg, while the

body of underlying research and acquired cultural knowledge are hidden from the recipient's eyes. A rare opportunity to show at least part of the cognitive effort the translation process involves is provided in annotated translations where comments and notes known as peritext are meant to elucidate key translational issues. The purpose of the paper is to show translational peritext as the end product of a complex cognitive activity aimed to bring the author closer to the reader and to allow profound insight into the mechanics of translation. Based on the English-Russian translation of the seminal 18th-century philosophical treatise by William Hogarth on the principles of art, our study attempts to identify the "hot spots" the translator chose to comment on. We will also discuss the translator's agency in this specific interaction with the reader.

We will try to find answers to the questions as follows:

- What does the translator choose to comment on, and why?
- What is the role and function of translational peritext in philosophical artistic discourse?
- How do the commented translational decisions influence, if at all, our understanding of the author's stance?

The paper starts with a brief account of the concept of paratext, its types, and functions; it will then proceed to discuss the specificity of philosophical translation. In the main part of the article, some background information on the material under study precedes the analysis of the identified commented translational issues.

2. Paratext and translation

The translator's is a humble occupation because most often there is little more than just the translator's name mentioned in a publication, if at all (more on this issue in Gondek, 2011; Flores, Hoff, 2018). Among the few spaces where translators can stand up for themselves are various text forms usually adjacent to the main text or surrounding and supporting the core text (Genette, 1987, pp. 1–4), "an assorted set of practices and discourses of all sorts and all ages" (Genette, Maclean, 1991, p. 262) incorporated into the concept of paratext. Paratext is further subdivided into epitext and peritext, the former consisting of all elements that are outside the focus text, such as interviews, publicity, reviews, etc., and the latter including all the elements that are physically part of a (published) text, such as titles, post- and prefaces, notes, and commentaries – to name but a few. In terms of authorship, the two primary types are authorial and editorial paratexts. Writing a paratextual element can be delegated to a third party (for example, the author of the preface being other than the editor, or the translator providing his/her notes and comments); collectively, such elements are termed the allographic paratext (Ibid., p. 266). Although a text rarely appears 'in its naked state' (Ibid., p. 261), not all paratextual constituents are obligatory for presenting a text. While authorial and editorial paratexts feature quite regularly in their various manifestations and combinations, there are less recurrent paratextual components that may or may not accompany the main text. Indeed, as part of social and cultural practices of publishing, editorial paratext is practi-

cally indispensable in a physical book, which can be explained by this element's mediating role defined by the cultural sphere of the book's life cycle, from its issuing and circulation to reception (Kovacs, 2007, p. 251).

As some texts gather more paratextual elements around them while others get by with a minimum of those, the question arises, why not all texts are equally privileged to be amplified with more paratext. Obviously, a book (or a smaller-scale text) of some repute is more likely to be accompanied by paratext than a lesser-recognized one; it is also more likely to be translated and, thus exposed to public appreciation because that way its circulation obviously increases (Schögler, 2018, pp. 62–63). The value and, therefore, the presence of other paratextual components depend on many factors, such as the type of text, the type of publication, publishing policies, etc. (For example, children's literature is less likely to obtain much paratextual attention than philosophical writing; however, scholarly editions of translations of *Alice in Wonderland* abound in commentaries).

Within Genette's triplex system of paratextual authorship (authorial, editorial, and allographic), of special interest are translator-authored "presentational materials accompanying translated texts" (Tahir Gürçağlar, 2002, p. 44), such as comments and notes. Interestingly, Tahir Gürçağlar holds translator's prefaces to be neither authorial nor allographic but ones that should be handled separately as a fourth paratextual category, for translatorial [prefaces] may contain the information on the translation process, normally absent from authorial paratexts (Tahir Gürçağlar, 2013, p. 93).

It was in search of the translator's voice that Translation Studies (TS) turned to investigating paratext, because one of the huge topics in TS is the translator's visibility. To become visible, translators need to be granted space to express themselves through the paratextual mechanism. (Flores, Hoff, 2018, p. 45). However, not every translated text enjoys the privilege of being commented on, for it is not the translator's choice to have or have not a voice in a publication— it is rather a result of translation policy (Toledano Buendía, 2013). Once the translators are granted a chance to defend their translational decisions, to communicate the difficulties they came across and, therefore, to be heard, they explicate their role as social agents and active participants in the dialogue between the author and the reader. The translator as activist (Barkuzar, Haneen, 2018; Baker, 2007) participates in constructing knowledge and voicing his/her stance. No less important is the fact that this immediate peritext endows the translator with the right to be subjective (Dumas, 2018).

3. Functions of para- / peritext

Paratext by definition provides a space for the interpretation of the main text (Schögler, 2018, p. 72; Nord, 2012, p. 400). Nowhere is translation made better explicit as a cognitive process than in the translator's comments and notes. Apart from knowledge dissemination through equipping the reader with relevant background information, translatorial peritext lays bare the translator's mind at work.

In terms of their functioning, various types of peritext share some common features while differing in others. Thus, notes are described as peritext of two main types: those used to supplement the text in order to inform or explain and help readers by clarifying obscurities, and those with a performative function commenting on the text (Toledano Buendía, 2013, p. 157). The tone of informative notes is defined as “erudite” (Ibid., p. 158) while the ones fulfilling a performative function convey the translator’s opinion and judgement (Ibid., p. 159). Through the peritextual mechanism, the translator is capable of influencing the target reader’s interpretation of the translation – for example, in case some tenets run counter to contemporary beliefs (Ibid., 159). In addition to the explanatory and informative functions, translatorial elements may fulfil a prescriptive one for other translators (Rodica, 2009, pp. 198–200), being “a source of extensive information on the translation methods” (Munday, 2016, p. 52). However, whether the translator, by showing how to go about translation, prescribes solutions or, on the contrary, opens up his/her own doubts and second thoughts, remains to be an open question. There is no doubt, however, that, as spaces of translatorial knowledge-making (Schögler, 2018, pp. 62–63), all peritexts fulfill their educational function in this way too. Another interesting approach to paratextual typology is shown in (Dondukova, 2013): the author suggests cognitive types of translator’s comments described as egalitarian, authoritative, and that of cognitive dissonance. Indeed, a deeper insight into this area where the translator’s policies and sentiment meet is worthy of special attention.

4. Philosophical texts in translation

As was mentioned above, not all writings are amplified with paratext, but translations of philosophical texts require explication more often than not. In terms of translation, philosophical texts present a particular challenge: “But of all the kinds of translation, none is trickier than the translation of philosophy” (Rée, 2001, p. 226). The hindrances of philosophical translation are caused primarily by the obscurity of philosophical writing, or its inherent quality which is “a sensitive and perhaps artfully elaborated documentation of an essentially intractable enigma” (Ibid., p. 227).

From the stylistic point of view, some philosophical writings are closer to technical texts, i. e. the representative texts of Anglo-Saxon analytical philosophy; others are more poetic, such as the philosophical writings of some German-speaking authors. Researchers discuss the subjective factors that influence the translator’s reception process in the pre-translation phase: the degree of familiarity of the translator with the oeuvre of the author whose work he is translating; with secondary sources of commentaries and critical reading; or with the social, cultural and philosophical context in which the respective work was produced. Thus, the translator’s attitude to the target public and the ratio of fidelity to treason would be deeply influenced by the reception process, which in its turn is decidedly dependent on the above-mentioned degree of familiarity. Translators of philosophical texts face a dilemma since they are compelled to oscillate between two translation principles: that of transferring an unaltered message on the one hand, and of preserving the rhetoric which defines the subjectivity of the text, on the other (Vârlan, 2014).

5. Material and methodology

In this paper, we focus on the translational peritext of the 1987 annotated edition of the Russian translation of *The Analysis of Beauty* by the 18th century English painter William Hogarth – a treatise in which the celebrated artist also emerges as philosopher and theoretician of art. We will attempt to garner the translator's stance regarding the relevance of the commented instances by identifying and systematizing them.

The whole picture of the peritextual part in the edition under study comprises the Editor's Note, a brief untitled foreword, a most substantial article "William Hogarth and his Analysis of Beauty" (Alexeev, 1987; further referred to as *The Article*), Footnotes, and Endnotes. The most elaborate analysis of translational issues is given in the endnotes which make the centerpiece of our study here. The editorial Foreword contains a few general remarks on the translational challenges. Here, among the hurdles that had to be overcome in translation, the editor briefly mentions the cumbersome syntax and flamboyant style, wrongly spelt proper names, and imprecise quotations (Hogarth, 1987, p. 5). Other peritextual elements are not related to translational issues.

For the purposes of our research, we reached out beyond the Russian translational peritext and used other available sources directly related to the Analysis. Some translational choices commented on by Alexeev necessitated cross-checking with the only other Russian translation (uncommented) of *The Analysis* by A. Sydorov. Likewise, H. Jansen's (uncommented) French translation of 1805 came in helpful. In order to confirm and verify some thoughts shared in the peritext under study, we also referred to the editor's notes provided for the English edition of the treatise. Although the latter is also uncommented, this text helped us to contrast and compare some points of interest.

6. Discussion

6.1. Background

The Analysis of Beauty, a momentous – if highly polemical – work on the sum and substance of art, was written in 1753, and to the present day it remains to be a widely acknowledged philosophical essay. Further amplifying his undisputedly "new and revolutionary" (Hogarth, 2010, p. 15) artistic oeuvre, Hogarth's book contributes to the tradition of thinking about artistic practices as much as it does to the lore of "universalizing theoretical aesthetics" (Ibid., p. 15). Ch. Davis, the author of the Introduction to the 2010 commented edition, notes that the *Analysis* opens a view onto the great pictorial satirist's "mind and mentality thus disclosing knowledge that cannot be gained from his paintings and prints alone, nor from the exterior facts of his biography" (Ibid., p. 16).

Deemed a landmark in the history of artistic thought (Hogarth, 2010, p. 8), Hogarth's essay enjoys quite a peculiar status. On the one hand, from the

very outset its author did not write it as a learned treatise for his fellow artists but rather intended to influence fluctuating ideas of taste of both the artistic and dilettante communities. Hogarth intentionally avoids overloading his work with technical terms, which explains why the *Analysis* is described as “the first sustained *anti-academic* treatise in the history of aesthetics” (Ibid., p. 9 – our emphasis). On the other hand, however, the *Analysis* undoubtedly has made history of aesthetic thought (Hogarth, 1987, p. 6), as it lies out the theoretical foundations of visual art. Ch. Davis in his Introduction emphasises the author’s uncanonical empiric approach to art theory, to that end quoting F. Antal, “The book’s real significance lies in its revolutionary approach to art theory on the part of an experienced painter – an empirical and psychological approach, no longer based on the customary vague phrases – its amazing wealth of new observations and the way it stresses variety in art in contrast to a belief in cut-and-dried mathematical proportions.” (Hogarth, 2010, p. 11).

The treatise belongs to the category of texts worthy of international attention and, therefore, demanding translation – it did ‘achieve canonicity’ (Schögler, 2018, p. 72), and very shortly after publishing, too. The overwhelming acclaim of this philosophical treatise explains why it was translated into German already the next year after publication; soon after that the Italian translation came out (1761); much later (1805) it was translated into French. The very first Russian translated version was published in 1936 (Hogarth, 1936), but it was neither commented (except for a brief introductory note), nor did it contain the full text of the treatise. The first scholarly edition – an annotated translation – came out in 1958 (Hogarth, 1958), to be republished in 1987. The key words here are ‘annotated’ and ‘scholarly’, and it is the latter that requires some deliberation. In line with the above-discussed general approach to differential treatment of texts, we should remark that not every “canonised” text is honoured to come out in a scholarly edition – a long-form publication involving in-depth academic research, and it is one more reason why profound analytical commentaries accompanying a seminal philosophical work are worthy of special attention.

Both the Russian annotated editions of the book contain extensive commentaries by the academician M.P. Alexeev whose exhaustive study done for the 1st edition (1958) was further supplemented with more comments and notes from his archives in the 1987 version – the one under study in this paper. The peritext in this edition comprises a short Foreword authored by the editorial board followed by a brief untitled (apparently by M.P. Alexeev) Preface. The latter is important as it specifies that the translation was made using the very first, author-supervised publication of 1753; however, the later 1955-edition came very helpful: along with the authentic core text it contained “Rejected passages from the manuscript, drafts and autobiographical notes” (Hogarth, 1987, p. 5). Alexeev used in the notes. Although the analytical piece “William Hogarth and his *Analysis of Beauty*” by M.P. Alexeev is termed ‘article’ in Russian, it is, in fact, a 100-page-long scholarly paper on W. Hogarth’s life, creative work and theoretical achievement. The rest of the peritextual ingredient – footnotes and extensive endnotes – are also authored by Alexeev.

6.2. *Translator vs commentator*

It is important to note that the actual translator's name is only given on the title page; meanwhile, all the comments and notes, including the translation-related instances, belong to the academician M.P. Alexeev who is also named as translation editor. This interesting observation brings about the translator's agency issue. With all due respect to the unquestionable authority of the academician, the question arises why the translator (P. Melkova) is not given her share of peritext. Is it a case of deep mutual understanding and ideal collaboration between the translator and the academic editor, which resulted in delegating the translational revelations to the scholar?

Undoubtedly a man of encyclopedic knowledge, M.P. Alexeev was not only an outstanding researcher of wide scholastic interest but also a polyglot. An expert in Hogarth's cultural heritage, he was more than competent to comment on translation, with his huge experience in translating and editing translations from English, German and French. His article preceding the translated text is generally acknowledged as the most profound Russian-language analysis of the great English artist's oeuvre to date. The cultural commentaries, historic references and the analysis of polemics around the treatise are absolutely invaluable as they present a worldview of the artistic community of the 18th century England and continental Europe.

For obvious reasons, neither the author of the comments nor the translator can be approached with our questions (they lived and died in the previous century), but we can make an educated guess about their collaboration. P. Melkova could be commissioned a translation which later underwent editing and elaborate analysis by academician Alexeev who, as an ethical person, acknowledged her part by mentioning her name on the cover. In all likelihood, however, there was a very close cooperation between the translator and the academician. (It should be noted that P. Melkova was an eminent figure in the realm of 20th-century English-Russian translation). Given that peritext belongs to the sphere of research and explication, it is only reasonable to leave the scholarly part to be done by a scholar. It is of no less importance that, with his impressive background, Alexeev also enjoyed a more established position to be entitled to incorporate translational notes in the extensive body of the peritext. With this in mind, we will further alternatively refer to the author of the comments as "translator" or "commentator".

6.3. *Translational peritext in the Russian edition of *The Analysis**

The better part of the peritext in the 1987 Russian edition of *The Analysis* is devoted to the artist's biography and various cultural references of encyclopedic nature. For our purposes, we focused on the translation-related comments most of which emerge in the endnotes and are just briefly mentioned in the editorial Foreword and in the untitled introductory piece (presumably by Alexeev). As it appears, three types of translational challenges the commentator chose to discuss are united by the same principle — they are all about the imperfections of the source text: faulty syntax, incorrect

quoting, and the use of proper names. Another category of comments is different: it deals with tackling the principal concepts in the translation. The lexical cluster of comments includes such words as *grace*, *sublime*, *connoisseur*, and the phrase *и je ne sçai quoi* functioning as terms in the treatise. They are of crucial importance for the whole of Hogarth's philosophical system and as such merit a more detailed consideration in a separate paper (see in this volume). Therefore, below we will consider three categories of the translational challenges identified by the commentator: Syntax, Quotes, and Proper names.

6.4. Syntax

The syntax of the treatise required the translator's special attention, for the very length of sentences in the treatise was obviously a challenge – those containing up to 200 words are not infrequent in *The Analysis*) Consequently, the sentences are complex and hard to grasp, although Hogarth had involved some of his friends to correct the style of the manuscript (Hogarth, 1987, pp. 217–218). Interestingly, the commentary to the English edition also contains a remark not just on the complexity of syntax and exceedingly generous placement of commas but also the resulting rumours about the authorship of the treatise: “One may wonder if this reflects Hogarth's uncertainty in expressing his thoughts in writing, or is a result of the intervention of one of his pre-publication readers attempting to bestow greater clarity upon Hogarth's thoughts. Immediately following the initial publication of the *Analysis* Hogarth's critics loudly claimed that the artist's friends had written it for him”. (Hogarth 1753, p. 16). Whatever the reason for the unwieldy syntax, the translator's ultimate aim is to make the target text (TT) readable and fully permeable, and the textbook solution would be to break an overloaded syntactical construction into smaller ones. The cumbersome syntax and excessive punctuation (alongside spelling errors) are apparently viewed as a translator's routine technical challenge – therefore, the fact is just indicated in the comments, but the actual translational solutions are never detailed. Although dealing with such authorial imperfections is an obvious cognitive challenge for the translator, the reader is informed, but not burdened with it. Why then does it still earn a mention? Can hedging be the reason for sharing concerns about imperfections of style and syntactical hurdles? Or is it because the translator is seeking appreciation for overcoming such difficulties? The latter could be a reason, because the addressee is supposed to be a well-educated audience whose opinion matters. Assuming that, in the case of intellectual texts, the translator-commentator is on a par with the reader, we can suggest that such instances should be regarded as snippets of the translator/commentator's “stream of consciousness” – cognitive milestones signalling of cognitive dissonance where the translation process slowed down. Although the syntactical hurdles in the text under study are but scantily mentioned, the very presence of the commentary on them testifies to the cognitive challenge they pose.

6.5. Quotes

The reader of the translation is forewarned in the Foreword about some inexact quoting in the source text (ST). The imprecise citing of John Dreyden's translation (from Latin) of the poem *The Art of Painting* (by Charles-Alphonse Dufresnoy (Du Fresnoy), 1611–1665), is dealt with in Note 10 (Hogarth, 1987, pp. 209–210). According to Alexeev, only 1.5 line from Dufresnoy's original poem is reproduced correctly. The underlined segment in the quotation below represents what is left from Dufresnoy in Hogarth's text: "Du Fresnoy, in his art of painting, says *large flowing, gliding outlines which are in waves, give not only a grace to the part, but to the whole body; as we see in the Antinous, and in many other of the antique figures: a fine figure and its parts ought always to have a serpent-like and flaming form; naturally those sort of lines have I know not what of life and seeming motion in them, which very much resembles the activity of the flame and of the serpent.*" (Hogarth, 1753, p. 21) (punctuation and spelling retained; emphasis added). As it appears, Hogarth rather quotes Dreyden's comments on the poem *Observations on the Art of Painting* significantly reducing them, but not the poem itself which runs as follows in the original: *Membrorumque sinus ignis flammantis ad instar, // Serpenti undantes flexu...;* (Engl.: *Gulf members, like a fire, laden // serpent coils*).

The translator also notes that the numbers of the quoted verses are confused: in fact, Dreyden's translation contains similar ideas in verses 87–96, not in verse 28, as Hogarth states it. These observations of imperfect citing allow the translator to assume that Hogarth probably did not have at hand the book he was quoting but simply cited from his own – not quite accurate – notes. Such attention to detail on the part of the commentator reveals more than just his scholarly attitude to the text; it also draws a picture of Hogarth's intellectual space.

The next quote is also deemed wrong as it is not found in Dreyden's translation of Du Fresnoy's, according to Alexeev. However, whether he means the one in the footnote (A) or another in the same paragraph mentioned above (B) is unclear. Here they are:

A. "See Dreyden's translation of his latin (sic.) poem on Painting, verse 28, and the remarks on these very lines, page 155, which run thus, "It is difficult to say what this grace of painting is, it is to be conceived, and understood much more easy than to be expressed by words; it proceeds from the illuminations of an excellent mind, (but not to be acquired) by which we give a certain turn to things, which makes them pleasing." (Ibid., pp. 21–22).

B. "But to say the truth, this is a difficult undertaking, and a rare present, which the artist rather receives from the hand of heaven than from his own industry and studies'.

Hogarth does not seem to care much about the accuracy of citing. Another case is the wrongly quoted title "Le Brun's passions of the mind" Translated into Russian after Hogarth's version «Лебренувы душевные состояния». The original title was *Conférence de M. Le Brun... sur l'expression générale et particulière*, further republished under various titles, as we come to know from Prof. Alexeev (Hogarth, 1987, p. 236).

Why should imprecise quoting be interesting from the translational point of view? Whatever the ST's faults, the translator chooses to stick to the author's text as closely as possible anyway. It is a well-justified strategy that shows the translator's respect for the author: trespassing the author's territory would be ethically – and historically – wrong. However, mistakes and imperfections are never left without notice on the translator's part if he/she has a voice. They require clarification both for the sake of the inquisitive reader and for the translator establishing his/her territory of a cultural communicator (Britto, 2007, pp. 202–203). Such notes are indicative of the translator's excellence and reliability – as if he/she were saying 'I have researched it, trust me'; they are also informative and enlightening.

6.6. *Proper names*

The commentators in both the Russian and English editions of *The Analysis* note that the original text of the treatise is full of minor and major linguistic imperfections and "inconsistent usage" (Hogarth, 1753, p. 122). Among such cases are numerous proper names that are either mis-spelt in the ST or spelt in an unconventional manner (according to contemporary standards). In part, it is explained by the ever-present problem of rendering proper names in different languages; it is not surprising therefore that, in the absence of any standardization in Hogarth's time, names were spelt by the ear. The translation keeps to the 20th-century spelling norm "by default", but certain cases require clarification in the comments to avoid confusion.

For example, according to Alexeev, Hogarth is not alone in mis-spelling the name of the then-fashionable royal portraitist Sir Pieter (Peter) Lely, alias Van der Faes 1618–1680, as his name used to take various shapes in English: Lilley, Lily, Lyly, and even Lelio (Hogarth, 1987, p. 237). However, Hogarth's spelling "Lilly" leads to confusion because there was a second-rate artist Edmond Lilly (died 1716). Two things are important here in terms of commenting on translation. Firstly, the correct cultural contextualisation for the identification of an individual artist; secondly, the spelling and pronunciation of the name in Russian. In English, all the graphic forms (except Lelio) have the same sound shape [lili]; in Russian, Pieter Lely's name is spelt Лели and pronounced as [leli].

Another case is the French artist Jacques Christoph Le Blon (1670–1741) whose name takes the form "James Christopher le Blon" in Hogarth's text. Alexeev remarks that it is not without a reason that Hogarth anglicizes the name, for the latter had lived in England for the better part of his adult life (Ibid., p. 215). The anglicized name is therefore retained in the Russian text: "Этот трактат был... переведен на английский Джеймсом Кристофером ле Блоном" (Ibid., p. 112), although in Russian his name normally takes its Germanized form – Якоб Кристоф Леблон. This note is important both because it helps to identify the right individual, and it shows the translator's conscientiously differential treatment of names in translation.

One habitually mis-spelt name in the ST is that of the Italian artist and author Giovanni Lomazzo (1538–1600) spelt as "Lamozzo" (Ibid., pp. 206–207). Alexeev notes that various incorrect spellings are retained in all other edi-

tions of the treatise, but he does not make an attempt to make a guess why. However, Ch. Davis in his Preface to the English edition suggests an interesting version: "He never refers to Lomazzo correctly as 'Lomazzo', calling him instead usually "Lamozzo" and occasionally even, somewhat ridiculously, "Lemozzo". Possibly Hogarth did not really care to get Lomazzo's name right, preferring to flaunt his ignorance, and revealing perhaps a trace of ambivalence toward a precedent that might seem to pre-empt his discovery" (Hogarth, 1753, p. 10). Duly following the rules, the Russian translator puts the name right as Ломатццо in the TT; likewise, all other proper names take their regular graphic shapes. Among them are the names of the Flemish painter Van Dyck spelt as "Vandyke" and the great Italian Michelangelo (Michael Angelo) are easy to place, and they simply get their established Russian counterparts in the TT. Indeed, all the names are easily recognizable, as the commentator of the English edition notes: "most of these will be obvious to many readers, ones who will also recognize that "Peter de Cortone" refers to the Roman baroque painter, Pietro da Cortona" (Ibid., p. 122). Judging by the conventional spelling of these proper names in the TT, the Russian translator maintains a similar stance (so does the French translator).

The question persists: why comment on what otherwise would have been unnoticed by the reader since in the TT nothing seems to be wrong with the names? The answer could come from the very nature of scholarly commentary, given that philosophical text requires precision and exactness. Apart from showing the translator's mind at work and revealing how much research is involved in the translation process, the commentator not only restores the true picture of the original text but adds an attitudinal touch to the image of the author. The ultimate aim of commentary therefore appears to be creating new knowledge about the author and the epoch. Interestingly, comments also show us the difference in contemporary practices of dealing with proper names in translation compared to those at the time when the actual translation was done. For example, today, we do not translate but transliterate magazines' titles; meanwhile, in the comments under study, *The Tatler* and *The Spectator* are provided with their Russian counterparts *Болтун* and *Зритель* accordingly (Hogarth, 1987, pp. 213–239). However, *The Gentleman's Magazine* is left in the original spelling (Hogarth, 1753, p. 239).

7. Conclusion

In the annotated translation of W. Hogarth's *Analysis of Beauty*, the overall translational component of peritext (discussion of issues overtly pertaining to translation) does not exceed 10 per cent of the whole body of the commentary, comprising lexical issues – proper names among them – alongside textual fragments (quotes) and minimal syntactical observations. Leaving the terminology-related comments for investigation in a further study, we can sum up that the discussed notes on syntax, quotes, and proper names are brought into focus for commenting first and foremost because there is a need to deal with the imperfections detected in the original text. Such comments fall under the above-mentioned "authoritative" type. Alongside establishing his/her territory, the translator fulfils the role of enlightener

and educator for the readership. While putting the wrong things right the commentator simultaneously throws the author's writing process into relief. A broader picture of bringing the work into being created in the notes enhances the reader's understanding of the author's stance completing the artist's philosophy with the snippets of his living image.

Cervantes famously compared translation with the wrong side of Flemish tapestries. Extending it to the translation-commentary relation, we could compare translation as an end-product to the front side of the tapestry, the wrong side then being the translational peritext – it shows the machinery of translation along with all the “knots and whatnots” of the original. Translational peritext gives us an opportunity to view translation as a heuristic process. By its very nature, philosophical discourse invites commentary, and comments become part and parcel of philosophical discourse in their turn. Peritext shows translation as by far more than a mere transfer of knowledge to a new intellectual space but as a knowledge-making process. Peritext builds on the created knowledge thus expanding the reader's horizons. Translation viewed as a means of constructing cultures and contributing to cultural enrichment surpasses the boundaries of interlinguistic exchange of information emerging as a precondition of any social and humanitarian knowledge (Rebrii, 2018).

References

- Alekseev, M.P., 1987. William Hogarth and his “Analysis of Beauty”. In: W. Hogarth. *Analiz Krasoty* [The Analysis of Beauty]. Leningrad. pp. 7–115 (in Russ.).
- Baker, M., 2007. Reframing Conflict in Translation. *Social Semiotics*, 17 (2), pp. 151–169.
- Barkuzar, D. and Haneen, A., 2018. The translator as an activist: reframing conflict in the Arabic translation of Sacco's Footnotes in Gaza. *The Translator*, 24 (2), pp. 147–165.
- Britto, P.H., 2007. As condições de trabalho do tradutor. *Cadernos de Tradução*, 1 (19), pp. 193–204.
- Dondukova, G.P., 2012. Principles for defining the boundaries of a translation commentary. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Romano-germanskaya filologiya* [Bulletin of the Buryat State University. Vol.: Romano-Germanic philology], 11, pp. 65–69 (in Russ.).
- Dumas, F., 2018. Le paratexte en devenir dans la traduction. Genèse et fonctions du paratexte traductif. *Atelier de traduction, Section Dossier thématique*, 30, pp. 103–118.
- Flores, V.d.N. and Hoff, S.L., 2018. Le dire des traducteurs: une analyse de paratextes de traduction. *Atelier de traduction, Section Dossier thématique*, 30, pp. 33–47.
- Genette, G. and Maclean, M., 1991. Introduction to the Paratext. *New Literary History*, 22 (2), pp. 261–272.
- Genette, G., 1987. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Translated from French by J.E. Lewin. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gondek, H.-D., 2011. On the Translation of Philosophical Texts and Philosophical Translation Theories. *Filosofsko-literarnyj zhurnal “Logos”* [Philosophical Literary Journal “Logos”], 5–6 (84), pp. 193–211 (in Russ.).
- Hogarth, W., 1936. *Analiz Krasoty* [The Analysis of Beauty]. Translated by A. A. Sydorov. Moscow (in Russ.).

Hogarth, W., 1958. *Analiz Krasoty* [The Analysis of Beauty]. Translated by P.V. Melkova. Leningrad (in Russ.).

Hogarth, W., 1987. *Analiz Krasoty* [The Analysis of Beauty]. Translated by P.V. Melkova. Leningrad (in Russ.).

Hogarth, W., 2010. "To see with our own eyes": Hogarth between native empiricism and a theory of "beauty in form". *William Hogarth: The analysis of beauty* (London: Printed by John Reeves for the Author, 1753) [pdf] FONTES 52. Available at: http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/artdok/1217/1/Davis_Fontes52.pdf [Accessed 13 March 2018].

Kovacs, S., 2007. Discourse analysis and book history: literary indexing as social dialogue. *Variants*, 6, pp. 243–262.

Munday, J., 2016. *Introducing translation studies: Theories and applications*. Vol. 4. London: Routledge.

Nord, C., 2012. Paratranslation – a new paradigm or a re-invented wheel? Perspectives: *Studies in Translation Theory and Practice*, 20(4), pp. 399–409.

Rebrii, O.V., 2018. Translation as a means of constructing cultures: philosophical foregrounding. *Cognition, Communication, Discourse, Series "Philology"*, pp. 64–71.

Rée, J., 2001. The Translation of Philosophy. *New Literary History*, 32 (2), pp. 223–257.

Rodica, D., 2009. Translators' prefaces as documentary sources for translation studies. *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice*, 17 (3), pp. 193–206.

Schögler, R., 2018. Translation in the Social Sciences and Humanities: Circulating and Canonizing Knowledge. *Alif Journal of Comparative Poetics*, 38, pp. 62–90.

Tahir Gürçağlar, Ş., 2002. What Texts Don't Tell: The Use of Paratexts in Translation Research. In: T. Hermans, ed. *Crosscultural Transgressions. Research Models in Translation Studies II: Historical and Ideological Issues*. pp. 44–60.

Tahir Gürçağlar, Ş., 2013. Agency in allographic prefaces to translated books: An initial exploration of the Turkish context. In: H. Jansen and A. Wegener, eds. *Authorial and editorial voices in translation 2 – editorial and publishing practices*. pp. 89–108.

Toledano Buendía, C., 2013. Listening to the voice of the translator: A description of translator's notes as paratextual elements. *Translation & Interpreting*, 5 (2), pp. 149–162.

Vårland, C.-I., 2014. Difficulties and constraints in translating philosophical texts. Mechanisms of reception and the (in)stability of meaning. *Diversité et Identité Culturelle en Europe*, 11 (2), pp. 69–82.

The authors

Dr Lyudmila B. Boyko, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: boyko14@googlegmail.com

Kristina S. Chugueva, Independent Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: KSCHugueva@gmail.com

Alexandra K. Gulina, Independent Researcher, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: s.gulina@gmail.com

To cite this article:

Boyko, L.B., Chugueva, K.S., Gulina, A.K. 2021, Peritext of the Russian translation of William Hogarth's Analysis of Beauty: a case study, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 1, p. 34–49. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-2.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПЕРИТЕКСТА
(на основе перевода на русский язык труда по философской эстетике
«Анализ красоты» Уильяма Хогарта)

Л. Б. Бойко¹, К. С. Чугуева¹, А. К. Гулина¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14
Поступила в редакцию 26.09.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-2

Переводы философских текстов представляют особую сложность из-за специфичности средств выражения в философском дискурсе и концептуальной сложности самого дискурса. Неудивительно, что такие переводы часто сопровождаются комментариями, в которых переводчик «выходит из тени», пытаясь объяснить свои переводческие решения. В настоящей статье рассматриваются комментарии к переводному тексту, называемые переводческим перитекстом, с целью выявить, какие когнитивные усилия задействованы в процессе перевода, а также каково взаимодействие между переводчиком, читателем и автором. Цель статьи заключается в том, чтобы проанализировать паратекстуальные элементы в переводе эссе по философской эстетике в поисках ответов на три основных вопроса: Что переводчик предпочитает комментировать и почему? В чем особенность роли и функции трансляционного перитекста в философском арт-дискурсе? Как комментируемые переводческие решения влияют – если вообще влияют – на понимание читателем позиции автора? Проблема активного участия переводчика, его мотивации в принятии решений исследуется на материале эссе «Анализ красоты» известного английского художника XVIII века Уильяма Хогарта. Программный философский трактат художника не теряет своей актуальности до настоящего времени. Статья начинается с краткого изложения концепции паратекста, его типов и функций; затем будет рассмотрена специфика философского перевода. В основной части статьи дается справочная информация по исследуемому материалу, за которой следует анализ выявленных комментируемых переводческих проблем.

Ключевые слова: перитекст, перевод, принятие решений, создание новых знаний, переводческий комментарий, философия

Список литературы

- Baker M. Reframing Conflict in Translation // *Social Semiotics*, 2007. Vol. 17, №2. P. 151–169.
- Barkuzar D., Haneen A. The translator as an activist: reframing conflict in the Arabic translation of Sacco's Footnotes in Gaza // *The Translator*, 2018. Vol. 24, №2. P. 147–165.
- Britto P. H. 2007. As condições de trabalho do tradutor // *Cadernos de Tradução*, 2007. Vol. 1, №19. P. 193–204.
- Dumas F. Le paratexte en devenir dans la traduction. Genèse et fonctions du paratexte traductif // *Atelier de traduction, Section Dossier thématique*. 2018. Vol. 30. P. 103–118.
- Flores V.d.N., Hoff S.L. Le dire des traducteurs: une analyse de paratextes de traduction // *Atelier de traduction, Section Dossier thématique*. 2018. Vol. 30. P. 33–47.
- Genette G. *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge, 1997.

Genette G., Maclean M. Introduction to the Paratext // *New Literary History*. 1991. Vol. 22, №2. P. 261–272.

Kovacs S. Discourse analysis and book history: literary indexing as social dialogue // *Variants*. 2007. Vol. 6. P. 243–262.

Munday J. *Introducing translation studies: Theories and applications*. 4th ed. L., 2016.

Nord C. Paratranslation – a new paradigm or a re-invented wheel? // *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice*. 2012. Vol. 20, №4. P. 399–409.

Rebrii O. V. Translation as a means of constructing cultures: philosophical foregrounding // *Cognition, Communication, Discourse*. Series «Philology». 2018. №16. P. 64–71.

Rée J. The Translation of Philosophy // *New Literary History*. 2001. Vol. 32, №2. P. 223–257.

Rodica D. Translators' prefaces as documentary sources for translation studies // *Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice*. 2009. Vol. 17, №3. P. 193–206.

Schögler R. Translation in the Social Sciences and Humanities: Circulating and Canonizing Knowledge // *Alif Journal of Comparative Poetics*. 2018. Vol. 38. P. 62–90.

Tahir Gürçağlar Ş. Agency in allographic prefaces to translated books: An initial exploration of the Turkish context // *Authorial and editorial voices in translation 2 – editorial and publishing practices* / H. Jansen, A. Wegener (eds.). Montreal, 2013. P. 89–108.

Tahir Gürçağlar Ş. What Texts Don't Tell: The Use of Paratexts in Translation Research // *Crosscultural Transgressions. Research Models in Translation Studies II: Historical and Ideological Issues* / T. Hermans (ed.). L., 2002. P. 44–60.

"To see with our own eyes": Hogarth between native empiricism and a theory of 'beauty in form'. William Hogarth: The analysis of beauty (London: Printed by John Reeves for the Author, 1753) // *FONTES* 52. URL: http://archiv.ub.uni-heidelberg.de/artdok/1217/1/Davis_Fontes52.pdf (дата обращения: 13.03.2018).

Toledano Buendía C. Listening to the voice of the translator: A description of translator's notes as paratextual elements // *Translation & Interpreting*. 2013. Vol. 5, №2. P. 149–162.

Vârlan C.-I. Difficulties and constraints in translating philosophical texts. Mechanisms of reception and the (in)stability of meaning // *Diversité et Identité Culturelle en Europe*. 2014. Vol. 11, №2. P. 69–82.

Алексеев М.П. Уильям Хогарт и его «Анализ красоты» // Хогарт У. *Анализ красоты*. Л., 1987. С. 7–115.

Гондек Х.-Д. О переводе философских текстов и о философских теориях перевода // *Философско-литературный журнал «Логос»*. 2011. Вып. 5–6 (84). С. 193–211.

Дондукова Г.П. Принципы определения границ переводческого комментария // *Вестник Бурятского государственного университета. Сер.: Романо-германская филология*. 2012. Вып. 11. С. 65–69.

Хогарт У. *Анализ красоты* / пер с англ. А.А. Сидоров. М., 1936.

Хогарт У. *Анализ красоты* / пер. с англ. П.В. Мелкова. Л., 1958.

Хогарт У. *Анализ красоты* / пер. с англ. П.В. Мелкова. Л., 1987.

Об авторах

Людмила Борисовна Бойко, кандидат филологических наук, доцент, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: boyko14@googlemail.com

Кристина Сергеевна Чугуева, независимый исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: KSCHugueva@gmail.com

Александра Константиновна Гулина, независимый исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: s.gylina@gmail.com

Для цитирования:

Бойко Л.Б., Чугуева К.С., Гулина А.К. Особенности переводческого перитекста (на основе перевода на русский язык труда по философской эстетике «Анализ красоты» Уильяма Хогарта) // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №1. С. 34–49. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-2.

**TRANSLATION OF POSTMODERN TERMINOLOGY
IN THE PHILOSOPHICAL WORKS
BY M. FOUCAULT, J. BAUDRILLARD, AND J. DERRIDA**

M. A. Beley¹, E. G. Fonova¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
236016, Russia, Kaliningrad, 14 A. Nevsky St.
Submitted on September 27, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-3

*The article examines the specifics of the translation of postmodern philosophical terminology. The authors explore Russian translations of the works of the modern French postmodernist philosophers Michel Foucault, Jean Baudrillard and Jacques Derrida. Postmodernism as a philosophical movement is based on the concept of radical plurality. It is characterised by the multiplicity of dimensions and types of analysis. The authors look into the problem of choosing strategies for the translation of postmodern terminology and analyse the dilemma translators have to face: how to manoeuvre between polysemy and ambiguity in the translation of philosophical terms. The article analyses the translation of Foucault's seminal work *Les Mots et les Choses* (translated by Avtonomova and Vizgin). Special attention is paid to the problem of translation of the postmodern terms discourse and episteme. Another focus of research is the analysis of the translation of Baudrillard's work *Simulacres et Simulation* (translated by Pechenkina). In the final part of the article, the authors analyse the peculiarities of the translation of Derrida's treatise into Russian.*

Keywords: *postmodernism, Derrida, Foucault, Baudrillard, translation strategies, post-modern terminology, episteme, discourse, simulacre*

Each epoch has its own individual language and style of communication, which is formed by the dominant explicit systems. The second half of the C 20th and the beginning of the C 21st is characterized as an epoch of postmodernism, which manifested itself as the main direction of philosophy, literature, art and science.

1. Special aspects in translating postmodern essays

The processes of globalization, development of information technologies determined the vector of gravitation of art, culture, science and literature towards cross-culturality and, as a consequence, towards multidiscursivity. The growing need for new forms of aesthetic reflection of the new time entailed the search for ways to overcome existing (including ethnic) stereotypes of artistic thinking. The rejection of "concepts that claim universal coverage and interpretation of reality as a holistic phenomenon subordinated to

a certain law" (Zverev, 2005, p. 334), the feeling of heterogeneity, the fundamental "unfitness" of the world, which opens up countless variations in the possibilities of its interpretation, none of which can claim to be final judgment, the heterogeneity of languages and concepts stimulated the emergence of a broad trend called postmodernism in literature, art and science. Postmodernism, with its inherent genre syncretism, fragmented text structure, soft and non-military tactics of deconstruction, recomposition and rethinking of past epochs' experience, has spread all over the world.

The philosophy of postmodernism contrasts itself, first of all, with Hegel's philosophy, seeing it as the embodiment of rationalism and logocentrism. In this sense, it can be defined as anti-Hegelian. Hegel's philosophy is known to be based on such categories as "being, one, whole, universal, absolute, truth, reason, etc.". Postmodern philosophy harshly criticizes all this from the standpoint of relativism" (Frolov, 2003, p. 215).

Postmodernism began to act as a concept expressing the uniqueness and inexpressibility of the cultural situation of the last decades of the twentieth century. The majority of researchers use such definitions as plurality, adogmatism, alogism, absence of the first symbol, ironic attitude to the previous cultural values as characteristic definitions. In postmodernism, the boundaries of the beautiful and ugly are blurred; the contrast between the center and periphery of high and low, elite and mass culture loses its meaning. According to U. Eco, "postmodernism is the answer to modernism: since the past is impossible, it must be rethought: ironically, without naivety" (Eco, 1989, p. 462).

If we continue to analyze the problem of postmodern texts translation it is interesting to what J. Derrida writes about it. Without being a translation theorist, he devoted two works to the problems of translation: *Des tours de Babel* (1997) and *Qu'est-ce qu'une traduction relevante?* (2005). It greatly influenced on the development of postmodernism, poststructuralism through the proposed deconstructive text analysis strategy.

According to Derrida translation is a ritual which creates a reality for the first time ever and creates our attitude to this reality. The translation is impossible because it is not exact, but any inexact translation can be precised. The translation is impossible first of all because it keeps a memory about the invalid possibilities of the language: about the fact that these things could have been told earlier, could be told in the other way or could be written in the annals and could be done in the world's construction.

We can read in *Des Tours de Babel*: "...A translation espouses the original when the two adjoined fragments, as different as they can be, complete each other so as to form a larger tongue in the course of a survival that changes them both. <...> It is what I have called the translation contract: hymen or marriage contract with the promise to produce a child whose seed will give rise to history and growth. <...> In the translation the original becomes larger; it grows rather than reproduces itself – and I will add: like a child, its own, no doubt, but with the power to speak on its own which makes of a child something other than a product subjected to the law of re-

production. This promise signals a kingdom which is at once "promised and forbidden where the languages will be reconciled and fulfilled." <...> This kingdom is never reached, touched, trodden by translation. There is something untouchable, and in this sense the reconciliation is only promised..." (Derrida, 1985, p. 190–191).

Besides, Derrida's significance for linguistics, literature and translation is related to the interpretation of the meaning of text, which turns out to be unstable, multidimensional, subjective and intertextual and such text also has variable contextual lines.

There are different approaches in translation theory which correspond to different types of texts. We can find cognitive approaches, committed approaches, functional, interpretive and so on. But we did not find any universal approach to translate postmodern philosophical works.

2. Main stages in translating postmodern texts

Translation is a complex and multifaceted human activity. Although we usually talk about translation as transfer "from one language to another", in fact there is more than just a substitution of words between languages. In translation, different cultures, different personalities, different ways of thinking, different literature, different eras, different levels of development, different traditions and attitudes are encountered. The theory of translation is revealed not only in philological, but also in cultural, ethnographic, psychological, historical, philosophical studies (Komissarov, 2002, p. 12).

In essence, the necessity arises when it is impossible to keep the same plan of language sign expression, so the direct result of translation is realized on the language level, in our case – on the level of philosophical concepts.

It seems that the reorganization of the linguistic space in the postmodern era has qualitatively influenced the system of translation possibilities and implementations introduced in the translation of traditional texts, in particular – in the translation of philosophical concepts. In order to understand the consequences of this influence, it is necessary to analyze potential translation problems that manifest themselves at the appropriate stages of the translation process (Ibid., p. 150).

At the first stage of the translation process, i. e. the stage of perception of the original text, the translator risks to face, first of all, not so much the problem of interpreting the meaning of game language units, as to separate them from the text space. Division of a unit of translation and introduction of the new postmodernist term is one of the basic components of translation process as erroneous acceptance of a text piece as a unit of translation will inevitably lead to loss of sense.

At the second stage of the translation process, the translator has a task to transfer text sense simultaneously in the conditions of plurality of meanings and absence of sense. The problem of pluralism of meanings in postmodern philosophical discourse is that the meaning does not depend directly on the interpretation of the subject, but is constantly generated by the text itself, with each interpreter perceiving this or that postmodern element differently.

3. Pluralism of meanings and unambiguity: how to manoeuvre

The problem of pluralism of meanings and lack of meaning raises the question of translatability of the philosophical discourse of postmodernism. In translation theory, there are different points of view regarding the question of translatability. V. von Humboldt also suggested that language, by actively influencing native speakers, is an "intermediate world" between a people and the objective world around it (Humboldt, 2000, p. 45).

A philosophical term often fails to meet another important requirement traditionally imposed on the term – unambiguity, as its semantic scope is much broader than the semantic scope of the term in any other field of scientific knowledge. It seems logical that the author of the philosophical text puts into the terms used the same meanings that were put into it by other philosophers in already existing works. However, this is often not the case. There are philosophical terms with precise and invariable semantics, the use of which is fully due to the previous philosophical tradition, but at the same time there are also terms formed from the words of the common layer of vocabulary and used to nominate controversial, polemical philosophical concepts, which leads to ambiguity of the terms themselves. Terms in philosophical texts should be considered not only in the context of the whole work, but also in the context of the whole work of the philosopher, because each author gives such terms their individual, author's content. Therefore, it is more logical to speak not about the phenomenon of polysemy, but about different interpretations of the term. Thus, the philosophical term does not have a precise definition, its meaning is gradually increasing within the framework of the general concept and the specific text, and, accordingly, is also extracted from the context of the entire text. Nevertheless, there is no reason to believe that a philosophical term is not inherently definitive, but definitions are formulated not directly by the authors of the texts, but by researchers of the philosophical terminology system (Kozlovskaya, 2011, p. 84).

4. Translation strategies of postmodern terms: examples

Vinay and Darbelnet provide a good example of translation procedure (procédés techniques de traduction), understood as a process that comes into play when shifting between languages. Their seven procedures are divided between «direct translation» (three types) and «oblique translation» (four types) looking at equivalences obtained from comparing English and French. These procedures operate on three linguistic levels (lexical, morpho-syntactic and semantic) (Gambier, 2010, p. 413).

Translating terminological items in postmodern discourse into another language is, as we have already noted, of a significant difficulty. Thus, we specify four different strategies for translating peculiar postmodern terms:

1. Transliteration as a specific translation technique («direct translation»)
2. Modulation as a polysemous approach («oblique translation»)
3. Translation comment as a way to explain the translation («oblique translation»).
4. Neologism as a translation solution («oblique translation»).

4.1. Michel Foucault and "discours"

Turning to these translation strategies, let us observe the peculiarities of translation of the term "discourse", proposed by the French philosopher, historian and theorist of culture, a prominent representative of French structuralism and postmodernism, one of the most influential thinkers of the second half of C 20th. Michel Foucault in *Les mots et les choses* (1966).

The translation of «*Les mots et les choses*» (*Words and Things*) into Russian («Слова и вещи») was made by N.S. Avtonomova and V.P. Vizgin (1994).

In translating the term "Discourse" as a central concept in Foucault's work, the translators were not limited to a simple transcription. The new philosophical term "Discourse" appears with a special logical and conceptual structure.

In Foucault's original text, discourse is a polysemous term that can be interpreted and translated as:

1. Speech, performance – речь, выступление
2. Discussion, speech – дискуссия, речь
3. Text – текст
4. Treatise – трактат
5. Reasoning – рассуждение

6. In the figurative sense: A way of thinking, a system of concepts – манера мышления, система концептов

7. In colloquial language: Discussion, analysis – дискурсия, анализ

The word discourse, as a neologism in the translation, is used by N.S. Avtonomova and V.P. Vizgin, as a rule, when describing the episteme (эпистема) of classical rationalism.

As for the translation commentary, we believe it is necessary to clarify that in Foucault the discourse is both what is created from a set of signs, and a set of acts of formulation, a number of proposals or judgments. Discourse is created by a set of sign sequences that represent a statement; discourse is a set of statements that are subject to the same system of formation. At the same time, discourse is not only a text or speech; rather, it could be said that it is a text together with the social practice which the text refers to and which predetermines the features of speech statements.

The discourse is created by a limited number of statements. It is historic. It can be called a fragment of history, its unity and continuity. As Paul Veyne noted, Foucault's discourse means "the most accurate, most concise description of a historical formation in its purity, revealing its most individual differences," the discourse "is, in fact, what is not said and remains implicit," it "is that invisible part, that unthinkable thought, in which each event of history acquires its identity (Veyne, 2003, p. 121).

Discourse is one of Foucault's most used words. It cannot be unequivocally translated into Russian. Where it does not have a clear terminological meaning, it has to be translated into "speech,"-речь occasionally "reasoning. Where it is used as a term, and the term is original and undefined – in "Words and things" it usually refers to the language of the classical epoch with its ability to dissect thinking notions, to express them in a sequence of verbal signs – it has to be translated by the words – дискурс ("discourse"),

дискурсивный ("discursive"). In Foucault's later works, the meaning of this word further expands to cover, in essence, the whole set of structural mechanisms of superstructure, as opposed to "non-discursive" — недискурсивный economic, technical — mechanisms and regularities.

In translating Foucault's iconic term *episteme*, the translators N.S. Avtonomova and V.P. Vizgin used the term *эпистема*. P. Vizgin used three translation tactics at once. Here we are dealing with both transliteration and the formation of a neologism *episteme* adapted to Russian (according to the analogy with the system — *система*). Translation commentary is also important to explain the new postmodern phenomenon.

An *episteme* is a historically changing structure that defines the conditions for the possibility of opinions, theories or sciences in each historical period; a structure of thinking that expresses the way of thinking inherent in a certain historical epoch and forms an individual order: fundamental language codes, patterns of perception, hierarchies of practices. The *episteme* is a historically conditioned cultural and cognitive *a priori*, a set of rules and relationships in a particular place and time, forming the conditions for the existence of historical forms of culture and knowledge. It includes a set of discursive practices that create the apparatus for knowledge production.

Foucault introduces the distinction between knowledge and cognition (French *savoir* and *connaissance*, English *knowledge* and *learning* — Russian *знание и познание*); the level of *episteme* (knowledge) precedes scientific discourses (cognition) and therefore makes their existence possible: Foucault's introduction of "archaeology" *археология* does not study superficial changes, but deep events. An *episteme* is not a body of knowledge or a feature of the research of an epoch; it is not of universal significance, but rather is strictly limited to the discourses under study.

The underlying *epistemes* of hidden structures determine the order in which "things" are embodied in "words"; the structures of discursive practices vary according to the level of organization of thought or culture. Important features of an *episteme* are the relationship between its elements and synchronization. Making up a system of invisible rules, the *episteme* not only defines the "order of things," but also allows you to explain the emergence of certain forms of knowledge in a particular historical period.

This observation draws attention to the approach of translators to the transfer of Greek and Latin words to another language — there may also be certain difficulties due to the structure of the language of translation. Thus, a Russian translator should "look for Russian words that are morphologically and syntactically flexible" (Avtonomova, 2008, p. 378). Therefore, the main word-concept of Foucault's "Words and Things" *epistème* is translated by N.S. Avtonomova as an *episteme* — *эпистема*.

Russian theorist of postmodernism I.P. Ilyin focuses his attention on understanding the *episteme* as an «implementation in speech practice of a strictly defined code» (Ilyin, 1996, p. 60). This allows us to see the *episteme* as a socio-cultural structure in which language is a structuring mechanism. The human being in the context of such a vision is not seen as a subject. N.S. Avtonomova interprets the *episteme* (*эпистема*) as a configuration of an "archaeological" or cognitive field of historical character (Avtonomova, 1994, p. 20). Avtonomova also gives an understanding of the *episteme* as the

latent structure of consciousness that determines the existence of individual ideas (Avtonomova, 1972, p. 143). She pays attention to Foucault's attempt to isolate a common structuring mechanism in all formations of consciousness and culture. At the same time, she emphasizes that the absolutization of Foucault at the pre-conceptual level at which he is conducting his research limits the search for universal forms of structuring superstructure contents to the superstructure itself. We share Avtonomova's opinion that «the broad context of social relations of each epoch could significantly strengthen the justification of epistemes» (Avtonomova, 1994, p. 43).

Thus, we can assume that if Foucault had had a different context for the recognition of the "human form," he would have obtained a different form. We think that Avtonomova's position is a confirmation of lack of heterogeneity in Foucault's human image. In his approach to the concept of episteme V.P. Vizgin proceeds from the main tendencies of structuralism, based on the ideas of G. Bachelard. In this regard, the structure, as interpreted by Vizgin, includes such concepts as "attitude" (позиция) and "field" (сфера). The focus is on the "structure of a certain social-historical field" and its various characteristics. According to Vizgin, it is the "field" aspect of cultural history which is expressed in the concept of episteme (Vizgin, 1996, p. 49). This interpretation of the episteme implies the analysis of history on an impersonal level. Episteme history is the history of impersonal positions occupied by people forced to reckon with these positions, in the same way as physics analyzes different positions of atoms. Just as quantum mechanics calculates the energy levels that can be occupied by individual particles, in contrast to the classical one that comes from the particle itself and its properties, so the historian describes the positions that subjects occupy under certain conditions. According to Vizgin, the historian's goal is to create complete disposition maps and determine their dynamics in the historical and cultural space.

In general, the idea of reality and history as something objective and really existing, gradually disappears into the consciousness, "the reality is agonizing" (Baudrillard, 2013, p. 11). "Now, when even the opposite of the real and the unreal — this cornerstone of culture in general — is in doubt, the soil leaves under the feet of the fantastic: one cannot undermine the credibility of what is not already trusted. Transgression is one of the key notions of postmodernism, which fixes the phenomenon of crossing the impassable boundary and, above all, the boundary between the possible and the impossible" (Ilyin, 1996, p. 211). The limit (i.e., the transformed reality or its border) and the transgression (qualitative transformation, expansion of reality; unreality)," Foucault wrote, as if summing up the history of the fantastic. Here we propose our translation "If we owe each other the density of their being: there is no limit beyond which it is absolutely impossible to cross; on the other hand, any transgression of the illusory or ghostly limit will be futile" (Foucault, 1966, p. 117).

4.2. Jean Baudrillard: "hyper-réalité" and "simulacre"

Jean Baudrillard is considered one of the founders of the philosophy of postmodernism. The main themes of the philosopher's research were the relationship between reality and its symbolic representation, as well as the mechanisms of consumption as a sign system of modern society.

Baudrillard introduced the concept of "hyper-reality" – гипер-реальность as a development of the Marxist concept of "superstructure" and proclaimed "the end of ideology". According to this concept, the basis of hyper-reality is "simulation". Units of hyper-reality are "simulacra" – симулякры – signs or non-self-configuous phenomena that refer to something else, and therefore simulated.

Simulacres et Simulation (*Simulacra and Simulations – Симулякры и симуляция*) is a philosophical treatise by Baudrillard, written in 1981. In this treatise, Baudrillard explores the relationship between reality, symbols and society, summarizing his previous theoretical developments. It is the most complete and accessible book of its kind, from which you can begin to immerse yourself in the world of modern philosophy. The author gives the most detailed definitions of such concepts as "hyper-reality" and "simulacra", which have long been in mass use. This work has helped many people around the world to look at our reality from a fundamentally different perspective, from the point of view of its fictitious, fake, "copy of the copy", illusory substance, and inspired filmmakers to create a cult film "Matrix", where it is not only quoted, but also flickers in the frame. "Simulacrum" is not something that hides.

According to O. A. Pechenkina, the translator of Baudrillard's «*Simulacra and Simulations*», Jean Baudrillard starts operating in the late 70s. It was during this period that the postmodernist stage of his work opens. However, his early works prepared the transition to postmodernist positions with lots of respect. They were devoted to "a kind of sociological psychoanalysis of the world of things and consumer society, not alien to semiology, structuralism and neo-Marxism (a great influence on Baudrillard was the views of F. de Saussure, R. Bart, G. Marcuse, H. Lefevbre).

While translating the term *simulacrum* into Russian – симулякр, O. A. Pechenkina used a transliteration strategy, not forgetting, however, to apply the tactics of a translation comment. Following O. A. Pechenkina, we consider the following interpretation of the term "Simulacrum is an imitation of non-existent." To simulate means to pretend that you have something that does not really exist. In a postmodern situation where reality becomes a model, the opposition between reality and signs is erased and everything becomes a simulacrum. In a total simulation space, there are no more boundaries between real and imaginary, and reality now becomes hyper-realistic, characterized by the dominance of totally scattered simulators, model precession, and the replacement of real with real signs.

It is believed that unlimited semiosis of simulacres in hyper-reality of the postmodern era is doomed to acquire the status of the only and self-sufficient reality. Baudrillard emphasized the special significance of the logic of symbolic exchange, as its violation contributes to the "abstract rationalization" of objects and their transformation into a commodity or sign. This process means a systematic reduction, reducing the qualitative diversity of objects of exchange to a single form of value, combining consumer, exchange and sign forms and converting the objects themselves into goods.

Baudrillard points out that the information space is overloaded with postmodern chimeras, myths and simulacra: "The chimeric dimension is a

serious alternative to your real inner mentality. In postmodern-era simulacra "are produced with an archaic mythological consciousness that has a symbolic function" (Baudrillard, 2013, p. 3).

Simulacrum is more often used as a metaphor for the semantic emptiness (in this sense, the term is used in our study). Myths, both as archetypal texts and as simulacra, are the two extremes of metalanguage mythological structuring.

As a result of continuous exploitation of the code language as a social control tool by the end of C 20th, signs are finally detached from their referees and receive full autonomy of signals — simulacra reproducing and translating meanings that are inadequate to events and facts that cannot be unequivocally evaluated. Baudrillard has developed the doctrine of three orders of simulators: copies, functional analogues and the simulators themselves. He included all modern phenomena, including money, public opinion and fashion, into the third order of simulacra.

4.3. *Jacques Derrida*

As for Jacques Derrida, he develops a special technique of text interpretation — deconstruction, which leads him to the proof of this statement. Deconstruction is a form of philosophical and literary analysis. On the basis of this notion there is a question of the fundamental conceptual distinctions, or "oppositions". Deconstruction is a dividing into separate parts and the analysis of their origin with the aim to understand how the whole functions. If we talk about a text, deconstruction is the finding of the contradiction between logic and rhetoric, between the meaning of the text and the idea that is transferred by the mediator language. It is a sort of game of the text versus signification and the clarifying the degree of independence of the language in regards to the meaning.

Besides, Derrida's significance for linguistics, literature and translation is related to the interpretation of the meaning of text, which turns out to be unstable, multidimensional, subjective and intertextual and such text also has variable contextual lines.

He created many new concepts which are the basis of his philosophical theory. The most significant of them are "dissémination", "différance", "présence", "logocentrisme", "grammatologie", "déconstruction". Among the most famous translators of Derrida's writings into Russian are V. Lapitsky, N. Avtonomova, V. Bibihin and recently D. Krachkin. Usually they translated different works of the French philosopher but sometimes there were retranslation of the same treatise, as for example with *L'écriture et la Différence*.

His translator into English wrote about his style: "Derrida often refers to his own previous work, anticipating the future and not talking about it explicitly [...]. Nevertheless, this difficulty is accentuated by frequent using of classical philosophy vocabulary, without explication and explicit reference. In his writings Derrida is always very attentive to the etymology, his word-play and echoes" (Bass, 1978, p. XIV — XV).

How did the different translators try to find the acceptable strategy to transfer the new philosophical notions, Derrida's neologisms into Russian? Thus «dissémination» was translated into Russian as «диссеминация» or

«рассеяние», «différance» as «различание» or «дифферанс»), «présence» as «наличие» or «присутствие», and so on. As we can see there are different translator's approaches to the problem of the transference of new philosophical notions into Russian. It can be transliteration (as for «дифферанс») or the attempt to find a new notion in the language of translation, which could reflect the key idea of the original. Moreover every new philosophical term demand to explain all the conceptual nuances in the comments. In Derrida's reflection about Husserl we can read: "Nous essaierons néanmoins de proposer des solutions qui se tiendront a mi-chemin entre le commentaire et la traduction" (Derrida, 1967, p. 30).

5. Conclusion

Summing up the above, it should be noted that the potential of philosophical thinking is to a certain extent predetermined by the semantic, word-formative and grammatical possibilities of a language, its flexibility. It is known that most philosophical concepts are multi-dimensional. From the point of view of the requirements of rigor and accuracy of scientific terminology, multivalued is a disadvantage that must be avoided. However, in a philosophical text multi-variance can be manifested as an insufficient development of the formal and logical structure of the concept, it can become a support for reflection – for comprehension of a philosophical concept in different aspects and meanings. The essence of work of the translator of postmodern philosophical texts consists in selection of translation strategies by means of which he can fully and correctly transfer the sense of complex philosophical concepts to another language.

Thus, we can conclude that a postmodern philosophical term is a unique language unit. It has such qualities as non-objectivity, polysemy and "inseparability" from the non-technological meaning of the term. In addition, it allows for many interpretations and is defined solely by the context of the whole text and the author's philosophical concept.

References

- Avtonomova, N.S., 1972. Concept of "archaeological knowledge" by M. Foucault. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy], 10, pp. 142–150 (in Russ.).
- Avtonomova, N.S., 1994. Michael Foucault and his book "Words and Things". In: M. Foucault. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archaeology of Humanities]. St. Petersburg (in Russ.).
- Avtonomova, N.S., 2008. Knowledge and Translation. Experiences of Language Philosophy. Moscow (in Russ.).
- Barkhudarov, L.S., 1975. Language and translation: Questions on general and private theory of translation. Moscow (in Russ.).
- Bass A., 1978. *Jacques Derrida, Writing and Difference*. London.
- Baudrillard, J., 1981. *Simulacres et simulation*. Paris.
- Baudrillard, J., 2013. *Simulacres et Simulation*. Translated by O. A. Pechenkin. Tula (in Russ.).
- Derrida, J., 1967. *La voix et le phénomène. Introduction au problème du signe dans la phénoménologie de Husserl*. Paris.
- Derrida, J., 1985. *Des tours de Babel. Difference in Translation*. Translated by Joseph F. Graham. London.

- Derrida, J., 1999. *Qu'est-ce qu'une traduction « relevante »? Actes des 15èmes Assises de la traduction littéraire*. Arles.
- Eco, U., 1989. *Zametki na polyakh «Imeni rozy»* [Notes in the fields "Names of the Rose"]. Moscow (in Russ.).
- Foucault, M., 1966, *Les Mots et les Choses*. Paris.
- Foucault, M., 1994. *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities]. St. Petersburg (in Russ.).
- Foucault, M., 1996. *Arkheologiya znaniya* [Archeology of knowledge]. Kiev (in Russ.).
- Frolov, I.T., 2003. *Vvedenie v filosofiyu: ucheb. posobie dlya vuzov* [Introduction to philosophy: Teaching aid for universities]. Moscow (in Russ.).
- Gambier, Y., 2010. Translation strategies and tactics. In: *Handbook of Translation Studies*. Amsterdam; Philadelphia.
- Humboldt, V., 2000. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected works on linguistics]. Moscow (in Russ.).
- Ilyin, I.P., 1996. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Post-structuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow (in Russ.).
- Komissarov, V.N., 2002. *Sovremennoe perevodovedenie* [Modern translation studies]. Moscow (in Russ.).
- Kozlovskaya, N.V., 2011. Peculiarities of Russian Philosophical Terminology of the end of XIX – Beginning of XX Centuries. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina* [Vestnik of A.S. Pushkin Leningrad State University], 3, pp. 102 – 110 (in Russ.).
- Mankovskaya, N.B., 2003. Simulacre. In: V.V. Bychkov, ed. *Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka* [Lexicon nonclassics. Art and aesthetic culture of the XX century]. Moscow (in Russ.).
- Popov, D.A., 2016. Humanities and postmodern challenge. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya Saratov University. Vol.: Philosophy. Psychology. Pedagogy], 16(1), pp. 35 – 39 (in Russ.).
- Veyne, P.-M., 2003. *How they write history. Experience of Epistemology – Comment on écrit l'histoire: essai d'épistémologie*. Translated by. L. A. Torchinsky. Moscow.
- Vizgin, V.P., 1996. Post-structural methodology of history: achievements and limits. In: A. Ya. Gurevich, ed. *Odissei. Chelovek v istorii* [Odyssey. Man in History]. Moscow (in Russ.).
- Zverev, A., 2005. Postmodernism. In: *Entsiklopedicheskii slovar' angliiskoi literatury XX veka* [Encyclopedic Dictionary of English Literature of the 20th Century]. Moscow (in Russ.).

The authors

Dr Maria A. Beley, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: maria.beley86@gmail.com

Dr Eugenia G. Fonova, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.
E-mail: eugeniefonova@gmail.com

To cite this article:

Beley, M.A., Fonova, E.G. 2021, Translation of postmodern terminology in the philosophical works by M. Foucault, J. Baudrillard, and J. Derrida, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 1, p. 50 – 62. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-3.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ
В ФИЛОСОФСКИХ РАБОТАХ М. ФУКО, Ж. БОДРИЙЯРА
И Ж. ДЕРРИДА

М. А. Белей¹, Е. Г. Фонова¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 27.09.2020 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-3

Рассматриваются особенности перевода постмодернистской философской терминологии. Спектр исследований включает переводы на русский язык современных французских постмодернистских философов Мишеля Фуко, Жана Бодрийяра и Жака Деррида.

Постмодернизм как особый тип философии, основанный на концепции радикального плюрализма, отличается программной множественностью, включающей в себя различные проекты.

В статье выделяется проблема выбора стратегий перевода постмодернистской терминологии, анализируются способы маневрирования между плюрализмом смысла и однозначностью в переводе философских терминов. Рассматриваются особенности перевода основных произведений Фуко: особое внимание уделяется переводу его постмодернистских терминов «дискурс» и «эпистема»; работы Бодрийяра «Simulacres et simulacres» (перевод О. А. Печенкиной), в частности, различные переводческие решения его постмодернистской терминологии. Также анализируются некоторые особенности перевода трактата Ж. Деррида на русский язык.

Ключевые слова: *постмодернизм, Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Бодрийяр, переводческие стратегии, постмодернистская терминология, эпистема, дискурс, симулякр*

Список литературы

- Bass A. Jacques Derrida, Writing and Difference. L., 1978.
Baudrillard J. Simulacres et simulation. P., 1981.
Derrida J. Des tours de Babel. Difference in Translation / transl. by J.F. Graham. L., 1985.
Derrida J. La voix et le phénomène. Introduction au problème du signe dans la phénoménologie de Husserl. P., 1967.
Derrida J. Qu'est-ce qu'une traduction « relevante »? Actes des 15èmes Assises de la traduction littéraire. Arles, 1999.
Foucault M. Les Mots et les Choses. P., 1966.
Gambier Y. Translation strategies and tactics // Handbook of Translation Studies. Amsterdam ; Philadelphia, 2010. Vol. 1.
Veyne P.-M. How they write history. Experience of Epistemology — Comment on écrit l'histoire: essai d'épistémologie / transl. from fr. by. L. A. Torchinsky. M., 2003.
Автономова Н. С. Концепция «археологического знания» М. Фуко // Вопросы философии. 1972. №10. С. 142–150.
Автономова Н. С. Мишель Фуко и его книга «Слова и вещи» // Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. М., 2008.

- Бархударов Л. С.* Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.
- Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляция / пер. О. А. Печенкина. Тула, 2013.
- Визгин В. П.* Постструктуралистская методология истории: достижения и пределы // Одиссей. Человек в истории. М., 1996. С. 39–59.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 2000.
- Зверев А.* Постмодернизм // Энциклопедический словарь английской литературы XX века. М., 2005. С. 334.
- Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996.
- Козловская Н. В.* Особенности русской философской терминологии конца XIX – начала XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2011. №3. С. 102–110.
- Комиссаров В. Н.* Современное переводоведение. М., 2002.
- Маньковская Н. Б.* Симулякр // Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. М., 2003.
- Попов Д. А.* Гуманитарные науки и постмодернистский вызов // Известия Саратовского университета. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 35–39.
- Фролов И. Т.* Введение в философию: учеб. пособие для вузов. М., 2003.
- Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
- Эко У.* Заметки на полях «Имени розы». М., 1989.

Об авторах

Мария Александровна Белей, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: maria.beley86@gmail.com

Евгения Геннадьевна Фонова, кандидат филологических наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.
E-mail: eugeniefonova@gmail.com

Для цитирования:

Белей М. А., Фонова Е. Г. Особенности перевода постмодернистской терминологии в философских работах М. Фуко, Ж. Бодрийяра и Ж. Деррида // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №1. С. 50–62. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-3.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EPISTEMOLOGICAL LANGUAGE IN TRANSLATION

I. G. Chernenok¹, E. M. Gordeeva¹

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University
236016, Russia, Kaliningrad, 14 Nevskogo Str.
Submitted on September 12, 2020
doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-4

The article presents a comparative analysis of the translation of basic epistemological terms and attempts to analyse cognitive factors underlying the construction of meaning in the translation process. Apart from linguistic expertise, the translation of philosophical texts requires a profound understanding of the subject matter. Ambiguity of philosophical terms, which appears as a result of the development of a particular concept within a specific philosophical school of thought, may lead to inconsistencies in the translation decision-making. The paper aims to apply a cognitive approach to the translation of epistemological terms into the German and English language: Erkenntnis/cognition vs knowledge. In this study, context is interpreted as a verbalization of a specific conceptual frame facilitating the identification of the appropriate meaning of the term on a deeper, conceptual level. The article contains numerous examples from the works of Immanuel Kant translated into English as well as the data from multilingual translation corpora which are used to describe translation-relevant aspects of conceptual integration in philosophical discourse.

Keywords: comparative analysis, translation, epistemology, knowledge, cognition

The translation of philosophical texts is a highly demanding task, as they express highly abstract content creatively formed by a particular thinker. So, the deciphering of the ideas hidden behind a specific term poses serious problems arising from the symbolic nature of this terminology.

To maintain the integrity of the target language text, one has to balance between the meaning and the form in any kind of translation. However, in philosophical discourse there seem to be no clear terminological equivalents, since the intention of the initial expression is not always evident from the context. Different readings of the German concept *Erkenntnis* may, for instance, refer to historic or etymological factors considerably complicating the translation process. We suggest that abstract elements of the lexicon having various meaning structures may require specific research methods to elicit the proper word choice for their verbalization. So, this paper focuses on comparative analysis of German epistemological term *Erkenntnis* and its most common translation equivalents in the English language *cognition* and *knowledge* representing the key issues of philosophical discourse.

Since modern times, the concepts of cognition and knowledge have been at the center of philosophical discourse. In Europe, the discussion about

cognition and knowledge gained great importance for intellectual and cultural progress. It was essentially influenced by the contributions of English (David Hume) and German thinkers (Immanuel Kant), who elaborated on subject and object of cognition, also its result (knowledge), its sources, ways and limits as the key questions in German and English epistemological research.

The basic term *epistemology* goes back to the Greek *epistēmē* (knowledge). However, there is a fundamental difference concerning the frame of reference of this key concept in German and English epistemological discourse. In British philosophy (Bertrand Russell, Gilbert Ryle), epistemology is the field dealing with knowledge, while the German branch (Gottlob Frege, Ludwig Wittgenstein) focuses on a broader concept of cognition (*Erkenntnis*) also including such topics as intentionality and reference. In the English philosophical discourse they are often considered in the philosophy of mind or the philosophy of language (Gabriel, 2013, p. 25).

The expressions *cognition* and *knowledge* can be both translation equivalents to the German term *Erkenntnis* being one of the prime examples of ambiguous epistemological terms. The German word *Erkenntnis* goes back to the Middle High-German *erkantnisse* with the meaning "recognition" (process), insight (result). The noun *erkantnisse* was derived from the Middle High German *erkennen*, originally from the ancient High-German *irchennan* ("to grasp spiritually", "to remember"). The verb *irchennan* is a derivation of the Old High German *chennan*, which means "to be able to know", "understand", and actually "make understand" in its original meaning.

The modern dictionary of philosophy defines *Erkenntnis* (*cognition*) as a kind of knowledge, namely reasoned knowledge; knowledge that can provide reasons for its justification. *Erkenntnis* (*knowledge*) becomes knowledge when the knowledge is valid independently of the recognizing subject (Handwörterbuch Philosophie.de).

Now let us take a closer look at translation fragments from the introduction to Kant's major work *Critique of Pure Reason* into English.

Original passage in German:

Daß alle unsere *Erkenntniß* mit der Erfahrung anfangt, daran ist gar kein Zweifel; denn wodurch sollte das *Erkenntnißvermögen* sonst zur Ausübung erweckt werden, geschähe es nicht durch Gegenstände, die unsere Sinne rühren und theils von selbst Vorstellungen bewirken, theils unsere Verstandestätigkeit in Bewegung bringen, diese zu vergleichen, sie zu verknüpfen oder zu trennen, und so den rohen Stoff sinnlicher Eindrücke zu einer *Erkenntniß der Gegenstände* zu verarbeiten, die Erfahrung heißt? Der Zeit nach geht also *keine Erkenntniß* in uns vor der Erfahrung vorher, und mit dieser fängt alle an (Kant, 1990, S. 380).

First translation by Francis Haywood, published in 1838:

That all our *Cognition* begins with Experience, there is not any doubt; for how otherwise should the *faculty of cognitive* be awakened into exercise, if this did not occur through objects which affect our senses, and partly of themselves produce representations, and partly bring our Understanding-capacity into action, to compare these, to connect, or to separate them, and in

this way to work up the rude matter of sensible impressions into a *cognition of objects*, which is termed experience? In respect of time, therefore, *no cognition* can precede in us experience, and with this, all commences (Kant, 1838, p. 3).

F. Haywood interpreted Kant's term Erkenntniß as cognition, i. e. as a process, though in the expression „Erkenntniß der Gegenstände“, and in the passage «Der Zeit nach geht also *keine Erkenntniß* in uns vor der Erfahrung vorher...» the context implies rather the result of the process.

Translation by Norman Kemp Smith, published in 1929:

There can be no doubt that all our *knowledge* begins with experience. For how should our *faculty of knowledge* be awakened into action did not objects affecting our senses partly of themselves produce representations, partly arouse the activity of our understanding to compare these representations, and, by combining or separating them, work up the raw material of the sensible impressions into that *knowledge of objects* which is entitled experience? In the order of time, therefore, we have *no knowledge* antecedent to experience, and with experience all our knowledge begins (Kant, 1929, p. 41).

N. Kemp Smith interpreted “Erkenntniß” as knowledge, i. e. result of the process, whereby “Erkenntnißvermögen” is a process resulting in knowledge, which is rendered in the following translation much better.

Translation by Paul D. Guyer and Allen W. Wood, published in 1998:

There is no doubt whatever that all our *cognition* begins with experience; for how else should the *cognitive faculty* be awakened into exercise if not through objects that stimulate our senses and in part themselves produce representations, in part bring the activity of our understanding into motion to compare these, to connect or separate them, and thus to work up the raw material of sensible impressions into a *cognition of objects* that is called experience? As far as time is concerned, then, *no cognition* in us precedes experience, and with experience every cognition begins (Kant, 1998, p. 136).

More examples of this kind can be found in translation corpora, where the choice of the translation equivalent comes down to interaction of linguistic and extra-linguistic factors. The philosophical translation suggests, therefore, the ability to conceive the logic of philosophical reasoning, which requires a certain degree of experience in the philosophical field:

Jede *Erkenntnis* enthält eine dreifache "Synthesis" (s. d.): die Synthesis der Apprehension (s. d.), der Reproduktion (s. d.) und der Rekognition (s. d.).

He suggests that this synthesis of *recognition* follows the act of apprehension and synthesis of association (also called the synthesis of reproduction).

Eine subjektive Perzeption ist "Empfindung" (s. d.), eine objektive Perzeption "*Erkenntnis*".

A perception which relates solely to the subject as the modification of its state is sensation (*sensatio*), an objective perception is *knowledge* (*cognitio*).

The above examples let suggest that it is up to the translator to elicit the implied level of knowledge from the context, which is not particularly helpful in terms of the proper word choice. The main difficulty in translation of

such expressions as *Erkenntnis* is therefore the inference of their intended meaning. Since their frame of reference is constructed in context, different extensions of the expression caused by the context lead to various interpretations.

In cognitive terms such expressions as *Erkenntnis* are viewed as so-called *cluster concepts* (internally complex, cluster concept). According to E. Connolly, these concepts have a complex internal structure, because they comprise several dimensions of one and the same concept (Connolly, 1983, p. 10). Since the rules of use of such concepts are relatively open, the context constructs the frame of reference anew each time and implies different dimensions of the concept. In this regard it would be not wrong to look at the theoretical approaches that go beyond word semantics as a hierarchy of semantic features and consider the construction of meaning in discourse as a dynamic process (Halliday, 1999; Pörings, Schmitz, 1999; Fraas, 1998).

For this study the research approach of M. Halliday is of interest (Halliday, 1999, p. 164). He combines prototype theory with discourse analysis and assumes that the construction of reality in terms of events or virtual entities is also based on prototypical processes in discourse. In his view, the categorization of mental experience goes back to a prototypical *symbolic processing, conscious processing*. M. Halliday describes mental representation of this process as *figure of sensing and saying*. The experiencing subject, which consciously perceives a fragment of reality, is the prototypical center.

German researchers R. Pörings and U. Schmitz consider this prototypical symbolic process as an experience frame (Erfahrungsschema) (Pörings, Schmitz, 1999, p. 193). The verbalization of this model is done through verbs that refer to mental processes: know / *wissen*, think / *denken*, recognize / *erkennen*, mean / *meinen*... and nouns *knowledge / Wissen* and *cognition / Erkenntnis*. It also should be noted that the experiencing subject as a center of experience is not necessarily mentioned explicitly.

If we apply this frame approach to the translation-relevant analysis of the epistemological terms *Erkenntnis, cognition vs knowledge* and consider the context in which they appear as a verbalization of an experience frame structure, the choice of an appropriate translation equivalent takes place on a more deeper level of comprehension.

Based on the definitions from the DWDS and the comparative analysis of the text examples from the on-line translation corpora, the experience frame for the concept *Erkenntnis / Cognition vs. knowledge* comprises three components or slots. These slots are *Experiens* (the experiencing subject), *Patens* (object, objective reality or fact), and *type and manner of experiencing reality* like one's own conscious participation in the cognitive process or an existing versus new experience.

Our analysis shows that the reinterpretation of the term *Erkenntnis* in translation is mainly associated with filling in the third slot in the experience frame, which relates to extra-linguistic factors. Since the conceptualization of these factors differs in the German and English mental spaces, the choice of verbalization in the particular language is driven by those conceptual dis-

parities: *Erkenntnis as insight – insight, awareness; Erkenntnis as perception – perception, cognizance; Erkenntnis as recognition – recognition, realization; Erkenntnis as understanding – awareness, understanding.*

Let us look at another passage from the “Critique of Pure Reason” from this point of view:

Ich werde also nicht sagen: daß in der Erscheinung zwei Zustände aufeinander folgen; sondern nur: daß eine Apprehension auf die andere folgt, welches bloß etwas Subjektives ist, und kein Objekt bestimmt, mithin gar nicht vor *Erkenntnis* irgendeines Gegenstandes (selbst nicht in der Erscheinung) gelten kann (Kant, 1968, p. 131).

I would therefore not say that in appearance two states follow one another, but rather only that one apprehension follows the other, which is something merely subjective, and determines no object, and thus cannot count as *the cognition* of any object (not even in the appearance) (Kant, 1998, p. 307).

Now it becomes clear that the context implies a conscious experiencing of reality as a main semantic feature of the symbolic process. The terminological equivalent “cognition” appears therefore to be an appropriate word choice as it corresponds to the intention of the term *Erkenntnis* in the given context much better than *perception, cognizance or recognition*.

However, the translation product in the philosophical discourse cannot be a full equivalent of the original. The proposed approach can be viewed as an explanatory model for the translation of highly abstract texts. We suggest that this could help assess the semantic volume of the verbalization in question, so as to express it in a more meaningful way and minimize semantic losses during translation.

References

- Connoly, W. E., 1983. “Essentially Contested Concepts.” *The Terms of Political Discourse*, 2nd ed. Princeton: Princeton University Press.
- Fraas, C., 1998. Interpretations- und Gebrauchsmuster abstrakter Nomina – ein korpusbasierter Beschreibungsansatz, in: *Deutsche Sprache* 26/3, S. 256–272.
- Gabriel, M., 2013. *Die Erkenntnis der Welt – Eine Einführung in die Erkenntnistheorie*. München: Verlag Karl Alber.
- Graesser, A., Zwaan R., 1995. An Inference Generation and the Construction of Situation Models, in: Weaver Ch., Mannes S., Fletcher Ch. (Hg.), *Discourse comprehension: essays in honor of Walter Kintsch*, New York, S. 117–140.
- Halliday, M., 1999. *Constructing experience through meaning: a language-based approach to cognition*. Padsow: Cornwall.
- Kant, I, 1968. *Werke: Kritik der reinen Vernunft*. 1. Aufl. 1781. *Prolegomena. Grundlegung zur Metaphysik der Sitten. Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaften*. Berlin, Boston.
- Kant, I, 1998. *The critique of pure reason*. Translated by P.D. Guyer and A.W. Wood. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kant, I., 1838. *Critique of pure reason*. Translated by F. Haywood. London: William Pickering,
- Kant, I., 1929. *Critique of pure reason*. Translated by N. Kemp Smith. London.
- Kant, I., 1990. *Kritik der reinen Vernunft*. Hamburg: Meiner Verlag.

Pörings, R., Schmitz, U., 1999. *Sprache und Sprachwissenschaft. Eine kognitiv orientierte Einführung*. Tübingen.

Dictionaries

Carpenter, A., 2014. *Kant Glossary*. Available at: <http://dictionary.babylon-software.com/arts/philosophy/kant-glossary/> [accessed 15 May 2020].

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. DWDS. Available at: <https://www.dwds.de/> [accessed 20 May 2020].

Eisler, R., 1930. *Kant-Lexikon. Nachschlagwerk zu Immanuel Kant*. Available at: <http://www.textlog.de/32824.html> [accessed 15 May 2020].

Etymology Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com/> [accessed 20 May 2020].

Glosbe. Available at: <https://glosbe.com/> [accessed 15 May 2020].

Handwörterbuch Philosophie. Available at: <http://www.philosophie-woerterbuch.de> [accessed 15 May 2020].

Linguee. Available at: <https://www.linguee.com/> [accessed 15 May 2020].

Philosophy Dictionary. Available at: <http://www.philosophy-dictionary.org/Kant-Dictionary> [accessed 15 May 2020].

The authors

Dr Irina G. Chernenok, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: ichernenok@kantiana.ru

Dr Elena M. Gordeeva, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: egordeeva@kantiana.ru

To cite this article:

Chernenok, I.G., Gordeeva, E.M. 2021, Comparative analysis of the epistemological language in translation, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 1, p. 63–70. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-4.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА

Е. М. Гордеева¹, И. Г. Черненко¹

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, 14

Поступила в редакцию 12.09.2020 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-4

Статья посвящена сопоставительному анализу основных эпистемологических терминов в немецком и английском языках, а также рассмотрению когнитивных факторов, влияющих на построение смысла в процессе перевода. Как и в любой профессиональной сфере, помимо глубокого владения иностранным языком перевод философских текстов требует знания и понимания узкоспециализированной предметной об-

ласти. Наибольшую сложность при переводе философского дискурса представляет собой неоднозначность трактовки эпистемологических терминов, являющаяся следствием развития того или иного концепта в рамках конкретной философской традиции.

Цель статьи – показать применение когнитивного подхода к переводо-релевантному анализу эпистемологических терминов в немецком и английском языках: *Erkenntnis / cognition vs. knowledge*. Контекст, в котором используются эти термины, рассматривается в качестве вербализации специфической фреймовой структуры. Таким образом, учет когнитивных факторов позволяет проанализировать выбор переводческого соответствия на более глубоком уровне понимания. В качестве материала исследования используются работы Иммануила Канта, переведенные на английский язык, а также данные электронных переводческих корпусов.

Ключевые слова: сопоставительный анализ, перевод, эпистемология, знание, познание

Список литературы

Connolly W.E. *Essentially Contested Concepts* // *The Terms of Political Discourse*. 2nd ed. Princeton, 1983.

Fraas C. *Interpretations- und Gebrauchsmuster abstrakter Nomina – ein korpusbasierter Beschreibungsansatz* // *Deutsche Sprache*, 1998. Vol. 26, №3. S. 256–272.

Gabriel M. *Die Erkenntnis der Welt – Eine Einführung in die Erkenntnistheorie*. München, 2013.

Graesser A., Zwaan R. *An Inference Generation and the Construction of Situation Models* // Weaver Ch., Mannes S., Fletcher Ch. (ed.). *Discourse comprehension: essays in honor of Walter Kintsch*. N. Y., 1995. P. 117–140.

Halliday M. *Constructing experience through meaning: a language-based approach to cognition*. Padsow, 1999.

Kant I. *Critique of pure reason* / transl. by F. Haywood. L., 1838.

Kant I. *Critique of pure reason* / transl. by N. Kemp Smith. L., 1929.

Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. Hamburg, 1990.

Kant I. *The critique of pure reason* / transl. by P.D. Guyer, A.W. Wood. Cambridge, 1998.

Kant I. *Werke: Kritik der reinen Vernunft*. 1. Aufl. 1781. Prolegomena. *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. *Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaften*. Berlin ; Boston, 1968.

Pörings R., Schmitz U. *Sprache und Sprachwissenschaft. Eine kognitiv orientierte Einführung*. Tübingen, 1999.

Словари

Carpenter A., 2014. *Kant Glossary*. URL: <http://dictionary.babylon-software.com/arts/philosophy/kant-glossary/> (дата обращения: 15.05.2020).

Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. DWDS. URL: <https://www.dwds.de/> (дата обращения: 20.05.2020).

Eisler R., 1930. *Kant-Lexikon*. *Nachschlagwerk zu Immanuel Kant*. URL: <http://www.textlog.de/32824.html> (дата обращения: 20.05.2020).

Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/> (дата обращения: 20.05.2020).

Glosbe. URL: <https://glosbe.com/> (дата обращения: 20.05.2020).

Handwörterbuch Philosophie. URL: <http://www.philosophie-woerterbuch.de> (дата обращения: 20.05.2020).

Linguee. URL: <https://www.linguee.com/> (дата обращения: 20.05.2020).

Philosophy Dictionary. URL: <http://www.philosophy-dictionary.org/Kant-Dictionary> (дата обращения: 20.05.2020).

Об авторах

Ирина Геннадьевна Черненко, кандидат филологических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: ichernenok@kantiana.ru

Елена Матвеевна Гордеева, кандидат филологических наук, доцент,
Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: EGORDEEVA@kantiana.ru

Для цитирования:

Черненко И.Г., Гордеева Е.М. Сравнительный анализ эпистемологического языка в переводе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №1. С. 63–70. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-4.

УДК 821.161.1

ПЕЧОРСКИЕ СПИСКИ «ЧУДА СЯТОГО АВГУСТИНА ОБ ОБРЕТЕННОМ СТАРЦЕ»

Т. Ф. Волкова¹, Д. А. Забродина¹

¹ Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
167001, Россия, Сыктывкар, Октябрьский просп., 55
Поступила в редакцию 16.09.2020 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-5

Усть-Цилемский район Республики Коми – своеобразный «заповедник» старинной книжности, сохранившим большое количество рукописных и старопечатных книг. В рукописных сборниках, найденных на Нижней Печоре, содержатся самые разные по жанру средневековые и старообрядческие сочинения. Одно из них, являющееся произведением переводной агиографии, – «Чудо святого Августина об обретенном старце», дошедшее до нас в двух разных по тексту печорских списках, представляет собой предмет исследования в данной статье. Оба списка созданы известным усть-цилемским писцом и редактором древнерусских повестей И. С. Мяндиным, жившим во второй половине XIX века. «Чудо» входит в состав «Книги святого Августина» и сохранилось всего в нескольких списках. Списки И. С. Мяндина ранее не изучались. С помощью текстологического анализа авторы показывают, какой из печорских списков более близок к наиболее раннему из сохранившихся списков «Чуда» (Собрание рукописей старообрядцев Бессарабии и Белой криницы // Научная библиотека МГУ. №2194, л. 109–115 об). Это список из Цветника, составленного И. С. Мяндиным. Второй список, как показало исследование, вторичен и отражает дальнейшую работу переписчика над сюжетом «Чуда», которая состояла в сокращении текста, введении новых подробностей повествования, наделении главного героя – старца-пустынника – именем и более подробным описанием его облика. Авторы приходят к выводу о том, что на втором этапе освоения сюжета «Чуда» Мяндин создает собственную версию описываемых событий, излагая ее своим языком, насыщая отсутствующими в первом варианте деталями, очищая текст от излишних мотивов, отвлекающих читателя от главной мысли повести: святость не зависит от сана, она может быть дана и простому, малограмотному человеку, который способен совершать чудеса.

Ключевые слова: святой Августин, чудеса, старообрядческая книжность, И. С. Мяндин, старообрядческие редакции древнерусских повестей

Книжный центр на Нижней Печоре

Усть-Цилемский район Республики Коми по праву считается уникальным районом, сохранившим большое количество (свыше тысячи) старинных книг – рукописных и старопечатных (см. описание собранных печорских рукописей: Мальшев, 1960б, с. 47–164; Мальшев, 1961;

Рыжова, 2017; Памятники письменности, 1989, с. 136–242), которые собраны совместными усилиями ленинградских археографов во главе с Владимиром Ивановичем Малышевым, основателем Древлехранилища Пушкинского дома, и Натальей Сергеевной Демковой – профессором Ленинградского университета, а также студентами-филологами Ленинградского и Сыктывкарского университетов (см. отчеты В.И. Малышева, Н.С. Демковой и Т.Ф. Волковой об археографических поездках на Печору: Малышев, 1940, 1955, 1956, 1958, 1960а; Демкова, 1976; Волкова, 1979; 1991).

Среди древнерусских сочинений, сохраненных печорскими крестьянам в составе старинных и ими самими переписанных рукописных сборников, много агиографических произведений разных жанровых разновидностей: житий, патериковых и проложных рассказов, чудес (Волкова, 2005а).

«Книга святого Августина» и ее состав

Наше внимание привлекло одно из чудес, связанных с именем епископа Гишпонского Августина, христианского богослова и философа второй половины IV – первой трети V века, автора более тысячи богословских сочинений, одного из отцов христианской церкви. Это «Чудо святого Августина об обретенном старце». Оно входит в состав так называемой «Книги святого Августина», компилятивного произведения, в котором наряду с подлинными произведениями Блаженного Августина использованы и дидактические сочинения других латинских церковных писателей, а также «Житие святого Августина». Кроме того, в конце «Книги» читаются две повести о чудесах, связанных с епископом Августином (Калугин, 2013, с. 14–15). Одной из этих повестей и является рассматриваемая нами повесть, которая в исследованиях получила условное название «Чудо святого Августина об обретенном старце». Она дошла до нас в небольшом количестве списков, найденных в старообрядческих районах: Собрание рукописей старообрядцев Бессарабии и Белой криницы // Научная библиотека МГУ. №2194, л. 109–115 об; Собрание Е.Е. Егорова // Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 98. №1571. Л. 163 об.–165; Собрание Е.В. Барсова // РГБ. Ф. 17. №259. Л. 45–49; Собрание В.Г. Дружинина // Библиотека Академии наук. №1008. Л. 37–43; Усть-Цилемские собрания рукописей // Научная библиотека Сыктывкарского государственного университета. №46, л. 74 об–76; Усть-Цилемское новое собрание рукописей // Институт русской литературы РАН. №368, л. 57–64.

Два списка из названных – Научной библиотеки Сыктывкарского университета и Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ РАН – были найдены на Печоре. Они созданы известным усть-цилемским переписчиком крестьянином-старообрядцем Иваном Степановичем Мяндиным (1823–1894), ставшим профессиональным писцом (нами выявлено около 400 отдельных списков древнерусских и старообрядческих сочинений, им переписанных). Как создатель новых литературных редакций древнерусских повестей И.С. Мяндин был открыт В.И. Малыше-

вым (Мальшев, 1985). В настоящее время его творчеству посвящено большое количество статей (см.: Волкова, 2006; Справочно-библиографические материалы, 2017).

Списки «Чуда об обретенном старце», созданные И. С. Мяндиным, и их соотношение с более ранним из сохранившихся списков «Чуда» середины XVIII века

Один из созданных Мяндиным списков «Чуда святого Августина» входит в рукописный Торжественник, им составленный, в который Мяндин включил помимо традиционных для этого вида древнерусской книги торжественных слов и житий целый ряд своих переработок: повести о царице Персике (Волкова, Чупрова, 1999), о царице Динаре (Троицкая, 1985), о купце, обогатившемся от иконы Богородицы (Волкова, 2018; Волкова, Косырева, 2019); апокрифы «Сказание Афродитиана» (Бобров, 1994), «Хождение Агапия в рай», повесть об апостоле Фоме, «како он строил полату индейскому царю» (Волкова, 2013а).

Второй список «Чуда» входил в Цветник, также составленный И. С. Мяндиным. Место пребывания рукописи в настоящее время неизвестно, но во время экспедиции в Усть-Цилему Н. С. Демкова сделала копию этого заинтересовавшего ее текста, которая сейчас хранится в Усть-Цилемском новом собрании ИРЛИ (№368).

Чем же интересна эта небольшая агиографическая повесть? Она рассказывает о встрече св. Августина на необитаемом острове с отшельником, которого по его просьбе епископ обучает необходимым молитвам, поскольку тот признался, что малограмотен и плохо помнит молитвы. Прощаясь со старцем, епископ дарит ему свою ризу. Однако им суждена была еще одна встреча: когда епископ и сопровождавшие его возвращались домой, в море они увидели движущегося к кораблю прямо по воде человека. Им оказался старец с посещенного св. Августином острова, а плыл он на подаренной ему епископом ризе. Это чудо поразило св. Августина, а старец, поднявшись на борт, простодушно объяснил, зачем он догонял корабль: оказывается, он забыл молитвы, которым его обучил на острове епископ, и хочет, чтобы Августин повторил свой урок. Тогда прославленный епископ осознал, что пред ним истинный святой, который не осознает своей святости.

Исследователь «Книги святого Августина» В. В. Калугин так объясняет интерес к «Чуду об обретенном старце» переписчиков-старообрядцев: оно посвящено «защите простецов от высокомерных нападок ученых книжников. Его автор находится целиком на стороне простолюдинов, рядовых священников и дьяконов, хотя и не искушенных в книжной премудрости, но познающих Бога в простоте сердца, чистоте жительства и тяжелых трудах» (Калугин, 2013, с. 122). Видимо, именно это в повести и привлекало старообрядцев, большинство из которых были именно такими простецами, ощущавшими себя божьими рабами. Поэтому они и создавали свои списки этой понравившейся им повести.

Знали «Чудо об обретенном старце» и обитатели знаменитого Выголексинского общежительства, духовного и литературного центра беспоповского старообрядчества в Олонецкой губернии. На это указывает антистарообрядческое сочинение 1748 года бывшего старообрядца-беспоповца Григория Яковлева, долгое время жившего на Выгу (Калугин, 2013, с. 153). В приложении к его труду находится «Реестр», в котором была отмечена и книга «Августина Гишпонского». А Великопоженское общежительство, созданное по образцу Выголексинского в верховьях Пижмы, притока Печоры, было тесно связано с Выгом, который оказывал сильное влияние на печорских переписчиков, снабжал их своими рукописями (Мальшев, 1960, с. 10). Одна из рукописей, с чудесами святого Августина, могла попасть на Печору и оказаться в руках любознательного книжника И. С. Мяндина.

В текстологическом отношении мяндинские списки повести о святом Августине и старце еще никем не изучались. Единственное наблюдение о соотношении этих списков сделала Н. С. Демкова в отчете об археографической экспедиции на Печору (Демкова, 1976), указав, что в списке из Торжественника находится краткий и более интересный в литературном отношении вариант повести, но не раскрыв этого тезиса.

Предпринятое нами изучение мяндинских списков «Чуда святого Августина» в контексте других известных нам списков «Чуда», показало, что они несут на себе отпечаток редакторской работы печорского книжника. Во-первых, по сравнению с текстом XVIII века (список НБ МГУ) в списках Мяндина отсутствует начальный фрагмент, касающийся хода Карфагенского собора, с которого епископ возвращался в свою епископию, и нравоучительное заключение. Отличия прослеживаются и в языковом оформлении фабульных мотивов. При этом ближе всего к самому раннему из изученных нами списков «Чуда», каким является список НБ МГУ первой половины XVIII века (далее – Б), оказался список из Цветника (далее – Ц), тогда как список из Торжественника (далее – Т) иногда дает существенно отличный от Б и Ц текст. Приведем несколько примеров.

В целом ряде случаев список Ц дословно повторяет текст Б, чего нельзя сказать о списке Т. Например, это видно из рассказа о первой встрече Августина со старцем на острове:

Б	Ц ¹	Т
И егда разыдошася внутрення острова и обрѣтоша на немъ человека некоего пустынника нага суца и многолѣ//тна (л. 109 об. – 110)	И егда разыдошася // во внутрення острова и обретоша на нем человека некоего пустынника, нага суца и многолетна (л. 57 об. – 58)	И се узрѣша мужа нага и черна, обросша власы и брадою (л. 74)

¹ Н. С. Демкова при транслитерации списка повести из Цветника не использовала ѣ (ять).

Такая же картина наблюдается в том же эпизоде и далее, когда Августин начинает задавать старцу вопросы:

Б	Ц	Т
Августинъ же вопросы его, аки хотя вѣдати о нем извѣстно, кто и каковъ родом и откуда, и како прииде на пустое сие мѣсто, и о пребывании его, и о нуждахъ тѣлесныхъ от горения солнечнаго и от мраза въ зимное время, и о пици (л. 110)	Августин же вопросы его, аки хотя ведати о нем известно, кто и каков родом, и откуда, и како прииде на пустое сие место, и о пребывании его, и о нуждах телесных от горения солнечнаго и от мраза в зимнее время, и о пици (л. 58)	И яко прииде оный мужь и паде на нозе епископу, прося благословения. Блаженный же епископъ видѣ мужа священнолепна и сѣдинами украшена, вопросы его глаголя: «Отче святой, повеждь ми, како здѣ пребываеши // и откуда прииде?» (л. 74 об. — 75)

Здесь снова список Ц дословно повторяет Б, а список из Торжественника дает другой текст.

Сохраняет список Ц текст Б и в конце повести, когда устыженный своим пренебрежительным отношением к старцу Августин выполняет его просьбу и принимается снова обучать его молитвам:

Б	Ц	Т
Августин же устыдѣся святости старца и послушаниемъ ему преклонися, паки уча его обычнымъ молитвам (л. 114).	Августин же устыдѣся святости старца, послушаниемъ ему преклонися, паки уча его обычнымъ молитвам (л. 63 об.)	Тогда епископъ нача учить со многимъ смиреніемъ (л. 76)

Как видим, и здесь список Т дает иной текст, отличный от Б и Ц.

Однако и в списке Ц при всей его близости к списку Б все же есть чтения, отсутствующие в списке Б. Так, например, в списке Ц обнаруживаются некоторые синонимические инварианты к чтениям списка Б, которые в целом не изменяют смысл написанного, но свидетельствуют о самостоятельности писца, выбирающего свои слова и выражения для передачи мысли, почерпнутой в источнике.

Б	Ц
...навыкъ ли какое книжное учение... (л. 111)	...учил ли еси книжное учение... (л. 59 об.)
Егда во вселенной пребывать... (л. 111)	Егда во отечествии прибывах... (л. 59 об.)
...и иные краткие молитвы отнюдь не искусно и несогласно, горняя долу поставляя и иная же опако глаголаше (л. 111 об.)	...и инья краткия молитвы отнюдь не искусно и несогласно, горняя долу превращая и иная опако глаголаше (л. 60)
...прямо стремлениемъ к кораблю грядуща (л. 112)	...прямо стремлением к кораблю идущу (л. 61)

В приведенных примерах отчетливо видно стремление Мяндина упростить текст, сделать его более понятным: архаическое *навыкъ ли* он заменяет более современным *учил ли*, *грядуща* — синонимом *идущу*. Не очень понятное в данном контексте выражение *во вселенной*, правильно понятое переписчиком как место прежней, мирской жизни старца, он переводит как *во отечествии*, то есть в месте, где он жил у своих родителей; выражение «горняя долу *поставляя*», означающее, что старец высокие выражения молитв («горни») занижает своим неправильным их произношением, он делает более понятным, используя деепричастие *превращая*, более подходящее для выражения мысли об искажении старцем традиционных молитв.

Различия двух мяндинских списков «Чуда»

Сопоставление списков из Т и Ц между собой показало, что, во-первых, они неодинаковы по тексту, сюжетное наполнение фабульных эпизодов у них различное. Список Ц, как мы показали выше, почти без изменений сохранил чтения списка XVIII века (Б). Рассмотрим, как на втором этапе работы над «Чудом» Мяндин изменил свой первоначальный текст. Оказалось, что печорский книжник в списке Т, с одной стороны, сокращает текст своего первого списка Ц, с другой — иногда добавляет новые детали и мотивировки, переводит косвенную речь в прямую, стремится к большей конкретности описаний, вводит новые диалоги. Покажем на конкретных примерах редакторскую работу Мяндина над текстом списка Т.

Работа Мяндина по сокращению списка Ц на втором этапе освоения сюжета обнаруживается уже в первом эпизоде «Чуда» по списку Торжественника. В списке Ц говорится о том, что Августин находился на церковном соборе о правоверии, после которого возвращался по морю в свою епископию. В списке Т Мяндин опускает упоминание о соборе, возможно, опасаясь, что эта информация будет непонятна или неинтересна его старообрядческому читателю. Он вводит более понятную причину плавания Августина — посещение епископом городов и сел, входящих в его епископию.

Причина, по которой корабль Августина попадает на остров, обозначена в списках Ц и Т также по-разному. В списке Ц она провиденциальная: «принесен бысть по Божию строению корабль...» (л. 57 об.); в списке Т — более реалистичная: «И воста ветръ силенъ зѣло» (л. 74 об.).

Когда «корабленцы» (как называет автор плывущих на корабле) подходят к острову, в списке Ц сообщается, что они бросили якорь из-за поднявшихся волн («утвердивши корабль якорми нужды ради волн — л. 57 об.), а в Т просто констатируется факт: «корабленцы» «ввергоша якори» (л. 74 об.).

По-разному в списках Ц и Т объясняется, зачем обитатели корабля сошли на остров. В списке Ц мотивировка лишена прагматизма — «прохлаждения ради» (л. 57 об.); в Т причина более практическая — «для собрания былии» (л. 74 об.)

Сойдя на остров, Августин с «корабленцами» в списке Ц сначала идут внутрь острова и только там они встречаются старца-пустынника: «И егда разыдошася // во внутрення острова и обретоша на нем чело-века некоего пустынника» (л. 57 об. — 58). Описание облика старца здесь довольно лаконично: «нага суца и многолетна» (л. 58). В Т встреча со старцем происходит сразу после высадки на остров епископа и его свиты, при этом автор дорабатывает образ отшельника, делая его более зримым: «И се узрѣша мужа нага и черна, обросша власы и брадоу» (л. 74 об.).

Если в списке Ц старца просто приводят к Августину («И приведоша его к Августину») — л. 58), то в списке Т снова появляется уточняющая деталь: епископ «узрѣша мужа» и повелевает привести к себе старца для знакомства с ним: «Августинъ епископъ повѣле привести его пред ся» (л. 74 об.).

Когда старца приводят к Августину, в списке Ц епископ задает вопросы пустыннику о том, как старец попал на остров и как ему здесь живется, переданные через косвенную речь: «кто и каков родом, и откуда, и како прииде на пустое сие место, и о пребывании его, и о нуждах телесных от горения солнечнаго и от мраза в зимнее время, и о пищи» (л. 58). В списке Т Мяндин оживляет этот эпизод, описывая поведение старца, который, увидев Августина, «паде на нозѣ епископу, прося благословения» (л. 74 об.). Затем Мяндин вводит новые детали в описание внешнего облика старца — «мужа священнолепна и сединами украшена» (л. 74 об.), а вопросы Августина из косвенной речи в сокращенном виде переводит в прямую речь: «вопроси его глаголя: «Отче святыи, повеждь ми, како здѣ пребываеши // и откуда прииде? (л. 74 об. — 75)».

В списке Ц старец сообщает, что он родился в «Африкийской» земле от родителей-христиан — «убогих» земледельцев, а причина его бегства из дома на остров дается в чисто агиографическом духе: подобно героям житий, он вдохновляется евангельским словом: «Аще кто не отречется всех своих, и не возмет креста своего, и вслед мене не грядет — несть мне достоин» (л. 58 об.). Следуя этим словам, юноша и покидает родительский дом. Он нанимает «мал кораблец» и приплывает на остров. Создавая второй список, Мяндин, во-первых, «Африкийские» земли заменил окрестностями Константинополя, во-вторых, выбрал другой агиографический мотив бегства героя из родительского дома — намерение родителей «сочетати» его браку, а он «не изволихъ жену пояти и тѣло осквернити» (л. 75). При этом добавляется зримая подробность бегства, которой нет в первом мяндинском списке: «тай нощию утаився, изыдохъ из дому отца моего» (л. 75). По-видимому, этот агиографический этикетный мотив на второй стадии осмысления сюжета показался Мяндину более убедительным и понятным его читателям, чем достаточно отвлеченный мотив вдохновения героя евангельским словом.

Объясняя епископу, чем он питается на острове и как долго здесь живет, старец в списке Ц изъясняется довольно высокопарно: «и пребы-

ваю в пустом сем месте многа уже лета любви ради Христа моего, покрываем и помогаем благодатию его о всех приключившихся скорбях и нужд телесных» (л. 59). В списке Т эта часть речи старца намного лаконичнее и конкретнее: он называет точное количество лет пребывания на острове: «И се имамъ лѣтъ 35» (л. 75), указывает свою обычную пищу — «питахся от овощей и ягодичий острова сего» (л. 75), а трудности пребывания на острове сводит к «кознемъ бѣсовскимъ».

Стремление к конкретизации прослеживается в списке Т и в том, что безымянный в Ц и Б старец под пером Мяндина обретает имя — Иоанн. Мяндин вводит диалог старца и епископа, отсутствующий в Ц и Б: «Епископъ же вопроси его: “Отче, како имя твое есть?” Онъ же, отвѣща, рече: «Имя мое есть Иоаннъ, наречень во святомъ крещении» (л. 75).

Та же тенденция к лаконизму и конкретности повествования в списке Т прослеживается и в эпизоде обучения старца молитвам. Когда Августин задает старцу вопросы о знании грамоты и молитв, в списке Ц отшельник отвечает по-книжному: «Учению книжному ни мало причасть есмь» (л. 59 об.), объясняя это тем, что «нудим есмь к сродному ми земледелию» (л. 59 об). В списке Т старец говорит проще: «не бысть // ми времени учиться книгамъ» (л. 75—75 об.). А неопределенное в Ц наименование изученных во «младости» молитв: «краткие молитвы навыхом всем християномъ обычнымъ» (л. 59 об.) в списке Т заменяется на одну самую важную молитву — «Отче наш» («но точию едину затвердихъ молитву Отче нашъ» — л. 75 об.). В этой редакторской правке отчетливо ощущается крестьянский взгляд автора, передающего речь героя-крестьянина (см. о крестьянском взгляде Мяндина, проявлявшемся в его переработках: (Волкова, 2013б)).

Момент дарения епископом ризы старцу также по-разному представлен в мяндинских списках «Чуда», причем в списке Т он описывается более подробно и ярко. Старец после обучения просит благословения у Августина и хочет уйти, но епископ останавливает его и дает ему ризу, повелевая облачиться в нее, сам же возвращается на корабль с «дружиною»: «И яко вытвердив молитву и возьмъ благословение старецъ у святого Августина и хотяше пойти. Епископъ же вда ему ризу, повелѣ облещися в ню. Сам же иде в корабль со дружиною. И яко преста ветр, и поплыша по морю» (л. 75 об.). В списке Ц говорится о том же самом, только более кратко: «И егда бысть ветр благополучен, епископ, поучив старца и ризою своею наготу его одев, и плавая восвоеси» (л. 60 об.). Возможно, для Мяндина риза является важной составляющей совершенного чуда, и на втором этапе работы над текстом он решил обратить на нее большее внимание читателей, расширив этот эпизод.

В кульминационной сцене приплытия старца на ризе к кораблю Августина мы наблюдаем те же принципы переработки первоначального текста Мяндиным: с одной стороны, значительное сокращение текста, с другой — создание «эффекта присутствия» читателя при описываемых событиях.

Если список Ц изобилует подробностями, отвлекающими внимание читателя (хорошая погода для плавания, второй день плавания по мо-

рю после отплытия с острова, место нахождения обитателей корабля («корабленицы наверху сидяще корабля» — л. 59 об.), то в Т Мяндин сразу же сообщает главное — описывает то, что сидящие на корабле узрели в море: «издалеча» движется нечто непонятное — какое-то «черное пятно». Так в тексте Т в этом месте повествования создается некая загадка. Далее перечисляется последовательность действий обитателей корабля, в ходе которых эта загадка проясняется: «Потомъ же в зрительную трубу узреша человека, сѣдяща на полы ризы» (л. 75 об.). В списке Цветника (как и в Б) загадки не создано: зрители «наверху сидяще корабля» (л. 60 об.) видят не непонятное «черное пятно», а «подобие человека», при этом ни о какой подзорной трубе не упоминается. Опускает Мяндин в списке Т и описание эмоций, охватывающих обитателей корабля в списке Ц, где они «дивляхуся», размышляя, кто к ним приближается: «яко зверя морскаго человекообразна или привидение» (л. 61). Утратив эти подробности, текст в списке Т стал беднее, но обрел стремительность и зримость.

Значительно сокращен в Т и эпизод встречи старца, поднявшегося на борт корабля Августина. В Ц после того как старец «взыде на корабль», «Августин виде сие преславное видение, радости и ужаса исполнися» (л. 62), после чего он пространно благодарит Бога за «преславное видение», вспоминая евангельский рассказ о том, как Господь «по волнам морским» ходил «пеша», и приравнивая к этому чуду плавание старца на ризе. После этого и сам Августин, и все находящиеся на корабле «паде пред ногама старца» (л. 62 об.). Старец начал их поднимать, произнося свою просьбу заново обучить его молитвам, которым епископ обучал его на острове. В ответ на это Августин «со страхом и рыданием // слезным» (л. 62 об. — 63) произносит ответную речь, прося прощение у старца за то, что «зазрех» его «неискусству», называя старца «безценным сокровищем», которому «не бе достоин весь мир» (л. 63). Этот большой фрагмент в Т передан кратко с сохранением основного мотива — осознание епископом, что он встретился с истинным святым и пытался обучать молитвам того, кто совершает чудеса: «Епископъ же виде таковое чудо, ужасеса и рече: “Како азъ тя имамъ учити такова свята мужа, по вода шествующа?”» (л. 76). Так Мяндин на втором этапе работы облек в слова идею повести: святость может представлять и в облики простого малограмотного полунищего старца, не осознающего, что совершает чудеса. Эта главная мысль очищается Мяндиным от излишних деталей, описаний, эмоций, евангельских аналогий.

Развязкой повести служит эпизод отплытия Августина к своей епископии, который также по-разному представлен в мяндинских списках. В списке Ц говорится, что он отправляется в свою епископию в Апонград, так как хочет «преестественное чудо», увиденное во время плавания по морю, поведать всем людям: «Епископъ же отплыв ко своей епископии во Апонград, аки обогащен // и одарен от Бога мздою — зрением преестественнаго чюдодейства и видением плотнаго ангела и поведая всем на пользу» (л. 63 об. — 64). В списке Т дается более краткая и конкретная информация о возвращении Августина домой: «прииде на свой столъ, сказа сию повѣсть. И вси прославиша Бога. Аминь».

Проведенный текстологический анализ двух мяндинских списков повести подтверждает наше предположение о том, что список «Повести об обретенном старце» из Т является дальнейшей переделкой списка Ц. Второй вариант, созданный Мяндиным, вполне соотносим со вторичными вариантами других повестей, переработанных печорским книжником: на последующих этапах работы Мяндин, по сути, создавал свою версию описываемых событий, излагая их своим языком, включая новые детали, устраняя при этом из текста сложные понятия, почерпнутые на первом этапе работы из источника. Этот алгоритм повторной работы Мяндина над понравившимся сюжетом был впервые выявлен Е. К. Ромодановской на материале трех мяндинских списков «Повести о гордом царе Агтее» (Ромодановская, 1985, с. 216–226), а впоследствии был подтвержден нашими исследованиями ряда мяндинских переработок (см. напр., о переработке сказания об Иосифе Прекрасном: Волкова, 2005б, с. 261–296).

Список литературы

Бобров А. Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси: исслед. и тексты. СПб., 1994.

Волкова Т. Ф. Археографическая работа Сыктывкарского университета на Нижней Печоре в 1977–1990-х гг. // Источники по истории народной культуры Севера. Сыктывкар, 1991. С. 94–105.

Волкова Т. Ф. Древнерусская и старообрядческая агиография в печорской рукописной традиции // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005б. С. 236–271.

Волкова Т. Ф. Древнерусская литература в круге чтения печорских крестьян. Печорские редакции древнерусских повестей. Сыктывкар, 2005а.

Волкова Т. Ф. Иван Степанович Мяндин — редактор древнерусских повестей (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839–890.

Волкова Т. Ф. К вопросу о крестьянском взгляде на средневековые сюжеты (усть-цилемец И. С. Мяндин и усть-куломец И. С. Рассыхаев) // Народная культура в слове и тексте: сб. исслед. и матер. памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар, 2013б. С. 43–51.

Волкова Т. Ф. Отчет об археографической экспедиции в Усть-Цилемский район Коми АССР // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. Куликовская битва и подъем национального самосознания. С. 375–376.

Волкова Т. Ф., Косырева (Мальшева) Л. Л. Два печорских списка Повести о купце, обогатившемся «утварию» пресвятой Богородицы // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитарных наук. 2019. Вып. 1 (9). С. 142–147.

Волкова Т. Ф., Чупрова Г. В. К изучению Повести о царевне Персике // Традиция и литературный процесс. Новосибирск, 1999. С. 16–25.

Волкова Т. Ф. Два апокрifa из Торжественника, составленного печорским книжником И. С. Мяндиным // Вестник Сыктывкарского университета. Сер. гуманитарных наук. 2013а. Вып. 2. С. 20–35.

Волкова Т. Ф. Роль лексических и фразеологических вариантов в установлении редакций древнерусских сочинений (на материале печорских списков «Повести о купце, обогатившемся утварию пресвятой Богородицы») // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. №5 (86). С. 51–62.

Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции на Печору // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 357–360.

Калугин В.В. «Книга святого Августина» в русской письменности XVI–XIX веков // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 2013. №4. С. 108–163.

Мальшев В.И. Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР // ТОДРЛ. М. ; Л., 1955. Т. 11. С. 425–439.

Мальшев В.И. Возможны ли еще рукописные находки в Усть-Цилемском районе Коми АССР? // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 370–374.

Мальшев В.И. Отчет о командировке на Печору в 1956 г. // ТОДРЛ. М. ; Л., 1958. Т. 15. С. 398–408.

Мальшев В.И. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // ТОДРЛ. М. ; Л., 1960а. Т. 16. С. 513–521.

Мальшев В.И. Пижемская рукописная старина: (отчет о командировке 1955 г.) // ТОДРЛ. М. ; Л., 1956а. Т. 12. С. 461–493.

Мальшев В.И. Сведения о собраниях рукописей и старопечатных книг в некоторых городах северных областей // ТОДРЛ. М. ; Л., 1940. Т. 4. С. 247–253.

Мальшев В.И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М. ; Л., 1961. Т. 17. С. 561–604.

Мальшев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960б.

Мальшев В.И. Усть-Цилемский книгописец и писатель XIX в. И. С. Мяндин // Древнерусская книжность (по материалам Пушкинского дома). Л., 1985. С. 323–337.

Памятники письменности в хранилищах Коми АССР: каталог-путеводитель. Сыктывкар, 1989. Ч. 1, вып. 1: Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета.

Ромодановская Е.К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII–XIX вв. Новосибирск, 1985.

Рыжова Е.А. Описание печорских рукописей из фондов Библиотеки Российской академии наук // Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район: сб. матер. и исслед. Сыктывкар, 2017. С. 230–285.

Справочно-библиографические материалы. Усть-цилемская книжность в исследованиях филологов Сыктывкарского университета: тематический библиографический указатель // Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район: сб. матер. и исслед. Сыктывкар, 2017. С. 317–350.

Троицкая Т.С. Повесть о Динаре в редакции И. С. Мяндина // Древнерусская книжность (по материалам Пушкинского дома). Л., 1985. С. 36–47.

Об авторах

Татьяна Федоровна Волкова, доктор филологических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Россия.

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Дарья Алексеевна Забродина, аспирант, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, Россия.

E-mail: darychka@gmail.com

Для цитирования:

Волкова Т. Ф., Забродина Д. А. Печорские списки «Чуда святого Августина об обретенном старце» // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №1. С. 71–85. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-5.

PECHORA SCROLLS: ST. AUGUSTINE'S MIRACLE
OF THE REVELATION OF THE ELDERT. F. Volkova¹, D. A. Zabrodina¹¹ Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
55, Oktyabrsky prosp., Syktyvkar, 167001, Russia

Submitted on September 16, 2020

doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-5

The Ust-Tsilemsky region of the Komi Republic is known for its collection of medieval handwritten books and manuscripts. These collections found in the area of the Lower Pechora River contain a rich variety of Old Believers' written documents of different genres. The authors explore one of these documents – St. Augustine's Miracle of the Revelation of the Elder, which exists in two different Pechora documents. One of them is a hagiographic text created by the famous Ust-Tsilma scribe and editor of Old Russian texts Myandin, who lived in the second half of the 19th century. The Miracle is a part of the Book of St. Augustine and has survived in only a few copies. It is noteworthy that Myandin's works have not been previously studied. Employing textual analysis, the authors came to the conclusion which of the two Myadlin's texts is closer to the earliest surviving scroll of the Miracle (Science Library of Moscow State University, the collection of manuscripts of the Old Believers of Bessarabia and Belaya Krinitsa, No. 2194, fol. 109 – 115 ob). This is a text contained in the *Tsvetnik*, compiled by Myandin. The study showed that the other copy is a later work of the scribe on the storyline of The Miracle, which involved the shortening of the text, the introduction of new narrative details, naming the main character, and providing a more detailed description of his appearance. The authors argue that, at a later stage of mastering the plot of the Miracle, Myandin created his own version of the events described. He employed his own vocabulary saturating the plot with details, which were missing in the first version. He cleared the text of unnecessary motives that distract the reader from the main idea of the story: holiness does not depend on rank or status; it can also be granted to a humble, illiterate person who is capable of performing miracles.

Keywords: Saint Augustine, miracle, Old-Believers, Myandin, Old-Believer manuscripts, Old Russian texts

References

Bobrov, A.G., 1994. *Apokrificheskoye «Skazaniye Afroditiyana» v literature i knizhnosti Drevney Rusi: issled. i teksty* [Apocryphal "The Legend of Aphrodite" in the literature and bookishness of Ancient Russia: research and texts.]. Saint-Petersburg. (New names in science) (in Russ).

Demkova, N.S., 1976. *Otchet ob arkhograficheskoy ekspeditsii na Pechoru* [Report on the archaeographic expedition to Pechora]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad. vol. 30, p. 357–360 (in Russ).

Kalugin, V.V., 2013. «*Kniga svyatogo Avgustina*» v russkoy pismennosti XVI – XIX vekov [«The Book of St. Augustine» in Russian writing of the 16th–19th centuries]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin], ser. 9 filologiya, no. 4, pp. 108–163.

Malyshev, V.I., 1940. *Svedeniya o sobraniyakh rukopisey i staropechatnykh knig v nekotorykh gorodakh severnykh oblastey* [Information about the collections of manu-

scripts and early printed books in some cities of the northern regions]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad. Vol. 4, pp. 247–253 (in Russ).

Malyshev, V.I., 1955. *Arkheograficheskaya ekspeditsiya v Ust-Tsilmskiy rayon Komi ASSR* [Archaeographic expedition to the Ust-Tsilmsky district of the Komi ASSR]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad. Vol. 11, pp. 425–439 (in Russ).

Malyshev, V.I., 1956a. *Pizhemskaaya rukopisnaya starina: (otchet o komandirovke 1955 g.)* [Pizhemskaaya handwritten antiquity: (report on mission 1955)]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad. Vol. 12, pp. 461–493 (in Russ).

Malyshev, V.I., 1958. *Otchet o komandirovke na Pechoru v 1956 g* [Report on a mission to Pechora in 1956]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad. Vol. 15, pp. 398–408 (in Russ).

Malyshev, V.I., 1960a. *Otchet ob arkheograficheskoy komandirovke na Pechoru 1958 g* [Report on an archaeological mission to Pechora in 1958]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad. Vol. 16, pp. 513–521 (in Russ).

Malyshev, V.I., 1961. *Ust-Tsilemskiye rukopisi XVII-XIX vv. istoricheskogo. literaturnogo i bytovogo sodержaniya* [Ust-Tsilem manuscripts of the 17th-19th centuries. historical, literary and everyday content]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Moscow, Leningrad. Vol. 17, pp. 561–604 (in Russ).

Malyshev, V.I., 1969. *Vozmozhny li eshche rukopisnyye nakhodki v Ust-Tsilemskom rayone Komi ASSR?* [Are handwritten finds in the Ust-Tsilemsky region of the Komi ASSR still possible?]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad. Vol. 24, pp. 370–374 (in Russ).

Malyshev, V.I., 1985. *Ust-Tsilemskiy knigopisets i pisatel XIX v. I. S. Myandin* [Ust-Tsilemsky book-writer and writer of the XIX century. I. S. Myandin]. *Drevnerusskaya knizhnost (po materialam Pushkinskogo Doma)* [Old Russian bookishness (based on materials from the Pushkin House). Leningrad? pp. 323–337 (in Russ).

Pamyatniki pismennosti v khranilishchakh Komi ASSR: katalog-putevodite., 1989. Part 1, iss. 1: *Rukopisnyye sobraniya Syktyvkarского gosudarstvennogo universiteta* [Handwritten collections of Syktyvkar State University]. Syktyvkar (in Russ).

Romodanovskaya, E. K., 1985. *Povesti o gordom tsare v rukopisnoy traditsii XVII – XIX vv.* [The story of a proud king in the handwritten tradition of the 17th–19th centuries]. Novosibirsk (in Russ).

Ryzhova, E. A., 2017. *Opisaniye pechorskikh rukopisey iz fondov Biblioteki Rossiyskoy akademii nauk* [Description of the Pechora manuscripts from the funds of the Library of the Russian Academy of Sciences]. *Knizhnyye tsentry Respubliki Komi: Ust-Tsilemskiy rayon: sbornik materialov i issledovaniy* [Book centers of the Komi Republic: Ust-Tsilemskiy region: collection of materials and research]. Syktyvkar, pp. 230–285 (in Russ).

Spravochno-bibliograficheskiye materialy, 2017. *Ust-tsilemskaya knizhnost v issledovaniyakh filologov Syktyvkarского universiteta: tematicheskii bibliograficheskiy ukazatel* [Ust-Tsilma book-learning in the studies of philologists at Syktyvkar University: a thematic bibliographic index]. *Knizhnyye tsentry Respubliki Komi: Ust-Tsilemskiy rayon: sbornik materialov i issledovaniy* [Book centers of the Komi Republic: Ust-Tsilemskiy region: collection of materials and research]. Syktyvkar, pp. 317–350 (in Russ).

Troitskaya, T.S., 1985. *Povest o Dinare v redaktsii I. S. Myandina* [The Tale of the Dinar, edited by I.S. Myandin]. *Drevnerusskaya knizhnost (po materialam Pushkinskogo doma)* [Old Russian bookishness (based on materials from the Pushkin House)]. Leningrad, pp. 36–47 (in Russ).

Volkova, T.F., 1979. *Otchet ob arkhеograficheskoy ekspeditsii v Ust-Tsilemskiy rayon Komi ASSR* [Report on an archaeological expedition to the Ust-Tsilemsky district of the Komi ASSR]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Leningrad. Vol. 34, pp. 375–376 (in Russ).

Volkova, T.F., 1991. *Arkheograficheskaya rabota Syktyokarskogo universiteta na Nizhney Pechore v 1977–1990-kh gg.* [Archaeographic work of the Syktyvkar University in the Lower Pechora in 1977–1990s.]. *Istochniki po istorii narodnoy kultury Severa* [Sources on the history of the folk culture of the North]. Syktyvkar, pp. 94–105 (in Russ).

Volkova, T.F., 2005a. *Drevnerusskaya literatura v krugе chteniya pechorskikh krestian. Pechorskiye redaktsii drevnerusskikh povestey* [Old Russian literature in the reading circle of Pechora peasants. Pechora editions of Old Russian stories]. Syktyvkar (in Russ).

Volkova, T.F., 2005b. *Drevnerusskaya i staroobryadcheskaya agiografiya v pechorskoy rukopisnoy traditsii* [Old Russian and Old Believer hagiography in the Pechora manuscript tradition]. *Russkaya agiografiya: Issledovaniya. Publikatsii. Polemika* [Russian hagiography: Research. Publications. Controversy]. Saint-Petersburg, pp. 236–271 (in Russ).

Volkova, T.F., 2006. *Ivan Stepanovich Myandin – redaktor drevnerusskikh povestey (Nekotoryye itogi izucheniya literaturnogo naslediya pechorskogo knizhnika)* [Ivan Stepanovich Myandin – editor of Old Russian stories]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 57. Saint-Petersburg, pp. 839–890 (in Russ).

Volkova, T.F., 2013a. *Dva apokrifа iz Torzhestvoennika. sostavlennoгo pechorskim knizhnikom I. S. Myandinyim* [Two Apocryphs from the Solemnity. compiled by the Pechora scribe I.S. Myandin]. *Vestnik Syktyokarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk*, [Syktyvkar University Bulletin. Humanities Series], 2, pp. 20–35 (in Russ).

Volkova, T.F., 2013b. *K voprosu o krestianskom vzglyade na srednevekovyye syuzhety (ust-tsilemets I. S. Myandin i uskulomets I. S. Rassykhayev)* [To the question of the peasant's view of medieval plots (Ust-Tsileme resident I.S. Myandin and Ustkulomets I.S. Rassykhayev)]. *Narodnaya kultura v slove i tekste: Sbornik issledovaniy i materialov pamyati Valentiny Viktorovny Filippovoy* [Folk culture in word and text: Collection of studies and materials in memory of Valentina Viktorovna Filippova]. Syktyvkar, pp. 43–51 (in Russ).

Volkova, T.F., 2018. *Rol leksicheskikh i frazeologicheskikh variantov v ustanovlenii redaktsiy drevnerusskikh sochineniy (na materiale pechorskikh spiskov «povesti o kuptse. obogativshemsya utvariyu presvyatoy Bogoroditsy»)* [The role of lexical and phraseological variants in the establishment of editions of Old Russian works]. *Vestnik Cherepovetskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 5 (86), pp. 51–62.

Volkova, T.F., Chuprova, G.V., 1999. *K izucheniyu Povesti o tsarevne Persike* [To the study of the Tale of the Princess Persike]. Novosibirsk, pp. 16–25 (in Russ).

Volkova, T.F., Kosyreva (Malysheva), L.L., 2019. *Dva pechorskikh spiska Povesti o kuptse. obogativshemsya «utvariyu» presvyatoy Bogoroditsy* [Two Pechora's scrolls of the Story of a merchant who enriched the "utvariyu" of the Most Holy Theotokos]. *Vestnik Syktyokarskogo universiteta. Seriya gumanitarnykh nauk* [Syktyvkar University Bulletin. Humanities Series], 1 (9), pp. 142–147 (in Russ).

The authors

Dr Tatiana F. Volkova, Associate Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Russia.

E-mail: volkovatf777@gmail.com

Daria A. Zabrodina, Doctoral Student, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Russia.

E-mail: darychka@gmail.com

To cite this article:

Volkova, T. F., Zabrodina, D. A. 2021, Pechora scrolls: *St. Augustine's miracle of the revelation of the Elder*, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 1, p. 71–85. doi: 10.5922/2225-5346-2021-2-5.

**СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ *ВЫСЫЛКА*:
СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И СИСТЕМА МНОГОЗНАЧНОСТИ**
(на материале розыскных деловых документов
второй половины XIX века)

К. Р. Руссу¹, Ю. А. Мельник²

¹ Югорский государственный университет

628012, Россия, Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16

² Военный университет Министерства обороны

123001, Россия, Москва, Большая Садовая улица, 14

Поступила в редакцию 21.08.2020 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-6

Статья посвящена одному из важных аспектов изучения лексического фонда русского делового языка второй половины XIX века – становлению лексического значения существительного «высылка», типичного для текстов розыскного типа. В качестве материала исследования нами был определен список таких источников деловой письменности из фондов Государственного архива Тюменской области, Исторического архива Омской области, Государственного архива Иркутской области, созданных в рассматриваемый исторический период. Изучение функционирования лексемы «высылка» было проведено в соответствии с методикой лексикографического портретирования (Ю.Д. Апресяна и А.П. Майорова) и принципами лингвистического исследования. Комплексный анализ дистрибуции существительного «высылка» определил обязательность абстрактных или конкретно-абстрактных векторных локативов, которые расширяли лексическое значение данной лексемы в текстах деловой письменности второй половины XIX века. В процессе работы были сформулированы особенности семантизации существительного «высылка» (доминирование архисемы 'процесс', существование дифференциальных сем 'результат', 'действия лиц, причастных к розыску'). Перспектива исследования заключается в рассмотрении памятников деловой письменности Западной Сибири и Восточной Сибири иной жанровой и временной направленности, расширении исследовательской базы за счет текстов Национального корпуса русского языка, Упсальского и Тюбингенского корпусов, базы данных русской прессы «Integrum» и Открытого корпуса русского языка.

Ключевые слова: деловая письменность, лингвистическое источниковедение, диахроническая лингвистика, исторический синтаксис, документная лингвистика, архивные источники, следственные дела

Введение

Важным в процессе изучения текстов деловой письменности любого жанра, созданных во второй половине XIX века, оказывается обращение к историко-лингвистическим словарям русского языка, которые помогают понять, как формировались лексико-семантические и лексико-тематические группы, типичные для определенной группы текстов де-

ловой письменности. Особое место в таких исследованиях занимает изучение слова как конструкта делового текста и культурных констант XIX века. Чтобы проникнуть в тайну «приказных речей», необходимо лингвистически точно прочесть источник, определить время рождения слова, охарактеризовать исторический фон его бытования. Это позволит с большей долей вероятности сформировать список лексем, которые стали частью лексического фонда памятников деловой письменности розыскного типа во второй половине XIX века.

Методологические принципы анализа памятников деловой письменности рассматриваемого периода следующие: вслед за Ю. Д. Апресяном (Новый объяснительный словарь синонимов русского языка, 2004) и А. П. Майоровым (Майоров, 2007) при анализе семантических признаков лексемы *высылка* будет использован метод лексикографического портретирования. Мы будем опираться на иллюстративный материал, позволяющий охарактеризовать дефиниции отглагольного существительного *высылка*, которые репрезентируют его лексическое значение и дают возможность описать дистрибутивный потенциал. Такой подход предполагает экспликацию полного семантического портрета лексемы *высылка*.

Цель исследования — описание лексической структуры языка официальных документов указанного исторического периода на примере одного частотного для данной группы текстов существительного *высылка*.

Задачи исследования сфокусированы на рассмотрении принципов семантизации существительного *высылка*, эксплицированных методом сплошной выборки, на описании архисемы и дифференциальных сем, входящих в состав лексического значения существительного *высылка*.

В ходе работы над составлением семантического портрета лексемы *высылка* в историко-лингвистическом ключе были рассмотрены памятники деловой письменности распорядительного типа, введена в научный оборот документация судебно-следственных дел Иркутска, Омска и Тюмени. Общее число проанализированных текстов — 7. Все они хранятся в фондах трех архивов (Историческом архиве Омской области (ГАОО), Государственном архиве Тюменской области (ГАТО), Государственном архиве Иркутской области (ГАИО)), рассекречены, следовательно, доступны для подробного изучения лингвистами, историками и просто любителями русского слова.

Результаты исследования

Основные методологические понятия, которые мы используем в данной статье, — лексико-тематическая группа и сема. При описании языка анализируемых памятников деловой письменности второй половины XIX века придерживаемся следующей стратегии:

1. В лексико-тематическую группу слов со значением 'розыск' включаем слова разных частей речи, семантически связанных.

2. Выявленные слова анализируем, опираясь на данные, полученные из контекста, определяем архисему и дифференциальные семы.

3. Понимаем, что число инвариантов определяется лексической базой рассматриваемых источников.

В центре внимания авторов настоящего исследования находится одна из лексем розыскного делового языка — абстрактное отглагольное существительное *высылка*, которое входит в лексико-тематическую группу слов со значением 'розыск'. Оно типично для лексической системы указанного подстиля и довольно частотно для корпуса текстов деловой письменности XVIII—XIX веков.

Лексема *высылка* появилась в русском языке в XV—XVI веках, что объясняется рядом экстралингвистических причин (увеличение числа деловых бумаг, оформлявших процессы ссылки, развитие пеницитарной системы в Западной и Восточной Сибири не могли не отразиться в деловом языке). Факт ее «рождения» в более позднюю эпоху подтверждается отсутствием в «Словаре древнерусского языка XI—XIV вв.», в котором находим только глагол совершенного вида *высылати* ('направлять, высылать кого-либо') (СДР, 1989, с. 257).

В Словаре русского языка XI—XVII вв. лексема *высылка* представлена как многозначная:

- сема 1 'отправка, отсылка (на военную службу, работы и т. п.)';
- сема 2 'отряд, группа людей, посланных куда-либо с какой-либо целью';
- сема 3 'отправка, пересылка, доставка (имущества, скота)' (СлРЯ, 1976, с. 263).

В Словаре русского языка XVIII века у существительного *высылка* многозначность сохранена, но указаны только два лексических значения:

- сема 4 'действ. по гл. выслать — высылать';
- сема 5 'отряд, группа людей, направляемых куда-л. с определенной целью, задачей' (СлРЯ XVIII, 1989, с. 51).

Связанность всех пяти дефиниций, которые репрезентируют одну идею ('факт изменения принадлежности к локации в связи с выполнением определенных задач'), реализуется через ряд дифференциальных сем. Каждая из них семантизирует определенную прототипическую ситуацию, являющуюся инвариантом архисемы:

1. Сема 1 'отправка, отсылка (на военную службу, работы и т. п.)' содержит архисему 'отправка, отсылка' и дифференциальную сему 'на военную службу, работы и т. п.'.

Сема 2 'отряд, группа людей, посланных куда-либо с какой-либо целью' содержит единичную гипосему.

Сема 3 'отправка, пересылка, доставка (имущества, скота)' содержит архисему 'отправка, пересылка' и гипосему 'имущества, скота'.

2. 1 → 2 — связаны исходная архисема и дифференциальная сема производного значения. Способ семантической деривации — сужение значения на основе метонимического переноса.

1 → 3 — связаны исходная архисема и дифференциальная сема производного значения. Способ семантической деривации — сужение значения.

3. Сема 4 'действ. по гл. выслать — высылать' содержит дифференциальную сему.

Сема 5 'отряд, группа людей, направляемых куда-л. с определенной целью, задачей' содержит единичную дифференциальную сему.

4. 4 → 5 — связаны дифференциальная сема исходного значения и дифференциальная сема производного значения. Способ семантической деривации — сужение значения.

Компонентный анализ семемы *высылка* отчетливо показал стремление к более точному описанию окружающей действительности, что нашло отражение в схожести семы 1 и семы 3, семы 2 и семы 4. *Высылка* включает в свое значение установку на некоторое перемещение субъекта / объекта в пространстве (причины могут быть разные: военная служба, работа, отсылка скота / имущества и т.д.), вызванное обязательностью прагматической ситуации. *Высылка* не могла восприниматься как событие с неопределенной длительностью, поскольку имела точку отсчета и точку завершения, а значит, указывался и возможный результат этого пространственного процесса. Такая ситуация относилась к плану будущего, четко определенному в момент совершения действия.

Рассмотрим бытование лексемы *высылка* в документах второй половины XIX века:

О разыскании и высылкѣ изъ Тары в Омскъ малолетней дочери арестанта
Глаголева Анны Васильевой Глаголевой
6 июня 1868 г. — 1 декабря 1868 г.¹

30 мая 1868 г.

Его высокопревосходительству
Господину Генераль-Губернатору Западной Сибири
Омскаго Окружнаго Стряпчего

Рапортъ

Имѣю чѣсть при семь представить | на благоусмотрѣніе Вашего Высоко | -
превосходительства, прошеніе адресованое | на имя Ваше, содержащегося въ
Ом- | скомъ Тюремномъ Замкѣ Тарскаго | мѣщанина Василя Глаголева, о ро-
зысканіи | и высылкѣ изъ Тары въ Омскъ малолет- | нюю дочь его Анну Васи-
льеву Глаголеву оставшуюся въ Тарѣ послѣ смерти | жены его, и ея матери Ели-
заветы | безъ пріюта.

Окружной Стряпчий <подпись неразборчива>

№1042

«24» мая 1868 года

Указанные выше денотативные свойства лексемы *высылка* подтверждаются приведенным иллюстративным материалом: сема 1 'отправка, отсылка (на военную службу, работы и т.п.)' нашла отражение в наименовании деловой бумаги (О *разыскании и высылкѣ изъ Тары в Омскъ малолетней дочери арестанта Глаголева Анны Васильевой Глаголевой*). Следовательно, лексема *высылка* активно выполняла в контекстуальных

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8072. Л. 1.

условиях делового содержания свою функцию: описание процесса, связанного с пеницитарной политикой второй половины XIX века на территории российского государства.

В представленном тексте существительное *высылка* находится в начальной части делового документа и входит в состав ряда однородных обстоятельств *о розысканіи | и высылкѣ*, употребляется без лексического первообразного предлога *о*. Роль правого расширителя лексического значения выполняют конкретный векторный локатив *изъ Тары въ Омскѣ* и объект в форме винительного падежа *малолет-| нюю дочь его Анну Васильеву Глаголеву*, которые являются частью самоназвания деловой бумаги.

Цель документа сформулирована в начальной клаузуле: две лексемы, *разысканіе* и *высылка*, фиксируют порядок действий, который обязателен к выполнению адресатами. Мы узнаем направление движения из точки А (астионим *Тара*) в точку Б (астионим *Омскѣ*), знакомимся с объектом действия (*Анна Васильевна Глаголева*), о котором нам известно немного: отец *Анны*, мещанин *Василий Глаголевъ*, является арестантом в *Омскомъ Тюремномъ Замке*, до этого проживал в *Таре*, где на момент составления документа находилась его малолетняя дочь. В связи со смертью жены *Елизаветы* и, видимо, отсутствием других близких родственников мещанин *Василий Глаголевъ* подает прошение на имя *Генераль-Губернатора Западной Сибири*. Вертикаль власти четко определена в данном документе: *омский окружной стряпчий* не может самостоятельно принять решение, он должен получить у вышестоящего руководителя визу с положительной или с отрицательной коннотацией. В рассматриваемом документе розыск лица женского пола оказался связан не с правонарушениями, которые были совершены, а с решением частных вопросов одной семьи. Социальная направленность рапорта не вызывает сомнений: забота о малолетней дочери мещанина, отбывающего наказание в *Омскомъ Тюремномъ Замкѣ*, выполняла роль каузации.

Обратимся к другим текстам второй половины XIX века, в которых также представлена рассматриваемая лексема *высылка*:

- «если таковые окажутся, и о высылкѣ ихъ въ пронский уездный судъ»²;
- «где окажется о высылкѣ в Тобольскѣ»³;
- «о высылкѣ въ оный Магистратъ»⁴;
- «игдѣ окажется овысылкѣ въ ялурутовской земской судъ»⁵;
- «повысылкѣ ихъ въ Томской Приказъ общественнаго презрѣнія»⁶.

В приведенном иллюстративном материале валентность локатива выражена либо предложно-падежной конструкцией (*въ Тобольскѣ* — лексический первообразный предлог *в* + имя собственное в форме предложного падежа), либо расширенной предложно-падежной конструк-

² ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 120. Л. 53.

³ ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

⁴ ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 406. Л. 3.

⁵ ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 62. Л. 4.

⁶ ГАТО. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 72. Л. 390.

цией (*въ пронскій уездный судъ, въ оный Магистратъ, въ Томской Приказъ общественнаго презрѣнія* — лексический первообразный предлог *в* + наименование организации). Единичный пример (*если таковыя окажутся, и о высылкѣ ихъ въ пронскій уездный судъ по сему*) фиксирует валентность субъекта через личное местоимение в форме родительного падежа множественного числа (*ихъ*).

Некоторые документы рассматриваемого исторического периода фиксируют употребление также и конкретно-абстрактного векторного локатива. Он не определяет точное место назначения ссылки, а указывает только регион ссылки: например, *о высылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Западной Сибири*⁷. Данная валентность выражена предложно-падежной синтаксемой:

- главное слово, в роли которого выступает существительное в форме множественного числа;
- в препозиции по отношению к нему располагается качественное прилагательное в простой сравнительной степени (*въ отдаленнѣйшія мѣста*),
- в постпозиции — атрибутивное словосочетание, являющееся топонимом (*Западной Сибири*).

Другой деловой документ, который был обнаружен нами в Государственном архиве Иркутской области, также фиксирует употребление существительного *высылка*: *распоряженіемъ о высылкѣ его надлежащимъ порядкомъ въ г. Олекминскъ, въ распоряженіе Окружнаго Полицейскаго Управленія*⁸. В качестве правого актанта выступают личное местоимение *онъ* в форме родительного падежа единственного числа, функционирующее как лексическая связка с предшествующим предложением, и синкрета *надлежащимъ образомъ*. Валентность характеристики выражена атрибутивным словосочетанием: роль главного слова отведена существительному в форме творительного падежа, роль зависимого слова — отглагольному прилагательному. Последнее словосочетание (*надлежащимъ образомъ*) является формульным, его семантика определяет выполнение любого действия без нарушений протокола.

Частотность употребления существительного *высылка* подчеркивает системный характер функционирования лексических единиц розыскного подъязыка делового языка во второй половине XIX века. В связи со спецификой стиля и содержания розыскной деловой письменности второй половины XIX века активно представлено управление местным падежом (*о высылкѣ*), которое представляет собой устойчивое выражение официально-делового стиля. Синонимичной и практически не употребительной в текстах деловой письменности второй половины XIX века является конструкция с управлением дательным падежом (*по-высылкѣ*). Получается, что развитие грамматической связи управления шло по пути закрепления определенного набора значений с косвенным падежом, устранения синонимии среди падежных значений, которыми оно могло управлять.

⁷ ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 519. Л. 2.

⁸ ГАИО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 458. Л. 1.

Заключение

Семантический портрет рассматриваемого отглагольного существительного был сделан с опорой на памятники деловой письменности второй половины XIX века, относящиеся к розыскному типу. То, что лексема *высылка* появилась значительно позднее, чем глагол *высылать*, от которого она была образована, — факт экспликации экстралингвистического в языке. Лексический состав русского языка (в том числе розыскного делового языка) характеризуется особым уровнем диффузности, а значит, сохранение целостности системы оказалось практически невозможно на определенном этапе. Как следствие — образование новых лексем или новых сем у слов.

Анализ текстов распорядительного типа и документации судебно-следственных дел второй половины XIX века выявил список семантических расширителей отглагольного существительного *высылка* — конкретные и конкретно-абстрактные векторные локативы. Вместе они уточняли значение действия, репрезентированного в соответствующем слове.

Перспектива настоящей работы заключается в исследовании всего словообразовательного гнезда с основной *сылати* на материале памятников деловой письменности XVIII—XIX веков и расширении исследовательской базы за счет текстов Национального корпуса русского языка, Упсальского и Тюбингенского корпусов, базы данных русской прессы «Integrum» и Открытого корпуса русского языка. Сам объект исследования, таким образом, может быть подвергнут более глубокому рассмотрению с учетом критерия связанности с указанными корпусами текстов.

Список литературы

Дело Иркутского губернского правления о розыскании бывшего студента Харьковского Ветеринарного Института Ивана Трофимова Цыценко, привлеченного к дознанию по дѣлу о государственном преступлении // Государственный архив Иркутской области. Ф. 32. Оп. 5. Д. 519. Л. 2.

Майоров А. П. Семантика глагола просить в русском языке XVIII в. (на материале забайкальских памятников деловой письменности) // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. №3. С. 80–86.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.

О розыскании и высылкѣ изъ Тары въ Омскъ малолетней дочери арестанта Глаголева Анны Васильевой Глаголевой // Исторический архив Омской области. Ф. 3. Оп. 6. Д. 8072. Л. 1.

О розыскании скрывшегося с мѣста причисленія государственнаго преступника Алексѣя Быдарина // Государственный архив Иркутской области. Ф. 32. Оп. 5. Д. 458. Л. 1.

Прибавленіе къ №50-му Смоленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, Официальной части 11-го Декабря 1848 года // Государственный архив Тюменской области. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 406. Л. 3.

Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. (СДР). М., 1989. Т. 2.

Словарь русского языка XI—XVII вв. (СлРЯ). М., 1976. Вып. 3.

Словарь русского языка XVIII века (СлРЯ XVIII). М., 1989. Вып. 5.

Указы Тобольского губернского правления о взыскании по векселям, о сыске беглых, о взыскании казенных недоимок // Государственный архив Тюменской области. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 72. Л. 390.

Указы Тобольского губернского правления о розыске беглых и по уголовным делам // Государственный архив Тюменской области. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 49. Л. 1.

Указы Тобольского губернского правления о розыске беглых колодников, о денежных взысканиях, о взыскании складочных рекрутских денег, об утерянных документах, по уголовным делам, о взыскании государственной подати // Государственный архив Тюменской области. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 62. Л. 4.

Указы Тобольского губернского правления о розыске беглых, по уголовным делам, о денежных взысканиях, по вопросам делопроизводства, о продаже соли, о наблюдении за ссыльными, о передаче по наследству имущества, о сохранении вин // Государственный архив Тюменской области. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 120. Л. 53.

Об авторах

Ксения Ринатовна Руссу, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Югорский государственный университет, Россия.

ORCID: 0000-0002-8127-733X

E-mail: vaganova1988@mail.ru, k_russu@ugrasu.ru

Юлия Александровна Мельник, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации, Россия.

ORCID: 0000-0001-5263-1099

E-mail: uliya0783@mail.ru

Для цитирования:

Руссу К.Р., Мельник Ю.А. Существительное «высылка»: семантический портрет и система многозначности (на материале розыскных деловых документов второй половины XIX века) // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №1. С. 86–95. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-6.

THE NOUN *VISILKA*: A SEMANTIC PORTRAIT AND A SYSTEM OF MULTIPLE MEANINGS

(based on police search documentation of the second half of the 19th century)

K. R. Russu¹, Yu. A. Melnik²

¹ Ugra state University

16 Chekhov street, Khanty-Mansiysk, 628012, Russia

² Military University of the Ministry of defense

14 Bolshaya Sadovaya street, Moscow, 123001, Russia

Submitted on August 21, 2020

doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-6

This article is devoted to one of the important aspects of studying the Russian business language of the second half of the 19th century – the formation of the lexical meaning of the noun visilka (exile, expulsion), typical of the police procedure documentation of the time. The author discovered business texts of this type in the funds of the State Archive of the Tyumen

region, the State Archive of the Omsk region, and the State Archive of the Irkutsk region. All texts date back to the late 19th century. The study of the lexeme *visilka* was conducted in accordance with the lexicographic portraiture methodology (proposed by Apresyan and Mayorov) and the principles of linguistic study of source texts. A comprehensive analysis of the lexical distribution of the noun *visilka* determined the necessity of abstract or concrete-abstract vector locatives, which expanded the lexical meaning of this lexeme in the business texts of the second half of the 19th century. The authors identified the main semantic features of the noun *visilka* (the dominance of the archiseme – 'process', the existence of the differential semes 'result', 'actions of people involved in a police search'). Further research is aimed at examining business writings from Western and Eastern Siberia, which belong to a different genre and a different time period. Further research will be based on the texts from the National Corpus of the Russian language, the Uppsala and Tyubinsk corpuses, the database of the Russian press *Integrum* and *Open Corpus*.

Keywords: business writing, linguistic source studies, diachronic linguistics, historical syntax, documentary linguistics, archival sources, investigative cases

References

Delo Irkutskogo gubernskogo pravleniya o razyskanii byvshego studenta Har'kovskogo Veterinarnogo Instituta Ivana Trofimova Cyenko, privilekavshegosya k doznaniyu po delu o gosudarstvennom prestuplenii [The case of the Irkutsk provincial government on the search for a former student of the Kharkiv Veterinary Institute, Ivan Trofimov Tsitsenko, who was involved in the investigation of a state crime]. OGKU «Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti», F. 32. Op. 5. D. 519. L. 2.

Mayorov, A. P., 2017. *Semantika glagola prosit' v russkom yazyke XVIII v. (na materiale zabajkal'skih pamyatnikov delovoj pis'mennosti)* [Semantics of the verb to ask in the Russian language of the XVIII century (based on the material of TRANS-Baikal monuments of business writing)]. Bulletin of the Buryat state University. Ulan-Ude, 2017, 3, pp. 80–86.

Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka, 2004 [New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language] / pod obshh. ruk. akad. Ju. D. Apresjana. Moskva; Vena, 2004.

O razyskanii i vysylke iz Tary v Omsk maloletnej docheri arestanta Glagoleva Anny Vasil'evoy Glagolevoj [About the search and expulsion of Tara to Omsk the young daughter of the prisoner Glagolev Anna Vasilyeva Glagoleva]. BU OO «Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti». F. 3. Op. 6. D. 8072. L. 1 (In Russ.).

O rozyskanii skryvshegosya s mŕsta prichisleniya gosudarstvennago prestupnika Aleksŕya Bydarina [About search of the state criminal Alexey Bydarin who has disappeared from the list of MST]. OGKU «Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti». F. 32. Op. 5. D. 458. L. 1 (In Russ.).

Pribavlenie k №50-mu Smolenskikh Gubernskih Vŕdomostej, Oficial'noj chasti 11-go Dekabrya 1848 goda [Addendum to No. 50 of the Smolensk Provincial Records, Official part of December 11, 1848]. GBUTO «Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti». F. I-3. Op. 1. D. 406. L. 3 (In Russ.).

Slovar' drevnerusskogo yazyka XI-XIV vv. [Dictionary of the old Russian language of the XI-XIV centuries]. M., 1989, 2. (In Russ.).

Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv. [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII centuries]. M., 1976, 3. (In Russ.).

Slovar' russkogo yazyka XVIII veka [Dictionary of the Russian language of the XVIII century]. M., 1989, 5. (In Russ.).

Ukazy Tobol'skogo gubernskogo pravleniya o rozyske beglyh i po ugovolnym delam [Decrees of the Tobolsk provincial government on the search for fugitives and criminal cases]. GBUTO «Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti». F. I-3. Op. 1. D. 49. L. 1 (In Russ.).

Ukazy Tobol'skogo gubernskogo pravleniya o rozyske beglyh kolodnikov, o denezhnyh vzyskaniyah, o vzyskanii skladochnyh rekrutskih deneg, ob uteryannyh dokumentah, po ugovornym delam, o vzyskanii gosudarstvennoj podati [Decrees of the Tobolsk provincial government on the search for fugitive prisoners, on monetary penalties, on the recovery of folded recruitment money, on lost documents, in criminal cases, on the recovery of state taxes]. GBUTO «Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti». F. I-3. Op. 1. D. 62. L. 4 (In Russ.).

Ukazy Tobol'skogo gubernskogo pravleniya o rozyske beglyh, po ugovornym delam, o denezhnyh vzyskaniyah, po voprosam deloproizvodstva, o prodazhe soli, o nablyudenii za ssyl'nymi, o peredachi po nasledstvu imushchestvo, o sohranении vin [The decrees of the Tobolsk provincial government wanted fugitive, in criminal cases, monetary penalties for record keeping, the sale of salt, on the observation of exiles, on the transfer of inherited assets, the preservation of wines]. GBUTO «Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti». F. I-3. Op. 1. D. 120. L. 53 (In Russ.).

Ukazy Tobol'skogo gubernskogo pravleniya o vzyskanii po vekselyam, o syske beglyh, o vzyskanii kazennyh nedoimok [Decrees of the Tobolsk provincial government on collecting bills of exchange, on finding fugitives, on collecting state arrears]. GBUTO «Gosudarstvennyj arhiv Tyumenskoj oblasti». F. I-3. Op. 1. D. 72. L. 390 (In Russ.).

The authors

Dr Ksenia R. Russu, Associate Professor, Department of the Russian language and Literature, Ugra State University, Russia.

ORCID: 0000-0002-8127-733X

E-mail: vaganova1988@mail.ru, k_russu@ugrasu.ru

Dr Yulia A. Melnik, Senior Lecturer, Department of the Russian Language, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Russia.

ORCID: 0000-0001-5263-1099

E-mail: uliya0783@mail.ru

To cite this article:

Russu, K. R., Melnik, Yu. A. 2021, The noun *visilka*: a semantic portrait and a system of multiple meanings (based on police search documentation of the second half of the 19th century), *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 1, p. 86–95. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-6.

РЕФРЕЙМИНГ ИДИОМ И ПАРЕМИЙ В КОРОНАВИРУСНОМ ДИСКУРСЕ

О. И. Северская¹, Л. В. Селезнева²

¹ Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, 18/2

² Российский государственный социальный университет
129226, Россия, Москва, ул. Вильгельма Пика, 4

Поступила в редакцию 01.12.2020 г.

doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-7

Представлена специфика паремического пространства коронавирусного дискурса, в котором формируются новые образы типовых ситуаций, связанных с пандемией коронавируса. Коронавирусный контекст влияет на использование фразеологизмов и паремий, которые, несмотря на свою устойчивую структуру, подвержены разного рода модификациям. Целью исследования является определение способов модификации паремий, обусловленных диктатом одной из основных дискурсивных стратегий современности – рефрейминга. Модификации фразеологизмов задаются прагматической целью субъекта дискурса, который, с одной стороны, вводит новую релевантную информацию в языковое пространство, а с другой – вынужден защищаться от негативной информации, что предполагает аксиологическое переосмысление высказываний и юмористическое их представление. Методология исследования включает методы лингвопрагматического и лингвокультурологического анализа, основанные на изучении языковых феноменов как средств организации социального опыта в процессе речевой коммуникации, а также корпусный метод отбора и обработки материала. Это предполагает не только выявление языковых единиц и конструкций, но и описание условий и механизмов их выбора и функционирования. Предметом анализа являются примеры фразеологических и паремиологических трансформаций, характерных для коронавирусного дискурса: рефразеологизация, формирование новых значений идиом, лексические и структурные изменения устойчивых выражений. Особое внимание уделяется «наивной» аксиологии. В коронавирусном дискурсе представлены как неологии, так и значительное количество уже существующих, но наделяемых новыми смыслами идиом и паремий, а также имена собственные – Расхламинго, Ковидло и Уханька.

Ключевые слова: фразеология, паремиология, трансформации, рефрейминг, лингвокультурологический анализ, дискурс

Карантин – это когда выйти можно только из себя.

Статус в социальной сети

Исследование языковых феноменов, служащих организации социального опыта в процессе речевой коммуникации, с некоторых пор предполагает не только выявление наделенных такой функцией единиц и конструкций, но и описание условий и механизмов их выбора и функционирования. В фокусе, как справедливо замечает В. Е. Черняв-

ская (Чернявская, 2017, с. 137), оказывается не столько внутритекстовая организация, сколько процессы текстопостроения и текстовосприятия. Такой подход особенно актуален в эпоху «коронавирусного режима», когда, как точно подметил М. А. Кронгауз, «мы существуем в контексте ковида, все время думаем об этом» (цит. по: Абрамов, 2020). Например, название статьи «Корона отправилась на родину шахмат» (Наука и жизнь. 2007. №12) воспринимается сейчас как сообщение о распространении вируса, а совсем не о победе чемпиона мира по шахматам Вишванатана Ананда. Контекст диктует сегодня и формирование дискурсивных практик, и их интерпретацию.

Особое место в коронавирусном дискурсе, по нашим наблюдениям, занимают фразеологизированные выражения, идиомы и поговорки, и это не удивительно: как отмечают, например, Г. Миронова и Е. Купцевич (Миронова, Купцевич, 2007, с. 45–62), актуализация таких феноменов напрямую связана с кризисными явлениями. Это обусловлено тем, что идиомы и поговорки (пословицы, поговорки, девизы, слоганы, афоризмы, загадки) аккумулируют специфическую информацию о типичных жизненных и мыслимых ситуациях, объектах и отношениях, а потому становятся прекрасным инструментом концептуализации реальности, выполняя функцию знакового замещения не только самого объекта образной номинации, но и оценочного отношения к нему говорящего субъекта. Однако в них представлены не только концептуальные схемы, но и, по выражению М. Л. Ковшовой, «как в увеличительное стекло, выпукло и емко явлена наивная этика народа, его морально-нравственные принципы и идейно-эстетические воззрения на мир» (Ковшова, 2013, с. 80). При этом идиоматизированные единицы и поговорки «не создаются, а воспроизводятся, но не автоматически и тем более не механически, а в результате их осознанного выбора языковым субъектом» (Там же). В коронавирусном дискурсе этот выбор обусловлен прагматическим заданием, которая стоит перед языковым субъектом, — необходимостью адаптироваться к пандемии: смоделировать типовые ситуации и сформировать соответствующее им языковое паремическое пространство.

Несмотря на свою устойчивую структуру, фразеологизированные единицы, к которым относятся идиомы и поговорки, подвержены разного рода модификациям, названным И. В. Зыковой фразеологической креативностью, проявляющейся «в процессе организации информации в ходе формирования дискурса» (Зыкова, 2016, с. 539). Это предполагает, с одной стороны, ввод новой релевантной информации в уже существующие структуры и формирование за счет лексических, грамматических и коммуникативных трансформаций новых поговорок и фразеологизмов. А с другой — рефрейминг, при котором выражения переносятся в другой контекст и приспособляются для решения новых задач, а также аксиологически переосмысливаются (Иссерс, 2012, с. 74–83). Собранный нами путем мониторинга социальных сетей, новостных агрегаторов («Яндекс.Новости», «Рамблер.Новости» и под.), публикаций в СМИ, а также в ряде доступных коллекций (в частности, в собрании

сетевых статусов: Леонов, 2020) материал позволяет определить и типы трансформаций, и параметры рефрейминга, и типичные ситуации, осмысливаемые и фиксируемые в образных неоминациях.

Типовые ситуации в «коронавирусном» словаре

При исследовании дискурса как социальной практики важно учесть то, что «дискурс позволяет моделировать типовые ситуации» (Красина, 2016, с. 92). Возникающие в «коронавирусном» поле номинации решают прежде всего задачу адаптации к сложной ситуации, вызванной пандемией: дать наименования новым явлениям и показать свое отношение к ним. Уже выявлены наиболее актуальные дискурсивные топика: «человек в связи с его отношением к коронавирусу»; «изменения в обычном укладе жизни»; «экономические и психологические трудности, возникшие в результате карантинных мер»; «объекты и процессы, связанные с жизнью человека в период пандемии»; «восприятие времени и пространства» (Погорелова, 2020, с. 226; ср.: Wicke, Bolognesi, 2020). Отмечается также (Lawson, 2020; Lobin, 2020), что коронавирусный дискурс стал «утилитарной сверткой» разговора о волнующих общество реальных проблемах.

Наряду с «официальными» медицинскими терминами *COVID-19* и *SARS-CoV-2* в русскоязычном дискурсе сегодня распространены «разговорные» обозначения *ковид* и *корона*. Последнее служит не только представлению «незнакомого, опасного» через «знакомое, привычное», то есть практикам фамилиаризации и интимизации, но и возвышается до уровня символа: *корона* в языковом сознании символизирует самодержавие, власть, и корреляция номинации-сокращения с полновесным словом формирует образ вируса-самодержца, владеющего миром (ср. в статусах: *Коронавирус – вирус, который незаслуженно посадили на трон, покорив народы всего мира*), что уже можно считать выражением наивной аксиологии. В дискурсе появляются глорифицирующие эвфемизмы *короновать(ся)* ‘заразить(ся)’, *коронованный* ‘носитель коронавируса’, *подданные Российской короны* ‘сообщество заболевших ковидом’, в то же время переосмысливается эвфемистичная поговорка *модная болезнь*, прежде относившаяся к сифилису. Одновременно актуализируются и становятся частотными ранее использовавшиеся термины *пандемия*, *средства индивидуальной защиты*, *карантин*, *самоизоляция*, *новая нормальность* и др. (Северская, 2020), приобретая специфические «коронавирусные» оттенки смысла, и образуются новые «терминологические» поговорки – такие, как, например, *вирусный суверенитет* ‘право регионов самостоятельно определять круг мер, сдерживающих распространение коронавируса’.

Чаще всего в сетевых мемах и статусах обыгрываются повторяющиеся ситуации типа «обработка рук»: *Пусть всегда будет мыло, антисептик и сила*; «ношение маски»: *Голова нам дана для маски; Маска – идеальный предмет одежды для женщин. Скрывает морщины, второй подбородок, экономит косметику*; «предъявление документов»: *Еще и цифровой аусвайс придумали для упрощения процедуры тотального контроля. Не страна,*

а *цифровой концлагерь* (ЖЖ_burckina.new. 03.04.2020); #*стопвирус* #*аусвайс* #*система цифровых пропусков в Москве и Подмосковье* (ВК. 02.05.2020); *Аусвайс фальшивый – ауфидерзейн* (Yaplakal.com. 14.04.2020).

При этом в процессе разворачивания дискурса конкретная информация о реалиях карантина доводится до абсурда и вызывает смех — например, **маска** становится *атрибутом известной личности*, своего рода *пропуском в «наружу»* и *защитой от передания* (цит. по: Леонов, 2020):

(1) Выхожу из дома. На лице: солнцезащитные очки и черная маска. Чувствую себя звездой, которую преследуют папарацци.

(2) Заплела волосы, надела маску, обработала руки, взяла паспорт — всё, можно выходить на балкон!

(3) Маску ношу не на улице, а дома, чтобы ничего не есть.

Устойчивое определение в коронавирусном дискурсе *маски* как *намордника* порождает шутки о *собаках и хозяевах*, меняющихся ролями: *Из-за короновируса мир перевернулся: хозяин – в наморднике, а собака – нет; Собака имеет право выгуливать одного человека. Человек должен быть в наморднике, с документом и на поводке* (Vse-shutochki.ru. 2020. Апрель); а правила разрешенных прогулок имеют такие закрепления в статусах: *Взял мусорное ведро, собаку и список продуктов. Надеюсь погулять подольше на свежем воздухе; При покупке продуктов тщательно составляю список: сахар куплю утром, в обед возьму хлеба, вечером пойду за пачкой чая...* (Леонов, 2020).

Довольно много статусов посвящено **коронапанике**: *Паника и карантин даны человечеству, чтобы понять, какой огромной ценностью обладают гречка и туалетная бумага* (Леонов, 2020), сюда же можно отнести *фьючерсы на гречку, гречневые акции и курс лимона и имбиря* (Pikabu.ru. 2020. Март). «Вирусная» повторяемость возводит их в ранг паремий общего жаргона.

Шутки касаются и самого SARS-CoV-2, названного не вполне политкорректно **китайским вирусом**: *Обидно, когда привозишь вирус из Италии, а он все равно сделан в Китае*, — в этой шутке обыгрывается стереотипное представление о «китайских товарах», дешевых и некачественных подделках известных брендов.

Во всех приведенных примерах паремии нивелируют негатив ситуации, строя некий возможный мир, актуальный для говорящего, и используя для этого практику карнавализации: по М. М. Бахтину, «в карнавале сама жизнь играет, разыгрывая... свое возрождение и обновление на лучших началах» (Бахтин, 1965, с. 10–11), а карнавальная смех «включает в себя момент победы... над страхом... перед всем, что угнетает и ограничивает» (Там же, с. 103), и это как нельзя лучше соответствует моменту и обстановке пандемии.

Переосмысление общезыковых паремий и идиом

В коронавирусном дискурсе представлены как неологии, так и значительное количество уже существующих, но наделяемых новыми смыслами фразеологизированных сущностей. В этом можно видеть и

влияние стремительности развития осмысляемой ситуации, включающей режим экономии языковых средств, и диктат рефрейминга как одной из основных дискурсивных стратегий современности (Иссерс, 2012, с. 74–83).

Так, выражение *не все дома* 'о странном, глуповатом, придурковатом человеке' буквализируется, а затем подвергается рефреймингу, приобретающая смысл высказывания о нарушении правил самоизоляции: *Фраза «у него не все дома» звучит теперь, как донос...* (Г. Погосян. ФБ. 03.04.2020). Но при этом сохраняется и первоначальный смысл идиомы, который и формирует оценочный компонент в образном обозначении ситуации.

В слогане социальной рекламы Мосгортранса *Будь в форме!* языковая игра идет в нескольких плоскостях одновременно — общеязыковое *быть в форме* 'сохранять способность использовать свои силы, способности, умения; быть собранным и подтянутым; быть здоровым' взаимодействует с остающейся в подтексте идиомой *по форме* 'как полагается, как следует' и с прямым указанием на *форму* 'единую, установленную для определенных категорий одежду определенного образца' — *маску и перчатки*, присутствующие в рекламном гибридном тексте в виде изображения. Рефрейминг идиомы приводит к приданию ей ситуативной структурно-семантической многозначности, транслирующей: *будь в форме*, то есть носи средства защиты, и *будешь в форме*, то есть останешься здоровым и дееспособным.

Идиома *надеть корону* 'зазнаться' (ср.: *Актриса Анна Хилькевич — одна из немногих звезд российского шоу-бизнеса, кто еще не успел «надеть корону»*. *Артистка любит смеяться и выставлять себя не в лучшем свете, чтобы повеселить других* (Дни.ру. 12.12.2019); *Зачем вирус надел корону?* (Econet.ru. 27.03.2020)) меняет смысл на 'заразиться коронавирусом': *20 территорий надели «корону»* (v-pravda.ru. 14.04.2020). В этом контексте вопрос *Корона не жмет* 'Не слишком ли вы вознеслись?' звучит уже как забота о здоровье собеседника, что улавливают простые носители языка: *Я тут подумал, что фраза «Тебе корона не жмет?» в свете нынешней пандемии звучит совершенно по-новому* (ЖЖ. Bash-im. 27.03.2020), а в утвердительной форме это выражение означает констатацию выздоровления от коронавируса и (что широко используется в медиадискурсе — в отношении стран и регионов) обозначает снятие карантинных ограничений и открытие границ: *Корона им больше не жмет. Ровно в полночь среды завершился самый первый в мире карантин, введенный из-за коронавируса, в китайском городе-миллионнике Ухане* (Коммерсантъ. 09.04.2020). В этом случае уже можно говорить если не о полном переосмыслении, то о формировании нового значения идиомы, связанного с изначальным лишь опосредованно — через образ «вознесшегося до небес», распространяющего «звездную болезнь» вируса.

Одновременно происходит рефрейминг идиомы *надеть корону* в политическом дискурсе — в рамках совпавшей с началом пандемии истории с принятием поправок к Конституции. *Коронавирус* устойчиво связывается с *коронованием*, венчанием президента на «царство», в этой «рамке» *коронавирус* приобретает окказиональное значение 'стремление к бесконечному сохранению власти'. Переосмыслению политической

ситуации в сетевом юморе способствует и фрейм карантина общемирового масштаба: *Из-за коронавируса Путину запретили покидать президентское кресло*, а «обнуление» президентских сроков порождает номинацию *нулевой президент* — по аналогии с терминологичным *нулевым пациентом* (К. Туркова. Коронавирус и поправки к российской Конституции. Голос Америки. 16.03.2020).

Фразеологизированные имена, переосмысливающие идиомы, получают некоторые «коронавирусные» приветствия: *чувство локтя, похлопать по плечу, велели кланяться* (Teleprogramma.pro. 28.03.2020).

Есть и случаи когнитивного рефрейминга крылатых слов, например в прочтении известного выражения, связанного с карнавалом (и нередко принимаемого за цитату из драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад»): *Маска, я тебя знаю!*, или же строк И. Бродского: *Не выходи из комнаты, не совершай ошибку. <...> Запрись и забаррикадируйся / шкафом от хроноса, космоса, эроса, расы, вируса*, сквозь призму карантинных мер и самоизоляции, в результате чего происходит подмена одной референтной ситуации другой.

Лексико-грамматические трансформации в неопаремиях

При создании новых фразеологизированных единств широко используются и приемы паремиологического варьирования, которое может проявляться в замене компонентов устойчивых выражений и в изменении их структуры за счет наращивания новых компонентов.

Варианты возникают прежде всего за счет замены лексики, как в примере: *Карантин суров, но это закон* (МК. 31.03.2020), трансформации приписываемого Цицерону афоризма: *Закон суров, но это закон* (*Dura lex, sed lex*) или в Тяжело *в лечение, легко в гробу* (сетевой мем) — перифразе крылатой фразы А. В. Суворова об *учении* и *бое*, хоть и каламбурном, но одновременно мотивированном и метафорой *войны* с коронавирусом, *сражения* за жизни пациентов при *ученическом* подборе наощупь методов лечения, что делает каламбур многосмысленным и глубоким.

Возможна замена целых компонентов в составе известных паремий: *Чем бы дитя не тешилось, лишь бы в веб-камеру не лезло; Друг познается на социальной дистанции; Незванный гость — хуже инфицированного; На бога надейся, а руки помой; Любишь кататься — люби и масочки носить; Береги здоровье смолоду — мой руки с мылом*. То же касается и «крылатых» строк популярных текстов. Так, в статусе, «перепеваящем» песню «Брат» А. Державина: *Брат ты мне или не брат. Рад ты мне или не рад. Сядь со мной за стол налей себе вина, Соблюдай дистанцию метр или два*, припев получает «коронавирусное» звучание за счет замены оригинальной финальной строки: *И если ты мне брат, то пей со мной до дна*, вносящей изменения в понимание *братания*, предполагающего тесноту отношений и контактов.

Достаточно много каламбурных переосмыслений на основе игры звуковым сходством слов, подменяющих компоненты известных пого-

ворок: А ВОЗ и ныне там... (где *воз* замещает ВОЗ — Всемирная организация здравоохранения); та же звуко-смысловая игра присутствует и в карнавальном *Покайтесь, гречники!* (сетевой мем), где оценка людей, бездумно скупающих *гречневую [грешневую]* крупу, как *грешников* подержана корреляцией на фонетическом уровне.

Встречаются и довольно редкие, но выразительные примеры трансформации фразеологизированных существительных за счет смены членимого статуса одного из компонентов, как в случае с *бросить перчатку* 'бросать вызов; вступать в борьбу': *Бросание перчатки может привести к непоправимым последствиям* — в этом слогане, помеченном хештегом #ТранспортПротивВируса, с одной стороны, сохраняется значение *вызова и борьбы*, привносимое мотивирующим устойчивым выражением, с другой — актуализируется буквальное значение *сбрасывания перчатки*, чреватого заражением. В данном случае грамматическое изменение выражения, составляющего внутреннюю форму вновь образованной паремии, указывает на семантический сдвиг: *бросить перчатку* значит *бросить перчатку* обществу, бросить ему вызов своим поведением.

Новые «крылатые» выражения образуются и за счет структурных трансформаций — например, путем приращения новых компонентов к уже известной паремии, как в случае с советским лозунгом, переосмысленным в сетевом меме: *Мир, труд, май! Сиди дома, отдыхай!* (сетевой мем). Или, например, слова из песни «Нежность» А. Пахмутовой и Н. Добронравова получают продолжение (при одновременной замене местоимения, меняющей точку зрения): *Опустела без меня земля... Это самоизоляция* (сетевой статус).

И. Г. Милославский подчеркивает важность соотнесения образов ситуаций, представленных в сознании участников коммуникации, когда для точного понимания текста «из некоторого множества возможных значений следует выбрать именно то, которое представлено в тексте, созданном производителем речи» (Милославский, 2019, с. 734). В модифицированных паремиях образ, задаваемый исходным фразеологизмом, и образ реальной ситуации накладываются друг на друга и создается эффект обманутого ожидания: *Сам заварил гречневую кашу, сам и расхлебывай весь карантин*. Информационным центром, в терминах И. В. Зыковой (Зыкова, 2016, с. 543), в приведенном примере выступает паремия *Сам заварил кашу, сам и расхлебывай*, что означает «тот, кто виноват в создавшейся ситуации, пусть сам ее и разрешает». Компоненты «гречневая» и «карантин» вводят элементы коронавирусной ситуации, связанные с временным дефицитом гречневой крупы и ее особой популярностью. В паремии *Не так страшен черт, как коронавирус* в результате замены компонента (*как его малюют*) создается образ вируса, которого надо остерегаться больше, чем черта (хотя в подтексте и остается транслируемое общеязыковым выражением представление о том, что вирус не так страшен, как о нем думают и говорят). В паремии *Семь пятниц на неделе, когда мы целыми днями в постели* образ человеческого непостоянства (*Семь пятниц на неделе*) получает значение «одно и то же» за счет компонентов, связанных с карантином.

Можно сказать, что связь между производящей и производной паремиями, отражая когнитивные механизмы представления типовой ситуации в дискурсивной практике и изменения ее конвенционального образа при текстопорождении, является логико-синтаксической и актуализируется темой и ремой. В норме паремия представляет собой нечленимое единство, поэтому все в ней представляет собой тему или рему, входя в состав другого высказывания, а внутри высказывания темарематические отношения также установлены, поскольку коммуникативный акцент паремий уже зафиксирован языковой культурой. Однако исследование реального функционирования идиом в дискурсе позволило Д. О. Добровольскому определить «стремление идиом занять в высказывании классическую рематическую позицию» (Добровольский, 2016, с. 126), это и происходит в следующем примере: *Карантин – это когда **выйти** можно только из себя*. Смысл высказывания формируется одновременно компонентами, которые соответствуют создаваемому образу карантина и связанной с ним уединенности и безвыходности не только в переносном, но и в прямом смысле слова, и компонентами, которые относятся к психологическому состоянию, передаваемому идиомой *выйти из себя* ‘рассердиться, негодовать’. Смыслы, транслируемые конвенциональной идиомой, и формируют то новое, что сообщается о теме высказывания — *карантине* с его невозможностью никуда выйти: оценочное суждение в позиции ремы.

По наблюдению М. В. Влавацкой и З. М. Зайкиной, подобные трансформации в последнее время закономерно возникают в результате реакции на революционные изменения в разных сферах, и именно выявляемая структурно-семантическая динамика перехода от «старой» паремии к «новой» составляет суть изменения представлений о реальности (Влавацкая, Зайкина, 2018, с. 89), с чем трудно не согласиться.

Имена собственные в составе коронавирусных паремий

Появляются в коронавирусном дискурсе и загадочные персонажи — такие, как *Расхламинго*, *Ковидло* и *Уханька*.

Первый ассоциируется с охватившим миллионы «самоизолянтов» процессом «расхламления», а подспудно и с восклицанием, маркирующим успешное его завершение: *бинго!* Но здесь важна не только соотносимая с процессом «инговая» форма неологизма: он образует пару с появившимся значительно раньше словом *захламинго*, относящимся как к созданию определенных запасов: *у меня год начался с запланированного захламинго ухода* (cosmo.ru/forum. 01.01.2016), так и к состоянию захламленности, конкретному хламу: *У нее квартира-пенал с этажеркой на всю стену, будет куда композиции из сена и цветов ставить и прочие захламинго* (forum.baginya.org. 01.11.2018), и к производителям беспорядка: *У нас главный захламинго – муж. Он легко создаст кучу баракла вокруг красиво поставленного на тумбу горшка)))* (forum.updiet.info. 09.12.2018). Но интереснее всего ассоциация с мифонимом *птица Феникс*, символом восстания из небытия, возрождения из ничего: *Мне стенка ее понравилась, скоро захламинго там совет воронье гнездо. Лилька не может жить*

по-другому, в любом доме устроит кальвиссонию. Лилка *птица-захламинго* (forum.baginya.org. 01.11.2018). Таким образом, *Захламинго-Феникс* выступает как антагонист *Расхламинго*, также представляющим в образе птицы, похожей на *Розового фламинго* из одноименной песни Алёны Свиридовой, которая и формирует подтекст за счет ассоциации с *розовой мечтой, жизнь в розовом свете* и постоянно повторяемым припевом *Думай о хорошем!* Таким образом, «загадкой» становится само имя *Расхламинго*, а «отгадку» формирует довольно широкий контекст. В этом можно видеть подтверждение того, что слово в некоторых случаях может рассматриваться как «свертка» паремии и отраженных в ней текстов и контекста, о чем пишет, ссылаясь на идеи А. А. Потебни, В. М. Мокиенко (Мокиенко, 2010, с. 12).

Что касается *Ковидла*, то этот «оним» структурно встраивается в ассоциативный ряд *повидло* (вирус такой же липкий и легко «размазывающийся», его так же можно ненароком «съесть», «проглотить»), *быдло*, *кодла (-о)*, *падла (-о)* (а с этими бранными словами связаны ассоциации с чем-то тупым, не знающим норм морали и границ дозволенного, подлым, преступным). Эти ассоциации определяют содержание понятия, стоящего за именем вируса, а также оценивают его с точки зрения наивной этики.

Уханька же ассоциируется с представлением о домовенке — живущем в каждом доме маленьком мохнatom человеке, который может, рассердившись на «сожителей», устроить погром или как-то нашкодить. В сетевом фольклоре он представлен как персонаж по сути добрый, но оклеветанный:

Жил на свете маленький вирус Уханька, добрый и обычный вирус, который, как и все вирусы, помогал человекам и животным повышать свой иммунитет. Никому ничего плохого Уханька не делал, даже наоборот, к ослабленным старался не прилипать и мух не обижал. Напрасно Уханька думал, что раз он незаметный, то и злодеи его так же не видят. Злодеи его уже давно заприметили, да всё не знали, гадали, как выгоду свою да поиметь с него. Подослали они к Уханьке политологов окаянных, да не простых, маститых, которые обольстили доверчивого Уханьку, овладели его бдительностью, и сам Уханька очнуться не успел, как на него эти политологи повесили ярлыков «коварный», «убийца», «злодей» и «негодяй» (Zen.yandex.ru. Записки Кочегара. 09.04.2020).

С другой стороны, он появляется в образе разбушевавшегося «плохиша»: *Уханьку уже не остановить. Уханька — как неуловимый Джо* (forum.guns.ru. 23.02.20), а временами и почти былинного персонажа — как в ролике на Youtube «Битва эпических вирусов. *Уханька vs. Пенсилванька*», заставляя вспомнить о судьбоносной битве Пересвета с Челубеем. Вместе с тем в сети встречаются и тексты с четким указанием на референт — либо на сам вирус: *Уханька, она же коронавирусная инфекция COVID-19 — вирусное заболевание, вызываемое возбудителем SARS CoV-2, и похожее по многим симптомам на «обычный» грипп* (FAQ по «уханьке» — коронавирусу. 22.03.2020), либо на ассоциирующийся с ним предмет: *Средства защиты, изготовленные в Китае, медики назвали в честь китайской провинции Ухань — «уханька»* (ФАН. 22.03.2020).

И *Ковидло*, и *Уханька*, таким образом, представляют собой своеобразную «отгадку в загадке», где имя собственное воспринимается как индекс стереотипных образов и ассоциаций, возникающих на основе знаний (Ковшова, 2019, с. 311), с той разницей, что знания эти соотносятся с ситуациями, в которых действуют другие персонажи. Однако имя собственное в паремии всегда, на что указывает М. Л. Ковшова (Там же, с. 365), становится сигналом, инициирующим креативную доработку образа участниками коммуникации.

Как можно было видеть, во всех случаях в результате когнитивного, грамматического или структурного рефрейминга происходит формирование новой, ярко выраженной субъектно-предикатной структуры паремии — на логико-семантическом уровне: «старая» единица либо впитывает смыслы, транслируемые новой референтной ситуацией, обретая новое значение, либо сама предиктирует свое содержание «новой», встраиваясь в ее семантическую структуру в виде оценочного компонента; в то же время неологизмы имитируют паремийные компоненты, по отношению к которым семантическим предикатом становится обширный лингвокультурный контекст. Отметим и то, что одной из основных коммуникативных интенций при формировании коронавирусного дискурса становится защита языковой личности от негативной информации (Селезнева, 2020), что обуславливает такое информационное развертывание высказывания, которое переводит говорящего субъекта в возможный мир, где действуют законы формируемого им дискурса и способом репрезентации «особого» взгляда на коронавирусную ситуацию становятся модифицированные фразеологизмы и паремии.

Список литературы

Абрамов А. Словарь эпохи коронавируса: «Ковидиоты на самоизоляции зачали корониалов, зумились и оформили ковидиворс» // Комсомольская правда. 2020. 22 мая. URL: <https://www.kp.ru/daily/27132/4221683> (дата обращения: 31.10.2020).

Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965.

Влавацкая М. В., Зайкина З. М. Комбинаторная паремиология как область изучения новых паремий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. №11 (89), ч. 1. С. 88–92.

Добровольский Д. О. Идиоматика и информационная структура высказывания // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М., 2016. С. 126–136.

Зыкова И. В. Фразеологическая креативность как фактор организации информационного поля дискурса // Логический анализ языка. Информационная структура текстов разных жанров и эпох. М., 2016. С. 538–547.

Иссерс О. С. Люди говорят... Дискурсивные практики нашего времени. Омск, 2012.

Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок: антропонимический код культуры. М., 2019.

Ковшова М. Л. Оценочность идиом и наивная этика паремий: лингвокультурологический аспект исследования // Филология и культура. 2013. №3. С. 79–85.

Красина Е. А. Дискурс, высказывание и речевой акт // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2016. Т. 20, №4. С. 91 – 102.

Леонов А. 100 прикольных статусов про самоизоляцию // ID Magazine. URL: <https://intrigue.dating/interesnoe/100-prikolnyh-statusov-pro-samoizolya-iu/> (дата обращения: 30.10.2020).

Милославский И. Г. Контекстуальность в русском языке // Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23, №3. С. 731 – 748.

Миронова Г., Кутцевич Е. Паремийный фонд национального языка как отражение кризисных явлений в обществе // Parémie narodů slovanských III. Ostrava, 2007. S. 45 – 62.

Мокиенко В. М. Современная паремиология (лингвистические аспекты) // Мир русского слова. 2010. №3. С. 6 – 20.

Погорелова И. В. COVID-19: языковая репликация // Современный ученый. 2020. №4. С. 226 – 229.

Северская О. И. «Ковидиоты на карантинкулах»: коронавирусный словарь как диагностическое поле актуальных дискурсивных практик // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. №4. С. 887 – 906.

Селезнева Л. В. Фразеологические модификации коронавирусного режима // Славянская фразеология и паремиология. Традиционные и новаторские решения проблем. К 80-летию со дня рождения профессора В. М. Мокиенко : сб. науч. ст. / Е. В. Ничипорчик (отв. ред.) [и др.]. Гомель, 2020. С. 220 – 223.

Чернявская В. Е. Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. №50. С. 135 – 148.

Lawson R. Coronavirus has led to an explosion of new words and phrases – and that helps us cope // The Conversation. 2020. April 28th. URL: <https://theconversation.com/coronavirus-has-led-to-an-explosion-of-new-words-and-phrases-and-that-helps-us-cope-136909> (дата обращения: 15.09.2020).

Lobin H. Kommunikation in der Coronacrise // Scilogs: Tagebücher der Wissenschaft. 28. März 2020. URL: <https://scilogs.spektrum.de/engelbart-galaxis/kommunikation-in-der-coronacrise/> (дата обращения: 15.09.2020).

Wicke Ph., Bolognesi M. Framing COVID-19: How we conceptualize and discuss the pandemic on Twitter. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2004/2004.06986.pdf> (дата обращения: 15.09.2020).

Об авторах

Ольга Игоревна Северская, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Россия.

ORCID: 0000-0002-6277-9756

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Лариса Васильевна Селезнева, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, Россия.

ORCID: 0000-0002-8546-6496

E-mail: loramuz@yandex.ru

Для цитирования:

Северская О. И., Селезнева Л. В. Рефрейминг идиом и паремий в коронавирусном дискурсе // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №1. С. 96 – 109. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-7.

REFRAMING PAROEMIAS OF THE CORONAVIRUS DISCOURSE

O. I. Severskaya¹, L. V. Selezneva²¹ Vinogradov Russian Language Institute
RAS 18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia² Russian state social University
4 Wilhelma PIK str., Moscow, 129226, Russia,

Submitted on December 01, 2020

doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-7

The article explores the specifics of the paremic space of the coronavirus discourse, in which new images of typical situations related to the coronavirus pandemic are formed. The coronavirus narrative affects the use of phraseological units and paroemias, which, despite their stable structure, are subject to various modifications. The aim of this research is to determine the ways paroemias are modified by time-reframing, being one of the main discourse strategies. Modifications of phraseological units are set by the pragmatic goal of the subject of discourse, who, on the one hand, introduces new relevant information into the language, and on the other, is forced to protect himself/herself from any negative information. This implies an axiological reinterpretation of statements and their humorous presentation. The research methodology includes linguistic, pragmatic and cultural analyses used to study language phenomena as a means of organizing social experience in speech communication, as well as corpus-based methods of the selection and processing of linguistic data. This involves not only identifying language units and structures, but also describing conditions and mechanisms for their selection and functioning. The research material included examples of phraseological and paremiological transformations characteristic of the coronavirus discourse: rephraseologization, formation of new meanings of idioms, and lexical and structural changes of phraseological units. Special attention is paid to the so-called 'naïve' axiology. The coronavirus discourse includes neologisms, a significant number of phraseological units and idioms, which have acquired new meanings, as well as new proper nouns such as Raskhlamingo, Kovidlo and Ukhan'ka.

Keywords: phraseology, paremiology, transformation, reframing, linguoculturological analysis, discourse

References

Abramov, A. Dictionary of the Coronavirus Era: "Covidiot's conceived coronials on self-isolation, zoomed and issued covidivors". *Komsomol'skaya Pravda* [Komsomolskaya Pravda] 22 May 2020. Available at: <https://www.kp.ru/daily/27132/4221683> (data obrashcheniya: 31 december 2020) (in Russ.).

Bakhtin, M. M., 1965. *Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance*, Moscow, 545 p. (in Russ.).

Chernyavskaya, V. Ye, 2017. Methodological possibilities of discourse analysis in corpus linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology], No 50, p. 135 – 148 (in Russ.).

Dobrovolskiy, D. O., 2016. Informational structure of texts of different genres and eras. *Logicheskiy analiz yazyka. Informatsionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epoch* [Logical analysis of the language. Information structure of texts of different genres and epochs], Moscow, pp. 126 – 136 (in Russ.).

Issers, O. S., 2012. *Lyudi govoryat... Diskursivnye praktiki nashego vremeni*. [People say... Discursive practices of our time], Omsk, 276 p. (in Russ.).

Kovshova, M. L., 2013. Evaluation of idioms and naive ethics of paremias: the linguoculturological aspect of the study. *Filologiya i kul'tura*. [Philology and culture]. 2013. №3. pp. 79–85. (in Russ.).

Kovshova, M. L., 2019. *Lingvokul'turologicheskij analiz idiom, zagadok, poslovic i pogovorok: antroponimicheskij kod kul'tury*. [Linguoculturological analysis of idioms, riddles, Proverbs and sayings: anthroponymic code of culture], Moscow, 400 p. (in Russ.).

Krasina, Ye. A., 2016. Discourse, utterance and speech act. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics], Vol. 20, No 4, p. 91–102.

Lawson, R., 2020. Coronavirus has led to an explosion of new words and phrases – and that helps us cope, *The Conversation*, April 28th, available at: <https://theconversation.com/coronavirus-has-led-to-an-explosion-of-new-words-and-phrases-and-that-helps-us-cope-136909> (accessed date: September 15, 2020).

Leonov, A., 2020. 100 cool statuses about self-isolation. *ID Magazine*. [ID Magazine], available at: <https://intrigue.dating/interesnoe/100-prikolnyh-statusov-prosamoizolya-iu/> (accessed 30 december 2020) (in Russ.).

Lobin, H., 2020. Kommunikation in der Coronacrise, *Scilogs: Tagebücher der Wissenschaft*, 28. Marz, available at: <https://scilogs.spektrum.de/engelbart-galaxis/kommunikation-in-der-coronakrise/> (accessed date: September 15, 2020).

Miloslavskij, I. G., 2019. Contextuality in Russian. *Russian Journal of Linguistics* [Russian Journal of Linguistics], Vol. 23, No 3, pp. 731–748 (in Russ.).

Mironova, G., Kupceвич, E., 2007. Paremiya fund of the national language as a reflection of crisis phenomena in society. *Parémie narodů slovanských* [Paremia of the Slavic peoples], III, Ostrava, pp. 45–62 (in Russ.).

Mokienko, V. M., 2010. Modern paremiology (linguistic aspects). *Mir russkogo slova* [World of the Russian word], No 3, pp. 6–20 (in Russ.).

Pogorelova, I. V., 2020. COVID-19: language replication. *Sovremennyy uchenyy* [Modern Scientist], No 4, p. 226–229 (in Russ.).

Selezneva, L. V., 2020. Phraseological modifications of the coronavirus regime. *Slavyanskaya frazeologiya i paremiologiya. Traditsionnyye i novatorskiye resheniya problem. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya professora V. M. Mokiienko. Sbornik nauchnykh statey* [Slavic phraseology and paremiology. Traditional and innovative solutions to problems. On the occasion of the 80th anniversary of the birth of Professor V.M. Mokienko. Collection of scientific articles], Ye. V. Nichiporchik (ed.), Gomel', p. 220–223 (in Russ.).

Severskaya, O. I., 2020. Covidioty on coronacation: coronaviral lexicon as a diagnostic field for actual discursive practices. *Kommunikativnyye issledovaniya* [Communication Studies (Russia)], Vol. 7, No 4, p. 887–906 (in Russ.).

Ylavackaya, M. V., Zajkina, Z. M., 2018. Combinatorial paremiology as a field of study of new paremias. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], No 11(89), part. 1, pp. 88–92 (in Russ.).

Wicke, Ph., Bolognesi, M., 2020. *Framing COVID-19: How we conceptualize and discuss the pandemic on Twitter*, available at: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/2004/2004.06986.pdf> (accessed date: September 15, 2020)

Zykova, I. V., 2016. Phraseological creativity as a factor of organizing the information field of discourse. *Logicheskij analiz yazyka. Informacionnaya struktura tekstov raznykh zhanrov i epoh*. [Logical analysis of the language. Information structure of texts of different genres and epochs], Moscow, pp. 538–547 (in Russ.).

The authors

Olga I. Severskaya, Leading Researcher, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Russia.

ORCID: 0000-0002-6277-9756

E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Larissa V. Selezneva, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature, Russian State Social University, Russia.

ORCID: 0000-0002-8546-6496

E-mail: loramuz@yandex.ru

To cite this article:

Severskaya, O.I., Selezneva, L.V. 2021, Reframing paroemias of the coronavirus discourse, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 1, p. 96–109. doi: 10.5922/2225-5346-2021-1-7.

ТРЕБОВАНИЯ К ПОДГОТОВКЕ СТАТЕЙ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «СЛОВО.РУ: БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ»

Правила публикации статей в журнале

1. Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.

2. Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично без согласия редакции.

3. Рекомендованный объем статьи – до 1,5 п. л.; научного сообщения – до 0,5 п. л. (включая заглавие, аннотацию, ключевые слова, список литературы на русском и английском языках).

4. Все присланные в редакцию рукописи проходят двойное «слепое» рецензирование, а также проверку по системе «Антиплагиат», по результатам чего принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Уровень оригинальности авторских материалов по данным системы «Антиплагиат» должен составлять не менее 80 % (с учетом оформленного цитирования и самоцитирования).

5. Плата за публикацию рукописей не взимается.

6. Для рассмотрения редакционной коллегией статья может быть отправлена по электронной почте главному редактору либо ответственному редактору журнала. Также статья может быть подана на рассмотрение через электронную форму на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <http://journals.kantiana.ru/>

7. Решение о публикации (доработке, отклонении) статьи принимается редакционной коллегией журнала после ее рецензирования и обсуждения.

Комплектность и форма представления авторских материалов

1. Статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи (основные правила индексирования по УДК см.: <http://www.naukapro.ru/metod.htm>);

- название статьи строчными буквами на русском и английском языках;
- аннотацию на русском и summary на английском языке (200–250 слов); аннотация располагается перед ключевыми словами после заглавия, summary – после статьи перед references;

- ключевые слова на русском и английском языках (4–10 слов); располагаются перед текстом после аннотации;

- список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, и references на латинице (Harvard System of Referencing Guide);

- сведения об авторе(-ах) на русском и английском языках (Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, место работы, e-mail, контактный телефон, почтовый адрес места работы).

2. Оформление списка литературы.

- Список литературы, оформленный в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5.-2008, приводится в конце статьи в алфавитном порядке без нумерации. Сначала перечисляются источники на русском языке, затем – на иностранных языках.

Если в списке литературы есть несколько публикаций одного автора одного года издания, то рядом с годом издания каждого источника ставятся буквы *a*, *b* и др. Например:

Брюшинкин В. Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прелегомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht ; Boston ; L., 1992.

• Источники, опубликованные в интернет-изданиях или размещенные на интернет-ресурсах, должны содержать точный электронный адрес и обязательно дату обращения к источнику (в круглых скобках) по образцу:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (дата обращения: 09.11.2009).

3. Оформление references.

В английский блок статьи необходимо добавить список литературы на латинице (references), оформленный по требованиям *Harvard System of Referencing Guide*: сначала дается автор, затем год издания. В отличие от списка литературы, где авторы выделяются курсивом, в references курсивом выделяется название книги (журнала). В квадратных скобках дается перевод на английский язык названия указанного источника, если он издан не на латинице. Например:

Книга на кириллице: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovanija processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh sojazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstvo* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern system of universal], Moscow, 363 p.

Книга на латинице: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Журнальная статья на кириллице: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja priority mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of international scientific and technological cooperation between Russia], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available at: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Журнальная статья на латинице: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

Более подробно с правилами составления references можно ознакомиться на сайте: libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. Оформление ссылок на литературу в тексте.

• Ссылки на литературу в тексте даются в круглых скобках: автор или название источника из списка литературы и через запятую год и (для цитаты) номер страницы: (Кант, 1994а, с. 197) или (Howell, 1992, p. 297).

• Ссылка на многотомное издание: автор или название источника из списка литературы, затем через запятую год, номер тома и номер страницы: (Шопенгауэр, 2001, т. 3, с. 22).

5. Предоставленные для публикации материалы, не отвечающие вышеизложенным требованиям, в печать не принимаются, не редактируются и не рецензируются.

Общие правила оформления текста

Авторские материалы должны быть подготовлены *в электронной форме* в формате А4 (210 × 297 мм).

Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в формате *doc* и *docx* (Microsoft Office).

Подробная информация о правилах оформления текста, в том числе таблиц, рисунков, ссылок и списка литературы, размещена на сайте Единой редакции научных журналов БФУ им. И. Канта: <https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Порядок рецензирования рукописей

1. Все рукописи, поступившие в редколлегию, проходят двойное «слепое» рецензирование.

2. Главный редактор журнала определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет ее на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

3. Сроки рецензирования определяются с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

4. В рецензии устанавливается:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли в данной области;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и формул;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом имеющейся по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) рекомендуется (с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков) или не рекомендуется статья к публикации в журнале.

5. Текст рецензии направляется автору по электронной почте.

6. Если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению и доработке статьи, главный редактор журнала направляет автору текст рецензии с предложением учесть их при подготовке нового варианта статьи или аргументированно (частично или полностью) их опровергнуть. Доработанная (переработанная) автором статья повторно направляется на рецензирование.

7. Статья, не рекомендованная к публикации хотя бы одним из рецензентов, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

8. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редколлегией.

9. После принятия редколлегией решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

10. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала в течение пяти лет.

SLOVO.RU: THE BALTIC ACCENT JOURNAL

Guide for authors

1. The journal welcomes relevant and novel contributions. Articles submitted should include problem formulation, results, and conclusions and comply with the guide requirements.

2. Submitted materials should be original and not published elsewhere. Upon submitting an article to the journal, the author undertakes not to publish the article elsewhere, in whole or in part, without consent from the editorial board of the journal.

3. The recommended length of an article is 40,000 characters and that of a report is 20,000 characters with spaces, abstracts, keywords, and references in Russian and English.

4. All submitted contributions are subject to double-blind peer review and plagiarism scanning. The acceptable similarity index is below 20%.

5. There is no charge for publication.

6. To be considered by the editorial board, contributions are submitted via e-mail to the editor-in-chief or the publishing editor. Alternatively, authors can use the submission form on the IKBFU Journals website at <http://journals.kantiana.ru/>

7. The decision on the acceptance, improvement, or rejection of articles is made by the editorial board, following peer review and discussion.

Article structure and style

1. Contributions should include:

- a Universal Decimal Classification index (UDC) most relevant to the topic of the article;
- the title of the article in English and Russian, all lowercase;
- abstracts in English and Russian (200–250 words); the abstract in Russian is placed after the title and before the keywords; the summary in English is placed after the body of the article and before the references;
- keywords in Russian and English (4–10 words); keywords are placed before the body of the article after the abstract;
- references in Russian prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 and Harvard-style references in the Latin script;
- a brief autobiographical note in Russian and English, including the full name(s), academic title(s), affiliation(s), e-mail address(es), phone number(s), and work address(es) of the author(s).

2. References.

• References prepared according to GOST R 7.0.5.-2008 are given at the end of the article in alphabetical order, unnumbered. Sources in Russian are listed first, followed by those in foreign languages. If works that have the same author and were written in the same year are cited, a lowercase letter (*a*, *b*, etc.) should be used after the date to differentiate between the works. For example:

Брюшинкин В.Н. Взаимодействие формальной и трансцендентальной логики // Кантовский сборник. 2006. №26. С. 148–167.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука // Сочинения : в 8 т. М., 1994а. Т. 4.

Кант И. Метафизические начала естествознания // Сочинения : в 8 т. М., 1994б. Т. 4.

Howell R. Kant's Transcendental Deduction: An Analysis of Main Themes in His Critical Philosophy. Dordrecht; Boston; L., 1992.

• If an online source is cited, the reference should include the exact URL for the article and the date of accession, parenthesised. For example:

Walton D. A. Reply to R. Kimball. URL: www.dougwalton.ca/papers%20in%20pdf/07ThreatKIMB.pdf (accessed 09.11.2009).

3. References in the Latin script.

The English-language part of the article should contain Harvard-style references in the Latin script: name of the author(s) followed by the year of publication. The title of the book (journal) should be italicised. If a work has not been published in a language using the Latin script, an English translation of the title should be provided in brackets. For example:

Cyrillic-script book: Borisov, K. G. 1988, *Mehanizm pravovogo regulirovaniya processa internacionalizacii mnogostoronnih nauchno-tehnicheskikh svjazej v sovremennoj vseobshhej sisteme gosudarstv* [The mechanism of legal regulation of the internationalization process of multilateral scientific and technical relations in the modern universal system of states], Moscow.

Latin-script book: Keohane, R. 2002, *Power and Interdependence in a Partially Globalized World*, New York, Routledge.

Cyrillic-script article: Dezhina, I. G. 2010, Menjajushhiesja prioritety mezhdunarodnogo nauchno-tehnologicheskogo sotrudnichestva Rossii [Changing priorities of Russia's international scientific and technological cooperation], *Ekonomicheskaja politika* [Economic policy], no. 5, pp. 143–155, available from: www.iep.ru/files/text/policy/2010_5/dezgina.pdf (accessed 08 April 2013).

Latin-script article: Johanson, J., Vahlne, J.-E. 2003, Business Relationship Learning and Commitment in the Internationalization Process, *Journal of International Entrepreneurship*, no. 1, pp. 83–101.

For more details on Harvard-style referencing, see libweb.anglia.ac.uk/referencing/harvard.htm

4. In-text referencing.

• In-text references should be parenthesised and include the name(s) of the author(s), the year of publication, and the page number (for citations), separated by commas. For example: (Howell, 1992, p. 297).

• References to multi-volume works: the name(s) of the author(s), the year of publication, the volume number, and the page number, separated by commas (Schopenhauer, 2001, 3, 22).

5. A failure to meet the above requirements may result in the rejection of a manuscript.

Formatting

Manuscripts should be submitted in an electronic format as an a4-size document (210 × 297 mm).

Contributions are accepted in the *doc* and *docx* formats only (Microsoft Office).

For more details on the text, table, and figure formatting and referencing, see the IKBFU Journals website at

<https://journals.kantiana.ru/journals/slovoru/pravila-oformleniya/>

Peer review process

1. All submitted contributions are subject to double-blind peer review.
2. The editor-in-chief establishes whether submitted works fit the scope and comply with the standards of the journal and submits them for review to an expert with relevant qualifications, holding a doctoral or postdoctoral degree.
3. The review period is such as to ensure prompt publication of accepted articles.
4. The review establishes:
 - a) whether the content of the article corresponds to its title;
 - b) whether the contribution is in line with the latest findings in the field;
 - c) whether the language, style, and layout of the text, tables, diagrams, figures, and formulae make the work clear to readers;
 - d) whether the article contains original research;
 - e) what the strengths and weaknesses of the article are and what improvements should be made;
 - f) whether the manuscript is suitable for publication in the journal.
5. The review is sent to the author via e-mail.
6. If a reviewer recommends reworking the article, these recommendations are sent to the author with suggestions for revision. The author(s) has(ve) the right to defend his/her(their) position. A revised article is resubmitted for review.
7. An article that has been rejected by at least one reviewer cannot be resubmitted. The text of a negative review is sent to the author via e-mail, fax, or regular mail.
8. A positive review is a necessary but not sufficient condition for publication. A final decision is made by the editorial board.
9. If a positive decision is made, the publishing editor notifies the author(s) and inform him/her(them) of the publication date.
10. The editorial board keeps reviews for five years.

СЛОВО.РУ:
БАЛТИЙСКИЙ АКЦЕНТ

SLOVO.RU:
BALTIC ACCENT

2021

Том 12
Vol. 12
№ 1

Редактор *Е. Т. Иванова*. Корректор *Е. А. Алексева*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Copy-edited by *E. Ivanova, E. Alekseeva*
Layout by *G. Vinokurova*

Подписано в печать 16.03.2021 г.
Формат 70×108 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 10,2
Тираж 120 экз. (1-й завод — 80 экз.). Заказ 22
Свободная цена

Signed 16.03.2021
Page format 70×108 ¹/₁₆. Reference printed sheets 10,2
Edition 120 copies (first print: 80 copies). Order 22
Free price

Издательство Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта
236022, г. Калининград, ул. Гайдара, 6

Immanuel Kant Baltic Federal University Press
6 Gaidara st., Kaliningrad, 236022, Russia